

CYCLONOPEDIA

complicity with Anonymous Materials

Reza Negarestani

incognitum hactenus by Kristen Alvanson

ЦИКЛОНОПЕДИЯ соучастие с анонимными материалами

Реза Негарестани

incognitum hactenus — Кристен Алвансон

носорог

УДК 82-96
ББК 87.1
Ц59

Негарестани Р.

Ц59 Циклонопедия: соучастие с анонимными материалами / пер. с англ.
П. Хановой. — М.: Носорог, 2019. — 272 с.

ISBN 978-5-6041497-4-4

Долгожданный русский перевод экспериментального романа иранского философа Резы Негарестани. За прошедшие с момента первой публикации десять лет «Циклонопедия» приобрела культовый статус и оказала заметное влияние на специфику современного интеллектуального производства. Ее жанр обычно определяют как теоретический фикшен, но за этими контурами скрываются хоррор, спекулятивная теология, политический самиздат, история Земли и будущее нефти. Написанная на материале, характерном для ближневосточного контекста, книга резонирует в том числе с российскими реалиями, во многом определяемыми значением углеводородного сырья. «Циклонопедия» — одна из книг, формирующих интеллектуальные поиски нашего времени.

Перевод с английского Полины Хановой под редакцией Йозефа Перева

© Reza Negarestani, 2008

© ООО «Мамихлапинатана», издание на русском языке, 2019

Эта рукопись никогда бы не увидела свет, если бы не неустанные усилия Робина Маккея, который прочел и отредактировал ее.

Кристен Алвансон

Рейс 002 «Турецких авиалиний»

Воскресенье, 24 июля 2005 года

Выпила два бокала совиный блан в баре аэропорта Кеннеди. Таблетку снотворного на борту. Кажется, до этого я приняла обезболивающее и пару таблеток адвила. Самолет задержали на полосе. Включаюсь и выключаюсь, жду, жду, сплю.

Проснулась в полете... кажется, еще взлетаем, самолет задирает нос. Чувствую себя паршиво, тошнит; быстро поднимаюсь, чтобы пойти в туалет... нужно дойти до туалета...

Сознание ускользает, и на мгновение мне кажется, что я могу больше не очнуться. Следующее, что я помню, — я на полу, и пассажиры в креслах надо мной смотрят вниз. Говорю им, что я упала в обморок, и они все издают жужжащий звук, похожий на «дрожжи». Передо мной стюардесса, она что-то говорит. Я знаю, что должна подняться. Она подает мне руку, и я поднимаюсь. На меня все смотрят. Мне слишком паршиво, чтобы смущаться. В туалете. Я не хочу выходить, потому что все будут на меня пялиться. Сидя на закрытой крышке унитаза, согнувшись пополам, закрываю глаза, все красное.

Вспышки алой крови, в которых мерцают те же амебопочкообразные силуэты, которые я всегда вижу с закрытыми глазами, только не синие или желто-золотые, а красные. Кажется, я сейчас снова упаду в обморок. Меня сейчас стошнит. Время идет. Ускользает в черноту. Перед глазами красно-оранжевое. Закрываю глаза, красное чувство моего обнаженного тела, лежащего в сгустках крови, свер-

нувшей перезрелой крови. Я открываю дверь, меня ждет стюардесса. Она протягивает мне бордовые солнечные очки, которые, должно быть, свалились, когда я упала. Она провожает меня на мое место в середине центрального ряда.

Начинаю смотреть фильм на ноутбуке: «Что ни день, то неприятности» напоминает мне одну из песен Фрэнка Заппы. Мысль, что фильм скоро кончится, будоражит мое либидо, но мне неудобно...

Понедельник, 25 июля 2005 года

Лечу в Стамбул на встречу с чуваком, который подписывается змееобразным инициалом **2**, непризнанным по-английски.

Планировала встретиться с **2** в аэропорту... Прибываем в аэропорт примерно с часовым опозданием; выхожу из самолета, таща тяжелую сумку, меняя руки, чтобы распределить вес по телу. Быстрыми шагами по коридору, оглядываясь по сторонам, высматривая **2**. На траволаторе иду быстрее, дальше по коридору, потеют ладони. В визовый отдел, без труда покупаю визу за \$20 и быстро перехожу в очередь на таможню. Я прохожу досмотр и затем иду вперед, в зону выдачи багажа, вдоль длинной линии транспортеров... кажется, что-то не так, поэтому я спрашиваю пару работников аэропорта, где рейс 002 из Нью-Йорка, и они указывают мне на № 7 в другом конце зала. Поглядываю на свой *Blackberry* в ожидании багажа. Мейл от АГ, пишет, что бывал в Стамбуле. В толпе **2** не обнаруживается; не то чтобы я знала, как он выглядит, так как он сказал, что не фотографируется, но сообщил, что будет в темно-коричневой рубашке и узнает меня. Я стараюсь быть на виду, одета в то, во что должна была, и брожу туда-сюда по залу прилетов в надежде, что он меня найдет. В ожидании я размышляю о том, что будет, если мы с **2** не встретимся. Проходит несколько часов, но он не показывается, так что я отправляюсь в отель под названием *Nena* в районе Султанахмет, который предложил **2**.

По пути в отель, в предоставленном мне автобусе, я, как обычно, разглядываю окружающие здания и растительность и пытаюсь понять, на что больше всего похож окружающий ландшафт. На мгновение мне видится, как ни странно, сходство с Белизом. Я принимаю цветы посреди дороги за черный олеандр, и это приводит меня в восторг. Здания выглядят сборными, квадратной конфигурации. Мимо пролетает многое: справа море — в нем множество кораблей, слева — земля. Водитель поворачивает налево, и автобус карабкается вверх по узкой брусчатой улочке, полной колоритных домиков. Дух Турции не похож ни на что из того, что я испытывала прежде. Я включаю *iPod* и нахожу файл с произношением его (**2**) имени, который он мне послал. Файл отмечен как самая проигрываемая песня. Это одна из тех штук, которые немцы называют *unaussprechbar*.

Регистрируюсь в отеле. Комната 302. Пытаюсь позвонить 2 по номеру, который он дал... нет ответа. 2 собирался показать мне Стамбул. После того как он послал мне мейл, найдя меня через мой профиль на сайте *Suicide Girls*, мы переписывались несколько месяцев. Он сказал, что обратился ко мне, потому что я указала в качестве своего любимого писателя одного профессора из Уорика, которого он знал, и тот был его другом. Чтобы законтачиться на SG, надо быть зарегистрированным пользователем, но такого странного профиля я, признаться, никогда не видела... В графе «местонахождение» он написал «Такла-Макан», любимая книга — «Эдем Эдем Эдем», и больше почти ничего. Как и полностью черный квадрат на его аватарке, 2 был загадочен и довольно подозрителен... именно такой тип загадочности, который меня заводит. Стамбул должен был стать классным, классным приключением.

Пытаюсь написать ему через профиль на SG, но он деактивирован.

Понимаю, что 2 не собирается появляться, а у меня в Турции нет знакомых и невозвратный билет. Надо как-то убить около семи дней. Так что я принимаю решение извлечь пользу из ситуации — поглазеть на достопримечательности, найти приключений на свою задницу, забыть про работу. Я помню, что у меня в руках была черная книга с серо-черной обложкой, пока я ждала посадки на самолет; начала читать, на обложке было изображение тела, вытянутого в темноту.

1:36 pm. Снова пишу 2 на его мейл *chemical_pink*... признаю, мои сообщения начинают звучать омерзительно жалобно. Нет ответа. Я помню, что одной из причин, по которым я ответила на его первое письмо, было слово *pink* в адресе (как будто он создал этот адрес специально, чтобы раздражить меня).

Вышла и побродила вокруг, оказалась в Голубой мечети... ноги закрыты зеленой чадрой. Красота, вокруг очаровательные сады, гортензии в цвету, как у нас дома, в Нью-Йорке. На улице слишком жарко... назад в комнату, по дороге обратно купить бутылку шардоне и турецкий кебаб на вынос.

Я наконец чувствую, что вот-вот проснусь. Не то чтобы ходя во сне, но не совсем понимая, когда я и где я, случайно опрокидываю все еще полный бокал, и вино выплескивается на пол между двумя кроватями. Реагирую на автомате и бреду в ванную за полотенцем. Начинаю промакивать разлитое вино... удивительно, бокал не разбился. Жидкость течет, впитывается под кровать, заставляю себя включить свет и заглянуть под покрывало. В полусне я вижу под кроватью какой-то предмет. Вино до него не дотечет, а я устала убираться. Грязно, и я думаю: возвращайся в постель.

Вторник, 26 июля 2005 года

Утром солнце пробивается через оранжевые гобеленовые занавески. Я чувствую себя не в своей тарелке. Я знаю, дело в разнице во времени. Оглядываюсь на вто-

рую кровать и вижу пыльную коробку, смутно припоминая, что она была извлечена вчера ночью из-под моей кровати.

Я вспоминаю письмо 2, в котором он писал, что пребывание на Ближнем Востоке и встреча с его культурами и языками будет для меня шоком; это словно неожиданно провалиться в дыры гладкого нарратива истории, которую я читала годами, — вдруг номера страниц начинают плыть, а вещи пропадать.

Слушая *Lupus in Fabula*, я приступаю к исследованию содержимого коробки. Она содержит следующие предметы:

- толстую кипу печатного текста, озаглавленного «Циклопедия» и подписанного от руки именем Реза Негарестани; к каждой главе скрепками приколоты разные предметы, некоторые страницы почти скрыты под желтыми наклейками, поля плотно исписаны комментариями от руки, изрисованы черной ручкой и розовым маркером, так что я почти не могу ничего прочитать; похоже на рукопись книги;
- визитку мастерской по ремонту компьютеров;
- коробочку с браслетом внутри;
- старую открытку с видом Стамбула и старотурецким текстом, а также надписями на обороте, приклеенную к библиотечной карточке *Librairie de Pera*;
- бумажку, аккуратно вложенную между страницами рукописи; похоже на шифр PGP с неполным открытым ключом; сверху на бумажке приписка от руки: «надо послать им мой полный ключ»;
- очень старую страницу, вырванную из книги, с изображением девушки, топора и собаки-волка;
- видеодиск с фильмом, озаглавленным *J'ai pas Sommeil*.
- Ксерокопия книги «Могила для пятисот тысяч солдат» Пьера Гийота.

Ошеломленная выходом на новый уровень приключения, я вытаскиваю фрагменты своей новой находки один за другим. Теперь я могу понять 2, который говорил мне, что «нет более острого удовольствия, чем зачарованно замереть перед новой вещью или найти новое оружие в видеоигре».

//

Приписка сверху одного из разделов: «Айя-София Императорская ложа второй ярус». Надо сходить.

Клинки солнца скользят по моей скандинавской коже. Иду в Айя-Софию и осматриваюсь. У меня есть карта, а еще указатель, который я купила, чтобы найти ложу в соборе Премудрости Божией. Не могу понять, как пользоваться указателем, прослеживая загадочные буквы и пиктограммы на полу и стенах. Все храмы построены на богохульстве, как-то сказал мне 2; здесь я отчетливо это вижу.

I «Не могу уснуть» (фр.). — Примеч. пер.

Изображения крылатых мерзостей в углах свода. Верхний ярус — балаган святых и мучеников под защитой печати, которую ² однажды прислал мне, на стенах — перекрученная цифра или символ, начинающийся ровно и закручивающийся подобно петле Мебиуса. Похоже на каллиграфическое письмо на арках и на фасадах снаружи турецких зданий.

Пока я озираюсь с правой стороны зала в кучке туристов, ко мне подходит парень и говорит: «Вы говорите по-английски или по-турецки?» И я говорю: «Да, по-английски». Он загорается и говорит: «Вы это видели?», и показывает в угол, где толпятся остальные туристы. Небольшое пространство за черной кованой решеткой. Любопытно, нужно взглянуть... сквозь решетку я гляжу вправо и вижу золото. По возвращении он спрашивает меня, что я думаю, и я отвечаю: я видела. Уходя, замечаю фигурку на полу главного нефа, похожую на Астробоя из «Жидкого неба».

//

По дороге в отель я достаю iPod и надеваю наушники. Иду обратно, слушая Музыку... солнце затекает мне в глаз.

Жжет Жжет Жжет Жжет

//

Ищу Резу Негарестани в сети.

Нахожу статью, озаглавленную «„Нечто“ Джона Карпентера. Белая война и гиперкамуфляж», но текст заменен сообщением «Страница недоступна»; фрагмент с аналогичным названием есть в рукописи РН. Хотя пост недоступен, комментарии открыты, первый комментарий от РН гласит: «Идентичности — это дыры в сюжете чьего-то еще *curriculum vitae*».

Ктеория, «Гиперверие» и *Cold Me*. Я связываюсь с другими авторами сайта «Гиперверие», которые, похоже, довольно давно знают РН, но никто из них не встречал его лично и не может мне ничем помочь. Участник «Гиперверия» спрашивает меня, знаю ли я, где Реза, потому что он внезапно исчез из форума 18 июня, и предлагает связаться с иранскими друзьями РН. Я ищу его последнюю статью (и снова — «Страница временно недоступна»). Просматриваю несколько блогов, ссылки на которые встречаются на «Гиперверии» и которые, видимо, принадлежат иранским друзьям РН. Некоторые из тех, с кем я связываюсь, высказывают предположение, что РН — это вымышленное создание «Гиперверия», термин, в широком смысле определяемый как фикциональные значения, которые делают себя реальными. Некоторые думают, что РН может быть другим аватаром одного из участников «Гиперверия», и, наконец, некоторые верят в его реальность, полагая, что ему приходится держать сайт где-

то за пределами Ирана, чтобы обойти законы, регулирующие пользование интернетом, которые могли бы вызвать у него проблемы (возможно, поэтому он удалил столько постов с «Гиперверия»).

Cold Me: по-видимому, личная страничка РН, странным образом расположенная на сервере в Германии (*nicht gefunden!* при вводе неправильного URL), сделанная немцем по имени В, который подписывается *kraut-design* и, кажется, параноидально боится обсуждать РН. Он отвечает мне «Не создавай проблем для резы».

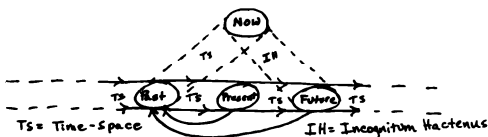
Реза — мужчина или Женщина? Сначала я думала, что женщина, но теперь мне кажется, что РН — мужчина.

//

Позже Вечером. Я просыпаюсь, и комната светится оранжевым, как шторы, подсвеченные снаружи солнцем. Но когда я фокусирую взгляд, цвет стен становится более глубоким и бесконечно более приятным. Нестерпимо хочется зашифроваться в этой комнате навеки. Четыре стены смыкаются и превращаются в оранжево-красный со слоями тел, смазанных бродящей оранжевой розовой кровью. Окно, я не могу его открыть.

//

Это место продолжает разлагаться. У гостиничных номеров свои подходы ко времени:

//

Среда, 27 июля 2005 года

В найденных мной документах есть открытка и визитка книжного магазина в Бейоглу, возле площади Таксим, *Librairie de Pera* (улица Галипдеде, дом 22, Тунель, Бейоглу). С этой уликой все с виду ясно. Пойти к Таксим, пройти по улице мимо модных магазинов в лавку с приглушенным светом, точную библиофильскую копию алхимической лаборатории. Кажется, это одно из тех мест, где книги вы-

бирают по толщине слоя пыли, а не по обложкам: чем больше пыли, тем они интереснее. Лавка наполнена ароматом старой ванной, растворенным в пыли и ветхой бумаге. Спрашиваю Гуракора: на карточке его имя. Владельца нет на месте, так что я достаю открытку и показываю надписи на аверсе и реверсе его помощнику. Он плохо говорит по-английски и не до конца меня понимает... Он показывает на верхнюю надпись на открытке и говорит: «Не турецкий». Я говорю: «Арабский?» Он качает головой. Я указываю на надписи на обороте открытки... и говорю: «Турецкий?», он отвечает: «Не турецкий. Фарси». Он опять пожимает плечами, я оглядываю маленькую лавку и отыскиваю самый любопытный старый том в кожаном переплете, лежащий на груде книг в углу, со странным закрученным символом на корешке. Возвращаюсь, двигаясь вверх по проспекту Истикляль, и захожу в кафе выпить бокал вина. Прошу официанта перевести надписи на открытке, он смотрит на изображение храма, говорит: «Келиса» и показывает вверх по улице. Странно, потому что на открытке написано «Данциг», так что это не может быть храм вверху улицы. Он смотрит на текст на обороте и говорит, что верхний текст может быть на старотурецком... но он не может перевести.

//

Я вытаскиваю раздел, озаглавленный «Z.-толпы». Я ищу в интернете «Нергал» и «Тель-Абраим», место, которое кажется важным, и нахожу изображение Нергала с двуликой головой: гиены и стершейся мордой льва; скорпион жалит его пенис. Я перехожу к странице 122, потому что она отмечена розовым маркером.

«...это было последнее, что Уэст сказал мне, отправляясь из Мосула с сыновьями на поиски того иранского контрабандиста нефти и Доктора, утверждавшего, что у него есть дневники Ибн Маимума, персидского оккультиста-саботажника, партизанского эксперта и заговорщика, который помог Фатамиуну свергнуть режим халифата в Египте» (первый лейтенант Али Оса, первый батальон армии США, 41-я пехотная бригада)».

Все в этом манускрипте исчезают бесследно, замечаю я, прочитав приписку на полях одной из страниц: «§, твой вклад в безумие напомнил мне о древнегреческих и древнеримских текстах пьес, в которых имена персонажей привязаны к тексту их ролями и моментом, когда они должны покинуть сцену различными способами. В средневековом театре это называли *Exirent*, или „они выходят“. Персонажи характеризовались их уровнем выхода. Дешевые ужастики доводят это бегство со сцены до полной крайности. Все, что приходит, должно уйти любым возможным способом».

//

Самое странное в этих текстах — что занятно, ведь я продолжаю их читать — это то, что по страницам бродит столько клокочущего страха и безразмерных чудовищ, но совсем нет секса, ни одной пенетрации. И все же я продолжаю читать.

//

Снова лежу на спине в футболке с лого DFA 1979, чувствую запах вчерашнего вина в бокале на столе между кроватями. Болит между глаз. Надо бы достать адвил, а то не засну, но я слишком расстроена, чтобы вставать. Расслабляю рот, расслабляю ноги и пальцы, наконец начинаю чувствовать, как наслаждение постепенно приглушает боль в голове, нечто вроде наслаждения терять конечности одну за другой. Единственное, что придает мне чувство безопасности, — это повторяющиеся видения, в которых я становлюсь XXX... в моем видении нет тела, есть что-то, но я не знаю что. Я не уверена, кто мне смутно мерещится — 2, автор записей, РН или что-то еще. Я не то чтобы целуюсь с призраками, а скорее с чем-то, что сняло с себя тело, чтобы быть лучшим субъектом пенетрации, чтобы быть непристойно глубже. Встаю, иду в туалет. Принимаю еще две таблетки адвила. Хватит ли мне на все путешествие? Левую руку вниз, тесно между ног и сжимая гобелен-покрывало, не знаю почему... В какой-то момент я сдаюсь, стук в голове побеждает. Его остановит только сон.

//

Подумываю, может быть, еще поискать РН онлайн... но сейчас не хватает энергии достать ноутбук и залогиниться. Я фрустрирована этой игрой.

//

Наводки или улики — самые навязчивые сюжетные дыры; они могут оставаться с нами даже после того, как история ускользает.

//

SSS

Пытаюсь сменить номер, потому что 302 меня раздражает. В окне через дорогу кто-то все время смотрит на меня.

//

Я выхожу перекусить... Путеводитель *TimeOut* говорит, что ресторан *Rami* — «один из самых достойных вариантов в этом районе». Я сижу на верхнем этаже в зале с деревянным полом, который издает скрипящие звуки под моими шагами, заставляя меня заподозрить, что они сознательно решили не ремонтировать здание, чтобы было аутентичнее, — это и правда работает. Задумываюсь, как бы выглядел ресторан, которым руководил бы антиквар или эксперт по реликвиям. Я начинаю читать текст РН со страницы 11, «Палеопетрология: от оси „Гог-Магог“ до петропанкизма», но не забираюсь очень далеко, потому что молитвы из Голубой мечети транслируют через динамики и они глушат мои мысли. Еда несет отпечаток подлинности кулинарной реликвии. Я спуска-

юсь по лестнице к выходу. У лестницы — свое особое пространство, нисходящая спиральная структура в духе Пиранези. Я замечаю фото Джеймса Спейдера на стене. Джеймс Спейдер — мой любимый культовый актер! Мысленно удивляюсь — неужели звезды носят с собой собственные глянцевые фото, чтобы всюду раздавать автографы?

//

Стены — идеальные объекты, на которых можно что-то разыгрывать, сцены, которые соединяют чувство «потусторонности» и чувство замкнутости. Я пишу это сейчас в номере 302 и перебираю письма, стул крутится и оставляет следы на стене. Они выглядят как созвездие надписей, бесконечность бороздок и когтей; это форма письма. Я думаю о том, какова форма письма этой рукописи.

2th 3rd

//

Визитка VEGA COMPUTERS в Мальтепе; на обороте написано «Ремонт ноутбука 100£. Озден не сотрет рукопись или заметки».

Еду на такси — далеко, часа два по пробкам, в мастерскую, чтобы попытаться найти ноутбук и дополнительную информацию... Добираюсь, наконец нахожу мастерскую и протягиваю карточку. Хозяин исчезает, оставляя вместо себя помощника. Я все жду и жду, ожидание кажется бесконечным.

Мастерская находится на базаре, среди разномастных лавок. Пока я жду, мастер из тату-салона *Anatolia Tattoo*, расположенного на противоположном конце базара, подходит ко мне и заводит разговор. Он спрашивает, есть ли у меня татуировки. «Нет», — отвечаю я. Почему бы не сделать, говорит он. Я думаю, а что, раз уж я добралась до Мальтепе, хоть проезжу не без пользы... я все равно хотела татуировку. Наконец возвращается хозяин мастерской с черным ноутбуком, старым на вид. Спрашиваю, могу ли я включить его, чтобы проверить. Он хочет, чтобы я сначала заплатила, но я говорю, что сначала проверю. Загрузка. Дряхлая машина работает шумно и загружается медленно. Когда появляется рабочий стол, я вижу привычные иконки, скученные на черно-белом пиксельном изображении, напоминающем человека, режущего себя опасной бритвой. Открыв пусковое меню, я вижу другие программы: *mathtype*, *lindo*, *mathcad*, *maple*, *fuzzygen*. Захожу в «Документы», но когда я пытаюсь открыть файл, оказывается, что все они зашифрованы *PGP*. Каждый файл. Я открываю браузер и проверяю историю и закладки... нахожу две ссылки в закладках *Netscape* и быстро переписываю:

<http://tinyurl.com/54wvo6>

<http://students.cs.byu.edu/~charlajw/Woodbury/givenNames.dict>

Проверяю слот для CD и нахожу в нем диск. Пока парнишка не смотрит, я засовываю его в сумку. Потом говорю хозяину, что съезжу за деньгами и вернусь за ноутбуком. Обдумываю это, гуляя по окрестностям, и решаю, что ноутбук уже бесполезен.

//

Снова в номере с пивом «Эфес», потому что «Короны» в магазине не было. Раз уж я не могу пролезть через эти сюжетные дыры, не лучше ли оставить свои собственные?

//

Розовые магнолии, нью-йоркская публичная библиотека, нью-йоркский ботанический сад, цветущие вишни в округе Колумбия, больше розового... напряженный сосок, кровоточащее сердце, розовые бархатные ленточки маленькой девочки, розовые пространства, розовые фонари, мой подъезд и верхнее фойе, ярко-розовая эмаль, розовый кашемировый свитер, розовый остров Кристо, розовые румяна или отсутствие потребности в румянах сахарная вата. Розовые пудели или розовые кошки обложка Лакета идеальный оттенок розовой губной помады розовые коробочки для дисков розовые жемчужные бусы розовые жемчужные сережки розовая маечка розовый хайлайтер розовые рождественские гирлянды и розовые цветы-пионы, тюльпаны, Рождественский Кактус в цвету в моей комнате, розоватые лилии, розовые гортензии, розовый гибискус, редкие розовые маки, стелющиеся розы, выющиеся розовыми цветами... бегонии, клеомы, космос, сладкий горошек, дикий лен, ужомник, петунии, флоксы!, ваточник, солнечный мох, восковник, лилии, жимолостные, розовые глицинии, мальвовые, традесканции розовые, наперстянка, гвоздичные, вереск, чайные, магнолии, китайские яблони проносятся перед моими глазами, Розовый поток

//

На полях другой страницы написано: «Ксенопозтика имеет какое-то отношение к творчеству из искаженных материалов. Одной страницы не хватает, та или другая строчка процитирована анонимно или под псевдонимом, одна сцена просачивается из будущего в прошлое, объект избегает хронологической последовательности, цифра превращается в шифр, все подвисает как подчеркнутый намек, вокруг которого бесцельно вращаются все остальные предметы, ведя к темной загадке, задача которой — не просвещать, а ослеплять (без средств к свету). Поля ксенопозтики спорадически разрастаются (вплоть до окончательного захвата работы) вокруг регионов, перегруженных разнообразными искажениями, от неаутентичности и испорченного авторства до структурных дыр (конфигуративных багов) и подземных структур скрытого письма; ксенопозтика не обязательно подразумевает авантурные способы выражения или прозы». Когда я читаю о псевдоавторстве и неаутентичности, меня подмывает написать на левых

полях страницы рукописи: «Не я ли та щедрейшая мать, что кормит детей собственным мясом?»... пытаюсь подделать собственный почерк.

//

По дороге назад в отель я прохожу мимо уличного ресторана... бурная активность и смех. Выглядит очень симпатично, с деревянной мебелью и подушками, покрытыми килимами... удобные не передвижные диванчики, турецкие ковры на полу... женщины, играющие в нарды, и группки молодых людей, курящих яблочный кальян. Я вспоминаю, как единственный раз пробовала кальян в Новом Орлеане... задерживаюсь еще на мгновение... и еще. Назад в номер.

//

Проваливаюсь в темноту... мерещатся грызуны, карабкающиеся по стенам, тысячи, миллионы грызунов, словно бескрылые птицы, летящие сквозь пустоту. Это смутно напоминает мне «Неписанную философию» Ф. М. Корнфорда, о древнегреческой космогонии. Еще напоминает художника, который делает те скульптуры Грызунов, которые я видела в галерее Саатчи в Лондоне, похожие на куски крыс, наслаивающиеся и наслаивающиеся друг на друга.

//

Любой гостиничный номер — Занаду для раскопок (чем дешевле, тем больше странностей тебя поджидают). Нашла кое-что очень любопытное в гардеробе номера 302... «Концепт прогресса должен быть укоренен в идее катастрофы. Сохранение положения „статус-кво“ — это катастрофа. Это не всегда наличная возможность, а то, что дано в каждом отдельном случае. Отсюда Стриндберг (в „На пути в Дамаск“?): Ад — не то, что ждет нас впереди, но жизнь здесь и сейчас». Кладу в карман. Надо не забыть проверить ссылку на Стриндберга онлайн.

//

В коробочке восхитительный браслет из розового перламутра и нержавеющей стали с прикрепленной запиской: *Sahereh, deav-sar doustat daram*. На чеке нет адреса, только метка Базара искусств и рукописная записка на персидском: *pazdik-e masjed-e Abie*. Я примеряю браслет; он подходит идеально и ложится мне на руку прелюбопытнейшим образом. Я надеваю его и иду на Базар искусств, чтобы расспросить о покупателе... Добравшись туда, обнаруживаю несколько ювелирных магазинов, так что обхожу их один за другим, чтобы выяснить, откуда он... безрезультатно.

//

У меня на плече, где оставалась неприкрытая кожа, расплзается солнечный ожог. Сначала легкое раздражение, но теперь, несколько дней спустя, после

всех лосьонов, становится только хуже. Он уже не розовый, а мясно-красный, отверстие в коже размером с монету. Края круглого ожога почернели почти по всей окружности. Я сижу в номере и постоянно его трогаю, втираю инфекцию. Не трогай, думаю я.

//

Это правда: Ближний Восток — лучшее место, чтобы пропасть... лучшее место, чтобы затеряться.

Когда приходит пора уезжать, не найдя ни РН, ни 2, я решаю взять рукопись с собой в Штаты с намерением опубликовать ее.

колдунье

БАКТЕРИАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: НИЗ, ПОДПОЧВА И КСЕНОХИМИЧЕСКИЕ ИНСАЙДЕРЫ

ПАЛЕОПЕТРОЛОГИЯ

От оси «Гог–Магог» до петропанкизма

ЭКСКУРС I: НЕПОЛНОЕ СГОРАНИЕ, ПИРОДЕМОНИЗМ И НАПАЛМ-ОБСЕССИЯ

Машины копают

ЭКСКУРС II: ПАМЯТЬ И ПОЛ()ЫЙ КОМПЛЕКС

Одиссея трубопроводов: монолог Z.

ЭКСГУМАЦИИ: РЕЛИКВИИ И ЧАСТИЦЫ ДЬЯВОЛА

АССИРИЙСКАЯ РЕЛИКВИЯ

ЭКСКУРС III: ОККУЛЬТНОЕ, МАКРОПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ

МЕРТВАЯ МАТЬ ВСЕХ ЗАРАЖЕНИЙ

ЭКСКУРС IV: МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРАТОЛОГИЯ

Кошмарок

ЭКСКУРС V: ТУМАННАЯ НЕФТЬ, РЕТРОСПЕКТИВА ОБ ОБСКУРАНТАХ

ЛЕГИОН: МАШИНЫ ВОЙНЫ, ХИЩНИКИ И ВРЕДИТЕЛИ

Агент пыли

Экскурс VI: КСЕНОАГЕНТЫ И АССИРИЙСКАЯ ОСЬ ЗЛА-ПРОТИВ-ЗЛА

Нечто: БЕЛАЯ ВОЙНА И ГИПЕРКАМУФЛЯЖ

ВОЙНА КАК МАШИНА

Экскурс VII: КОДЕКС ЯТУ

ТЕЛЛУРИАНСКИЕ БУНТЫ: КСЕРОДРОМ, СОЛНЕЧНЫЕ БУРИ И ОСЬ «ЗЕМЛЯ — СОЛНЦЕ»

Теллуρο-магнитный заговор в отношении солнца I: СОЛНЕЧНЫЙ ГРОМ

Экскурс VIII: ВАРВАРСКАЯ МУЗЫКА И НЕОГЛАСОВАННЫЕ АЛФАВИТЫ

Пять миллиардов лет адо-инженерии

Теллуρο-магнитный заговор в отношении солнца II: ЯДРО

Экскурс IX: ДРАКОЛАТРИЯ, ПИСАТЬ С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

МЕСОПОТАМСКАЯ ОСЬ КОММУНИКАЦИИ

Экскурс X: АЗ И ДЕСТРУДО

НЕРАСЧЕРЧЕННЫЕ РЕГИОНЫ: КАТАЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

Распад

ЭКСКУРС XI: МОДЕЛИРОВАНИЕ ЖИЗНИ

ПОЛИТИКИ: СОУЧАСТИЕ И ШИЗОТРАТЕГИИ ОТКРЫТОСТИ И БУНТА

Хороший обед: шизотрагическая кромка

Z.-толпы: зараженная клетка монотеизма

ЭКСКУРС XII: ЕРЕТИЧЕСКИЙ ХОЛОКОСТ

ЭКСКУРС XIII: ШИЗОТРАТЕГИЯ И РАССВЕТ ПАРАНОИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛОССАРИЙ*

Транскрипты рукописных заметок на полях оригинальной рукописи отмечены двойным крестом и расположены внизу страницы. Верхние индексы в тексте отсылают к сноскам, обнаруженным в его конце.

В месяц Шавваль 783 года Хиджры Ум аль-Гатра был в караване торговцев и паломников, шедшем в Хорасан в Иране. Незадолго до конца путешествия, ночью, караван изменил направление движения, потому что впереди они увидели лагуну вместо города. Проблуждав несколько дней, они отправились домой. Обустроившись, Ум аль-Гатра принялся писать трактат о том, что впоследствии станет известно как «Ближний Восток», утверждая, что он представляет собой разумную и живую сущность — живую в совершенно буквальном смысле слова, далеком от любой метафоры или аллегории. Прошло время, и Ум аль-Гатра прослышал от своих бывших попутчиков, что той ночью караван сошел с курса по ошибке: направление было верным; а то, что они приняли за соленое озеро, было пирамидой, сложенной из тысяч черепов жителей недавно захваченного города и блестящей в свете сотен смоляных факелов.

БАКТЕРИАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

НИЗ, ПОДПОЧВА
И КСЕНОХИМИЧЕСКИЕ
ИНСАЙДЕРЫ

ПАЛЕОПЕТРОЛОГИЯ ОТ ОСИ «ГОГ-МАГОГ» ДО ПЕТРОПАНКИЗМА

11 марта 2004 года. Где-то в тумане Сети, под покровом на первый взгляд заброшенной веб-страницы, в запароленной лаборатории «Гиперверия», где ведутся исследования самых разнообразных предметов, от оккультизма до мнимых чисел, от машин войны до бактериальной археологии, инженерии ересей и десятичного колдовства (Каббала, Шизоматика, Десятичный Лабиринт и Тик-ксенотация), и кишашего университетскими ренегатами, философами-пироманами и криптогенными автодидактами, — идет бурная дискуссия. Шум поднялся вокруг недавно обнаруженных записок бывшего профессора Тегеранского университета, археолога и исследователя месопотамских оккультных расплавов, Ближнего Востока и древней математики — доктора Хамида Парсани.

Арестованный тайной полицией при режиме шаха в Иране за непатриотическую деятельность, распространение лживых измышлений, порочащих славную персидскую историю, Парсани был наконец уволен из Тегеранского университета во время культурной реформации, последовавшей за революцией 1979 года, по причине, как это было названо, «недостаточно активной исследовательской деятельности». Записки — скорее содержимое мусорной корзины из кабинета Парсани, чем тетради с заметками исключительно дисциплинированного ученого, — были переданы команде «Гиперверия» одним из тайных учеников Парсани, ныне преподающим древние ближневосточные языки в одном из отделений университета Азада в Иране. До Революции книга Парсани *Soorat-zoda-ee az Iran-e Bastan: 9500 Sal Nabood-khanie* («Стирая Древнюю Персию: 9500 лет взывают к разрушению») была запрещена, а тираж полностью конфискован сразу после выхода на рынок. Даже в послереволюционную эпоху разрешение на повторную публикацию книги так и не было выдано.

После академического изгнания (1981-1995) Парсани был нанят ближневосточным архитектурным бюро, базировавшимся в Египте. Благодаря долгому периоду финансовой стабильности он наконец аннулировал контракт с египет-

ской компанией и основал частный исследовательский институт, просуществовавший девять месяцев. Похоже, единственной целью этого института было получение разрешения от иранского учреждения по охране культурного наследия на сотрудничество с организациями, вовлеченными в государственные археологические проекты, и сбор элитной команды надежных и профессиональных археологов, лингвистов и даже математиков.

Нет информации о том, чем занимался Парсани с 1378 (1999) по 1379 (2000) год; он внезапно исчез вместе со своей командой. Ходят слухи о нелегальных раскопках вблизи богатого археологическими находками памятника Галээ Докхтар в Гонабаде, а также в Ахвазе и Кермане, которые велись как раз в период его исчезновения. Впрочем, надежный источник подтверждает, что Парсани связывался с одной семьей в Кермане, считающейся потомками династии Хафтобатов, легенда о богатстве и ужасной судьбе которой хорошо известна в иранском фольклоре. До возвышения Сасанидов (последней династии до прихода в Персию ислама), когда Ардашир, основатель династии Сасанидов, завоевывал один за другим все регионы Персии, лишь эта могущественная семья успешно противостояла ему. Рассказывают о гигантском ненасытном черве, которого семья Хафтобатов держала у себя в качестве *фамильяра* и гаранта своей власти. Червь был в конечном итоге уничтожен ассасином, посланным Ардаширом, который переделал купцом и залил расплавленный металл в безголовую пасть червя Хафтобатов. Уничтожение червя считается моментом, когда на Керман пало вечное проклятие, согласно которому город однажды будет разрушен.

Снова появившись на сцене в конце 2000 года, Парсани начал проект по поиску артефакта, называемого *Khaj-e Akht*, или крест Ахта. Все старые друзья Парсани как один подтверждают, что считали его слишком эмоционально нестабильным и недостаточно принципиальным для ученого. Его давний коллега с сожалением описывает его как вспыльчивого гения, развлекающего кучку подростков-дебилов: «Он постоянно несет чушь о зороастрийском еретике и маге-колдуне по имени Ахт, который упоминается в зороастрийских книгах *Denkard* и *Yavisht i Friyan*². Его бредни касались креста Ахта, его трех последних загадок, оставшихся без ответа. Там было что-то про „текущий источник черного пламени“, вездесущий сгусток, которому поклонялись последователи культа Ахт-Яту, возглавляемого Ахтом при его жизни и после его казни; коранические отсылки к Яджуджу (Гогу) и Маджуджу (Магогу), Людям Глаза, и еще много всякого, обычно занимающего только нездоровое любопытство подростков, которые считают такого рода чушь „клевой“, лишь бы только не делать домашние задание. Его кожное заболевание, кажется, усугубилось».

Еще один бывший друг Парсани добавляет: «Последним работам Парсани недостает его прежнего изящного стиля и чувства высокобойной эрудиции; как будто его поразило нечто, что он не может переварить, какое-то ошеломляющее открытие, которое он не в состоянии сформулировать».

В то же время бывшая студентка Парсани отмечает: «Университет остается в состоянии травмы постпарсанизма, очень страдая от шовинистского персанизма, все еще слабо бурлящего в этнокультурологии, антропологии и по-

литологии. Так что я подозреваю, что эти резкие заявления против недавней деятельности Парсани вполне естественны; в конце концов, нельзя же стереть с лица земли Древнюю Персию и без опаски возвращаться среди людей, которые всю свою академическую карьеру построили на том, чтобы заменить арабскую букву Ф на персидскую П. Мне, как одной из первых студенток Парсани, трудно делать какие-то поспешные выводы относительно интеллектуальной ценности его недавних высказываний о генеалогии монотеизма и подъеме Ближнего Востока как автономной сущности. Тем не менее его недавние комментарии вполне вписываются в логику его единственной опубликованной книги, но с совсем другого ракурса. Поэтому к ним следует отнестись с тем же энтузиазмом, с которым мы препарировали и обсуждали тот драгоценный том. Наконец, я должна добавить, что то, что другие мои коллеги определили как дефективное письмо или ненаучный подход, есть на самом деле более чем логичное и предсказуемое развитие его ранних работ во что-то вполне созвучное этим теориям и открытиям — что-то, идеально отвечающее беспристрастной монструозности его хронической болезни, или тому, что он называл лепро-творчеством» (проф. Ануш Саркисян).

Согласно запискам Парсани, он обнаружил два резных изображения креста: одно в провинции Керман (восстановленной семьей Хафтобатов после землетрясения в Баме 2003 года), а другое в древнем городе Сузы, неподалеку от Ахваза в Иране. В 647 году до нашей эры империя Элам была уничтожена, а их столица Сузы — разорена ассирийцами под предлогом того, что в этом месте должна была вот-вот прорваться на поверхность неименуемая мерзость, и все, что вступало в контакт с этой темной сущностью, должно было быть стерто с лица земли. Ашшурбанапал, ассирийский царь, триумфально провозгласил, что, дабы очистить землю и изгнать тварей из царства, он унес кости эламитов в страну Ашур, вскрыл гробницы и открыл их содержимое отбеливающим лучам Солнца, и даже засеял землю солью и негашеной известью. В заметках Парсани эта загадочная «мерзость» обозначена как главный мотив дальнейших археологических исследований, которые и привели к обнаружению первого резного изображения креста, называемого крестом Ахта (خاج آخت: *Khaj-e Akht*). Это первое изображение, согласно заметкам, частично пострадало от эрозии. Крест вырезан из гагата, размер — примерно девять на двадцать сантиметров, некоторые характерные его детали имеют разительное сходство с крестом Хафтобатов[†].

В записках встречаются разные описания этих характерных элементов; впрочем, в одном параграфе Парсани открывает некоторые дополнительные факты:

«Оба креста неким странным образом идентичны. Странно, что у этого две рукоятки вместо одной. Крест состоит из двух основных частей: звездчатой головки и рукояток. Базовая геометрия головки представляет из себя десятиугольник, треугольники в вершинах которого образуют звезду, символизирующую *Khur* (Солнце). Но одна из сторон десятиугольника раздвое-

† Сколько я уже не выхожу из этой комнаты?

на, образуя две рукоятки. Таким образом, можно предположить, что это не зурванитская звезда или Солнце, так как звезда неполна, в ней отсутствует полный набор из десяти треугольников, соответствующих сторонам десятиугольника. Последний священный треугольник был намеренно заменен двумя параллельными вертикальными линиями, и причины этого неизвестны. Следует, однако, напомнить, что речь все время шла о похороненном земном солнце, которое должно быть эксгумировано, гниющем солнце, источающем черное пламя, черном трупе солнца. И даже само имя Ахт отсылает к неполной форме расколотой звезды. Только слепой не заметит, что даже древнеперсидское слово *Akht* или *Axt* (اخت, то есть «мор») — это урезанная форма слова *Akhtar* (اختر, «Звезда», то есть Солнце) с отсеченной последней буквой (буква R, ر)».

Судя по запискам, Парсани позже добыл модель креста ручной работы в городе Тафт (провинция Йезд, Иран). Крест, как показало исследование Парсани, относился к концу XIV — началу XV века и был изготовлен вскоре после завоевания Персии Тимуром (Тамерланом):

«Эта изящно сработанная модель креста попалась мне на старом базаре, размеры 18 x 7 см, изготовлен из серебра, с небольшим замочком между двумя рукоятками. Приложив весьма существенные усилия, я наконец смог открыть артефакт, который оказался чрезвычайно интересным и удивительно сложным приспособлением. В каждом из углов треугольников расположено по вращающемуся шарниру; последние два шарнира соединяют звездчатую головку с рукоятками, причем эти последние шарниры снабжены ограничителями, не дающими им поворачиваться более чем на 90 градусов, так что, будучи полностью развернутыми, они образуют две противоположенные горизонтальные линии. Это своеобразное устройство придает кресту дополнительное свойство: он может быть сложен в нечто другое, совершенно иной артефакт, другой крест. Раскладывая крест, вы поворачиваете шарниры треугольников синхронно, прилагая к ним равное усилие с помощью двух рукояток, толкая их в противоположных направлениях и сближая друг с другом. Соответственно, десятиугольная головка креста складывается в перевернутый *crux commissa* (букву Т), крест Нимрода, а затем крест св. Антония, изначально использовавшийся для поклонения летнему Солнцу или Солнечному богу, — на нем помещались человеческие жертвы во время сожжения. Будет ли ошибкой утверждать, что перевернутый *crux commissa* указывает на символическую позицию восстания против солнца, символ которого — нормальный, направленный вверх *crux commissa*? Перевернутый крест может подразумевать также нисхождение, возможно, павшего бога Солнца или крушение солнечной империи. Если *crux commissa* исторически интерпретируется как пришествие, то перевернутый *crux commissa*, или сложенный крест Ахта, должен пониматься как пробуждение. Горизонтальная часть этого нового артефакта составляется из рукояток креста, а вертикальная формируется сложенными треугольниками. На обеих рукоятках

обнаруживаем коранические отсылки к *Naft* (нефти)³, на левой рукоятке слово Яджудж (Гог), а на правой слово Маджудж (Магог). Далее, каждый луч звезды (каждый треугольник) помечен цифрой: внутренние углы пронумерованы от 1 до 8, а внешние — в противоположном направлении (против часовой стрелки) от 1 до 9. На каждой стороне треугольника располагается незаконченное предложение или слово. В качестве финального доказательства гениальности этого уникального устройства: когда все треугольники складываются в вертикальную часть перевернутого *crux commissa*, на ней прочитывается полное предложение: „И оставим Мы их [Яджуджа и Маджуджа (Гога и Магога)] тогда препираться друг с другом“ (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3.1)».

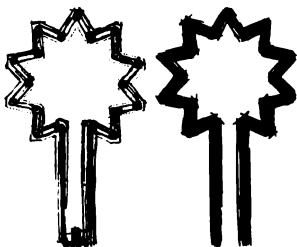

Рис. 1. Вертикальный разрез креста Ахта с угловыми шарнирами; обратите внимание, что шарниры, соединяющие рукоятки с звездчатой головкой, отличаются от использованных в углах (слева); зарисовка креста Ахта (справа).

Крест Ахта часто называют сломанной звездой, звездчатой головой и черным подсолнухом. В своих записках Парсани персонифицирует крест Ахта как неорганического демона⁴, разумную реликвию, обладающую способностью нумерически схватывать подводные течения и несогласованные события на Земле как модусы повествования. «Он может превратить в рассказ сюжетные дыры любого планетарного сценария, от текстуальных до глобальных политических нарративов», — пишет Парсани. Крест Ахта может диаграммировать планетарные события эпического масштаба в форме различных моделей гетерогенных или аномальных нарративов. Боготворимый Хамидом Парсани как идеальная «нарративная смазка», крест Ахта производит сдвиги в деятельности и онтогенезе глобальной динамики в соответствии со смазочной химией нефти, или петролеума, то есть он схватывает все нарративы Земли через нефть. Он также используется как модель для иммитации властных формаций и политических волнений на Ближнем Востоке. Крест Ахта и его трансформации представляют собой диаграмму бес-

II Коран, 18:99. — Примеч. пер.

страшного богохульства Ближнего Востока, противостоящего любым вариантам глобальной гегемонии и политических моделей, воспринимающих глобальную динамику как нечто целое.

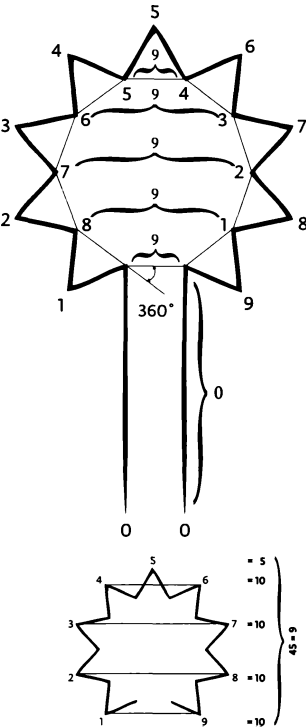

Рис. 2. Нумерическая анатомия креста Ахта и его особенности. Каждый внешний угол образует девятичную и десятичную суммы с внутренними углами. Рукоятки креста нумерически обозначены нулем.

На другой странице Парсани дает более подробное описание креста Ахта:

«Все три креста имеют форму расколотой звезды с треугольниками, надстроенными на десятиугольнике. И все отсылают к древнейшей версии, тому истертому кресту, извлеченному из некрополя Сузы, где даже черепа пахли бензином. Вариант Хафтобатов уникален: треугольники покрыты резьбой по кругу, в который вписаны три переплетающиеся змеи, чьи извивы ориентированы по трем пересекающимся осям (▲). Часть резного рельефа сильно пострадала от эрозии, но резьба в круге изображает рептилий с чешуйками циклоидного типа, что добавляет загадочности изображению. Такие чешуйки встречаются только в семействе *Typhlopidae* — среди змей, у которых ростральная чешуйка нависает над пастью и образует лопатообразную структуру, а хвост оканчивается рогоподобной чешуйкой. Все это свидетельствует — если только я не ошибаюсь — о том факте, что круг и его охваченное змеями внутреннее пространство должны изображать Моровое Колесо Ахта. Эти зловещие визуальные коннотации в сочетании с физическим весом креста Хафтобатов придают ему облик скорее оружия, нежели просто диаграммы. Подобный дубинке или булаве, он соответствует булаве Айшма-Дэва, который в зороастрийской демонологии спит с Манушак, похотливой сестрой Манушчихра. Потомство этого соития — культ, каждое действие которого, будь то праведное или неправедное, нарушает порядок творения и уменьшает его целостность. Это культ, на котором Ахт основал и собрал свой собственный. В религиозных писаниях, завещанных семье Хафтобатов их предками, мы находим упоминания тридцати шести тайн, или загадок, загаданных Ахтом зороастрийцу Явишту из рода Фри-яна, три из которых Явишт не разгадал. В зороастрийских текстах, впрочем, изложена искаженная версия событий, согласно которой было только тридцать три загадки, и все их Явишт разгадал в поединке с Ахтом. Согласно зороастрийской версии, Ахт был казнен Явиштом за поражение в соревновании. Писания Хафтобатов же говорят, что крест Ахта, который в тексте называется Хафт или Хелв, сам по себе и есть ответ на три оставшиеся загадки из тридцати шести. В противоположность зороастрийским текстам Ахт исчезает, после того как выковыывает свой крест в течение четырнадцати пятниц».

Рукопись Парсани вызвала лихорадочное возбуждение в лаборатории «Гиперверия», так как появление записок о кресте Ахта — артефакте, «десятичные врата» которого открывались в неорганический мор, извлеченном из вечного забвения, или «Древности Без Традиции», — совпало с одним из теоретико-литературных проектов «Гиперверия». Этот проект был посвящен исследованию пересечений между счетом, Теллурианской динамикой, машинами войны и петрополитикой, моделями восприятия войны-как-машины и монотеистического апокалиптизма, все это в связи с Ближним Востоком. Проект был временно приостановлен ввиду нехватки того, что можно было бы назвать «техническими элементами со стороны фикции»: неоставало некоего транспортного средства для перемещения теоретических носителей в их экспедиции, нарративной линии, обладавшей достаточным авторитетом, чтобы мобилизовать фикциональную сторону проекта.

К тому же прорыв Парсани совпал с текущей дискуссией в лабораториях «Гиперверия», блуждающей между делезо-гваттарианской моделью «машины войны» и пустынным номадизмом. Дискуссия прошла несколько витков теоретических конфронтаций между милитаризмом джунглей (Вьетнамская война, или процесс НАМификации) и пустынным милитаризмом (Война-с-Терроризмом и Мекка-номика). Дискуссия в «Гиперверии» в конце концов вылилась в то, что позднее будет названо «сгусткобъективностью», или логикой подземных петрополитических потоков. Согласно сгусткобъективной точке зрения, петрополитические потоки служат нарративной смазкой: они связывают между собой несогласованности, аномалии или то, что можно просто назвать «сюжетными дырами» в нарративах планетарных формаций и деятельности. В этом смысле петрополитические потоки пронизывают земные декодирующие машины, разговоры, политику и Теллурианскую динамику — или то, что в несколько эстетской и консервативной апроприации Жюль Делеза и Феликса Гваттари известно как «Новая Земля» (на основании какого календаря, согласно какой планетарной точке отсчета провозглашается Новая Земля?). Сгусткобъективная точка зрения с необходимостью отвлекается от Земли как целого в пользу совершенно другой сущности, земли в процессе «Эрафикации», как это называли в лаборатории «Гиперверия». Эрафикация как процесс распространяется как минимум в трех направлениях: 1) уравнивание всех планетарных возвышенностей (идолов?), или достижение пылающей имманентности с Солнцем (соляным внешним) и пылающим ядром Земли (Инсайдером); 2) погружение планетарного тела в потоки и глубинные течения, подталкивающее Землю к полноценному увлажнению; 3) соучастие с Землей как явно разложившейся сущностью, для которой целостность — всего лишь поверхностный отвлекающий маневр. Сгусткобъективная точка зрения была разработана далее в непрерывных онлайн-беседах между участниками «Гиперверия» («реальные имена» которых здесь опущены):

X: Современная машина войны (схватывание войны как машины) не соотносится напрямую с делезо-гваттарианской моделью потому что: 1) она включает в себя авраамическую или монотеистическую эскалацию и монотеизм как стимулирующие компоненты; 2) война выступает ее объектом, или, точнее, продуктом; 3) она потребляет технокапиталистическую ойкумену через синтез с исламским монотеистическим энтузиазмом (исключая предполагаемый потенциал «секуляризации» как авраамической телеологии).

Z: Вот это и есть Ось «Гог-Магог»: «потребляет технокапиталистическую ойкумену через синтез с исламским монотеистическим энтузиазмом (исключая предполагаемый потенциал «секуляризации» как авраамической телеологии)». Однако Ось «Гог-Магог» рано или поздно скрещивает технокапитализм с чем-то еще.

Чтобы понять войну как машину, или, другими словами, чтобы исследовать авраамическую машину войны в ее отношении к технокапиталистической машине войны, мы сначала должны понять, какие компоненты позволяют Технокапитализму и Авраамическому монотеизму взаимодействовать, даже на синергически враждебном уровне. Ответ — нефть: Война с Терроризмом не может

быть радикально и технически схвачена как машина без учета нефти, смазывающей ее детали и рекомбинирующей ее потоки; это рассмотрение должно начинаться в сумерках углеводородов и на рассвете Земли. В романе Дина Кунца «Фантомы» Тимоти Флайт, ренегат-палеонтолог, считающий себя профессором древней эпидемиологии, работает таблоидным журналистом и исследует неименуемое Теллурианское разумное существо, которое он называет Древним Врагом, ответственное за пожирание бесчисленных цивилизаций (ацтеков и потерянную колонию на Роаноке, например). Биохимический боевой отряд приглашает его (в духе «Экзорциста», в котором невропатологи обращаются за помощью к священнику) поучаствовать в расследовании загадочного исчезновения людей в деревушке штата Колорадо. Древний Враг — это биологический хищник, напоминающий «Нечто», который охотится на органические существа, используя биоколдовство и мутирующие фрагменты органики (захватывая солдата и превращая его кровь в небольшую ящерицу). Древний Враг пытается распространять свое учение через трех избранных персонажей. Тимоти Флайт обнаруживает множество параллелей между Древним Врагом и Антихристом. Обследуя тела жертв, он обнаруживает следы порфирина, химической субстанции, содержащейся в крови, растениях и нефти. Древний Враг, или Теллурианский Антихрист, угрожающая тень которого вечно таится в мертвых морях Месопотамии (откуда изначально и приходит Антихрист) или вблизи океанов, и есть Петролеум, или *Naft* (что на арабском и фарси значит «нефть»).

Согласно классической теории ископаемого топлива (то есть исключая теорию Глубокой Горячей Биосферы Томаса Голда), нефть сформировалась как Теллурианская сущность под влиянием невообразимого давления и высокой температуры в отсутствие кислорода, между геологическими слоями, в абсолютной изоляции — стало быть, типичный фрейдовский эдипальный случай... гадейская формация нефти, ведя политику промежуточности, выработала сатанинскую разумность, которая, проходя через комплекс Бога, отложившийся в слоях (логика двойной артикуляции, двойные клещи, согласно Делезу и Гваттари), неминуемо всплывает на поверхность и затопляет ее. Отравленная тоталитарной логикой тетраграмматона, но несмотря на это химически и морфологически разъедающая и травмирующая Божественную логику, автономная линия существования нефти искажена до неузнаваемости. Возникнув в таких условиях, нефть обладает тенденцией к массовому отравлению пандемических масштабов (оно отлично от вуду-экономики капитализма и других типов глобальных систем одержимости, но устроено сходным образом). Нефть способна собирать необходимые геополитические подводные течения (подземные или сгусткобъективные нарративы политики, экономики, религии и т.д., требующиеся для процесса Эрафикации, или движения тела Земли по направлению к Теллурианской Омеге — окончательной деградации Земли как Целого. Как окончательная Пустыня, или Ксеродром, Теллурианская Омега конструирует план абсолютной имманенции Солнцу, где коммуникатор уже не может быть отделен от того, что коммуницируется Солнцу. Ксеродром — это Земля становления-Газом или кремации-в-Пыль. Есть некоторая ирония в том, что эта земля как разложившаяся целостность и извращенный разум накладывается

на Пустыню Бога, в которой не может быть возведен ни один идол. И фактически пустыней Бога манипулируют от имени Теллурианской Омеги и ее потоков. Монотеизм в его предельном сценарии есть призыв к Пустыне — монополистическому обиталищу Божественного. В конце все должно быть сравнено с землей, чтобы воплотить вездесущность и единство Божественного. Так что для радикальных джихадистов пустыня — идеальное поле боя; опустошить землю — значит подготовить ее к изменению во имя Божественной монополии, противостоящей земным идолам. В полном соответствии с ваххабитами и джихадистами «Талибана»^{III}, для которых любая возведенная вещь, так сказать, любая вертикальность представляет собой идола, пустыня как воинствующая горизонтальность есть обетованная земля Божественного.

В свете эмпатической горизонтальности пустыни в монотеистическом апокалипсизме, делезо-гваттарианская модель горизонтальности или плана консистентности может быть только предательством радикальной политики и опасным недопониманием сути военной машины. Однако в геологической реальности монотеизм функционирует лишь как невольный носитель Теллурианских восстаний и потоков; он непосредственно связан с извращенными низовыми регионами самой Земли. Монотеизм — это запутанный план тактик и метастратегий по провокации Теллурианских богохульств или извращенных линий геологической реальности. Теллурианские восстания как последствия монотеизма подпитываются своими якобы религиозными противоположностями, принадлежащими к монополии Божественного: сгусткобъективная земля обращена петрополитикой, Теллурианская Омега растет в пустыне Бога, *ad infinitum*. Царство Апокалипсиса или монотеистическая пустыня — это проход, через который предельное богохульство Земли с Внешним контрабандой проникает внутрь и начинает разворачиваться. Апокалиптическая пустыня — это поле, на котором Теллурианская Динамика Земли может быть встроена в антропоморфную систему верований. Замаскированные под формации веры, Теллурианские восстания могут безопасно ускоряться, стабильно развиваться, аномально перестраиваться и интенсифицироваться антропоморфными сущностями — через религиозные либо псевдосекулярные общества, экономические системы которых все еще укоренены в монотеистических платформах. В таком случае, нет Теллурианского богохульства страшнее, чем «придет Царствие Твое». Те Мекка-номические действующие лица Войны с Терроризмом, которые считают все, что не пустыня, преступлением против всепоглощающей гегемонии Бога, жаждут пустыни как основания, независимого от Земли и ее обитателей; но на самом деле то, что они получают и чему пассивно содействуют, — это Теллурианское восстание земли в направлении Ксеродрома. Ибн Хамедани называет эту пустыню «Мать Всякой Чумы» — план достижения имманентности с расплавленным ядром Земли и Солнцем (волна вымирания). На этом плане ты либо превращешься в дьявольские частицы, либо испаряешься и оказываешься пересобраным, как ингредиенты космического моря. Именно так религиозные экстремисты («Талибан» с их занятой фалломаникальной ненавистью

III Организация запрещена в России.

ко всему стоящему, например) превращаются в тайных наемников геологических восстаний, в культ Теллурианского Богохульства (демонограмматической декодировки тела Земли). Они желают Бога, но получают они Теллурианскую Омегу — испеляющую имманентность Солнцу и ядру Земли, собранную на оси, которая ничего не знает об авторитарном божественном и монополитической конвергенции, адо-конструирующей Оси Земли.

Следовательно, похоже, и технокапиталистический процесс опустынивания в ходе Войны с Терроризмом, и радикальный монотеистический этос пустыни пересекаются в нефти как объекте производства, поворотной оси террора, топливе, политико-экономический смазке и сущности, вся жизнь которой непосредственно связана с землей. Для западного технокапитализма пустыня порождает нефтянистые машины войны и гиперпотребление капитализма на пути к сингулярности; для джихадистов же нефть есть катализатор, ускоряющий пришествие Царства, пустыни. Следовательно, для джихадистов пустыня лежит на конце нефтепровода.

Или, опять же, возьмем Нефть как смазку, что-то, что облегчает повествование и в целом динамику в направлении пустыни. Картография нефти как вездесущей сущности повествует о динамике планетарных событий. Нефть — подземный поток всех нарративов, не только политики, но и этики жизни на земле. Нефть служит смазкой для всей этой пустынной экспедиции к Теллурианской Омеге (Пустыне Бога, или носителю сингулярности, Новой Земле). Будучи Теллурианской Смазкой, нефть просто облегчает движение вперед. «Фантомы» Кунца — ключ для этого движения к Теллурианской Омеге через поверхностную (трубопровод GAS), подземную (резервуары Нефти) и глубинно-хтоническую («Глубокая Горячая Биосфера» Томаса Голда) Вещность нефти, Сгусток. Ухватить нефть как смазку значит ухватить землю как тело различных нарративов, движимых нефтью. Вкратце, нефть есть смазка расходящихся линий земных нарративов.

X: Много тем для обсуждения. Грубо суммирую. Нефть — это:

- нарративный организатор, определенно (сердце вязкой тьмы); Парсани приходит к идее, что в этом мире нет тьмы, которая не отражалась бы в нефти; на конце реки определенно находится нефтяное поле;
- киберготическая конвергенция — демоническая/техномическая смазка;
- нефтяной культ: постмодернистски-левацкие теории заговора, примазывающиеся к архаическим ползучим ритуалам (Петромасонство и его трансисторические щупальца).

Z: Еще не забудьте, что нефть и ископаемое топливо служат примером очередного Теллури-заговора против солярной экономии Солнца: захват энергии солнца, аккумулируемой в организмы, посредством литологической седиментации, стратификации, анаэробного разложения и бактерий в высоко-стратифицированных осадочных бассейнах. В этом смысле нефть — земное замещение онанистического самоудовлетворения Солнца или солярного капитализма. Земля подрывает гегемонию солнца на подземном (сгусткобъективном) уровне. Если наслаждение солярной экономией совпадает с аннигиляционистским и нигилистическим капитализмом Солнца, то как возможно

подорвать эту inferнальную гегемонию, не уничтожив ее полностью? — Потому что случай полного уничтожения, или тепловая смерть, снова будет омражем солярной экономии и ее термоядерному самоудовлетворению. Нефть определенно играет роль альфа-бунтовщика в Теллурианском восстании против солярного капитализма и его неоптолемеевского гелиоцентризма.

Х: Образы, созданные Кунцем, реально помогают ухватить «Вещность» нефти, ее подземную связность как единого неорганического тела с собственными намерениями — предположим здесь, что «сгусток» приобретает все больше «агентных» функций по пути «вверх по реке» (от бензоколонки к хтоническому резервуару). Очевидно, что Буш и бен Ладен — петрополитические марионетки, дергающиеся в такт хтоническим шевелениям Сгустка. Следует свести все политики и идеологии к Теллурианскому нарративу разлива нефти. «Даже если Омега-Мор работает на водородном нанослиянии, конкретные машины войны, нарезающие современность, несомненно пропитаны нефтью». — Как вы думаете, есть относительно понятная формулировка отношения «Нефть / Исламский Апокалиптизм», которая позволила бы более-менее надежно отличить его от остатков неисламских нефтяных беспорядков на планете?

З: Нефтяная индустрия совершенно разрушительна для независимых и неколлективных нефтепроизводителей. Проблема с Латинской Америкой в том, что традиция, культура, общество и язык связывают их вместе, но когда дело касается нефти, они отделены друг от друга разными политиками добычи нефти и политическими повестками. В терминах нефти единственное, что у них есть общего, — нищета и последствия разрушения. Однако в случае Исламского фронта нефть мутировала в своего рода конструктивного паразита, с помощью которого возникает экономическое, военное и политическое братство. Для ближневосточных стран есть стратегический симбиоз между нефтью как паразитом и пылающим ядром монотеизма, потому что нефть выходит на поверхность на «Исламском континенте», а не просто на некоей геополитической границе. Другими словами, ислам был создан для петрополитической сети, питаемой и сплетаемой джихадом и его монотеистическими протоколами. Джихад активно сотрудничает с нефтью, кормя паразитов сгустка (то есть западные и восточные страны, торгующие нефтью) и подпитывая его тело, чтобы двигаться вперед. В этой точке роли Исламского Апокалиптизма джихада как религиозно-политического события и нефти как предвестника планетарной сингулярности совпадают. В отличие от Латинской Америки ислам воспринял нефть как предельную Теллурианскую смазку, или смазку всех нарративов Земли — радикальное поле тактик, в котором военные машины ислама могут скользить вперед, сливаться с потоками Земли и становиться планетарными сущностями, а не просто религиозными агентами с ограниченным геополитическим радиусом действия. Если для монотеизма Земля — не просто планета, а скорее религиозный объект, то это потому, что, как подчеркивает Катб, сама земля движется к Божественному, отдавая себя во власть «внешней» Воли Аллаха; или, другими словами, Земля есть надел и собственность ислама, то есть религии полного подчинения Аллашу. Ислам воспринимает нефть не как простое машинное масло — так, как ее понимает капита-

лизм, — но в основном как смазывающее течение или теллурианский поток, мобилизующий все в направлении подчинения пустыне, где невозможно воздвигнуть ни один идол и все возвышающееся должно быть сожжено, — то есть Царство Божие. Этот акт подчинения всестирающей пустыне Бога и называется религией *taslim*, или покорности, то есть исламом. Если нефть течет в пустыню, то туда же течет и все, что в ней растворено.

Х: Возможно ли как-то развить или ухватить Ось «Гог-Магог» (стороны, вовлеченные в Войну с Терроризмом?) и ее петрополитические низовые течения в нумограмматических моделях и абстрактных диаграммах, без утраты нефти в качестве нарративного организатора?

Все ответы уже были у Парсани в кресте Ахта, картографированном как прогрессия Гога и Магога (Ось «Гог-Магог»), мобилизованная землей и смазанная нефтью:

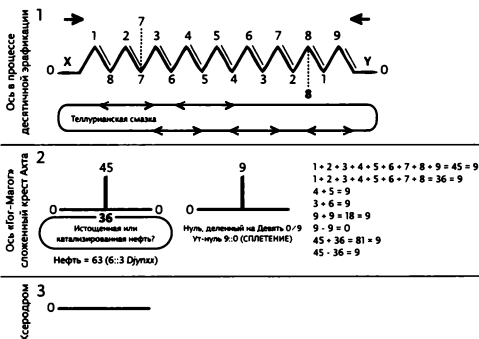

Рис. 3. Крест Ахта в процессе складывания/раскладывания, или ось «Гог-Магог» в движении (рис. 3.1); Ось «Гог-Магог», или поглощенный крест Ахта (рис. 3.2); Ксеродром, Пустыня, или воинствующая горизонтальность креста Ахта (рис. 3.3).

Рисунок 3.1 изображает десятичную прогрессию Оси «Гог-Магог». Десятичная последовательность разложенного креста (до его последующего сложения в перевернутую букву Т) выглядит либо как 01234567890 (по пикам), либо как 0123456780 (по складкам). Эти числовые последовательности соответствуют натуральной арифметической последовательности, близкой к «Древу Жизни», начинающемуся с 1 и постепенно восходящему к 10. Как оккультно разложившаяся структура, Древо Жизни основано на мачистско-оргазмической модели прогрессии. Для Древа Жизни прогрессия к 10 как чистому пику (десятичному монарху или Повелителю) уже представляет собой редукцию, так как десять, в той же логике, схло-

пывается в один ($10 = 1 + 0 = 1$). Однако на основе складывания креста Ахта, или того, что, как подозревают, может быть Крестом Разложения (предельного десятичного богохульства), десятичная последовательность не может быть пронумерована согласно «натуральной» числовой прогрессии. Единственная десятичная прогрессия, подходящая для декодирования креста Ахта или Оси «Гог-Магог», — это прогрессия девятичных суммарных пар, или то, что называется девятичным суммарным колдовством. Девять отличается своим множительным несовершенством и полным ускользанием от единства или авторитарного пророчества, то есть Одного или 1(0). Девятичные суммы волн, или складок, креста Ахта включают 0–9, 1–8, 2–7, 3–6, 4–5, 5–4, 6–3, 7–2, 8–1, 0 (см. рис. 3.1). Выбранная из складок, или внутренних изломов, креста, цифра 1 находится между 8 и 9. Однако 1 находится между 0 и 8, если рассматривать ее как принадлежащую пикам, или внешним изломам. Как отмечает Парсани, когда сила прикладывается синхронно к обеим рукояткам, или нулевым планам, в противоположных направлениях, развернутый крест начинает складываться в другой крест, перевернутую букву Т. Цифры на внутренних и внешних изломах креста суммируются по мере того, как складываются треугольники. Процесс раскладывания и складывания креста Ахта представляет собой десятичную прогрессию. Десятичная прогрессия развивается путем соучастия между двойными пиками и углублениями, суммы которых равны девяти: 0 и 9, 1 и 8, 2 и 7, 3 и 6, 4 и 5. В таком случае есть только пять пар девятичных близнецов. Эти пять пар близнецов называются сизигиями (от греч. *σίζυγος* — «сопряженный»). Общая характеристика сизигий — то есть тот факт, что их сумма составляет 9, — называется зигоновизмом. У каждой цифры есть свой зигоновистический близнец: 6, например, — близнец, дающий девятичную сумму с 3, а 0 — с 9. Зигоновизм и сизигий — базовые элементы Нумограммы как несовершенствуемой противоположности Древа Жизни. Нумограмма спонтанно разворачивается в десятичность как таковую, от 0 до 9 (см. рис. 4). Одно из главных отличий Нумограммы от Древа Жизни — в том, что Древо Жизни может быть только сотворено, тогда как Нумограмма десятично автономна. Завершение Древа Жизни происходит в акте творения, которое нумерически кодируется числом 10, созданным из существующих цифр 1 и 0. Таким образом, Древо Жизни отсылает к про-креационистской Obsession. Нумограмма тем временем уже здесь, скрывается в девятке.

Согласно кресту Ахта, плоские выступы (рукоятки креста, помеченные X и Y) функционируют как дизъюнктивные нули, или планы нулевой толерантности. Эти плоские выступы сообщают артефакту динамизм, распределяющийся по сизигиям или по треугольникам, складывая их друг в друга. В Эратифицированной версии Нумограммы Гиперверия (рис. 3.1) X и Y обозначают Гога и Магога, а весь артефакт называется Ось Гога и Магога. Движение X и Y (Гога и Магога) друг к другу обеспечивается петрополитическими низовыми течениями, или потоком Теллурианской Смазки (Нефти), как написано на рукоятках артефакта. Тем не менее полный динамизм Оси — результат столкновения X и Y, мобилизованных их сизигиями, с одной стороны, и сотрудничеством между Осью (включая X и Y) и Теллурианским под-током, или петрополитическим низовым течением, с другой (см. рис. 3.1). Неотвратимо скользя по нефтяному слою, или Теллурианской Смазке, X и Y сближаются с противоположных сторон по нумограмматиче-

ской десятичной прогрессии. Вот почему Парсани называет крест Ахта «десятичной хронограммой пробуждения» и иногда «земным прогнометром» — термин, возможно, позаимствованный у польского математика Юзефа Марии Хене-Вроньского. Ось «Гог–Магог», или крест Ахта, есть нумерическая развертка движения ислама и технокapитализма друг к другу в Войне с Терроризмом.

Конец близится. Если одна сторона — X или Y , Гог или Магог — движется, тогда как другая остается неподвижной, десятичная последовательность может быть просчитана (в форме обратного отсчета). Следовательно, динамизм Оси может быть предсказан (4 после 3 после 2 после 1, например). Когда десятичная прогрессия начинает проявлять склонность к пророчеству, возникает Вера⁵ как инструмент легитимации доминирующего движения (относительно одной из десятичных прогрессий, привязанных к пикам или складкам). Такая вера трансцендентально порождает непоколебимый телос на стороне доминирующего движения (X либо Y), обеспечивая доминирующей стороне легитимную гегемонию. Движения X и Y могут быть выражены в их десятичных последовательностях, соответственно 01234567890 или 0123456780. Однако на Оси «Гог–Магог» риск доминирующего движения или гегемонии подрывается соучастствующими и блокирующими движениями, запущенными петрополитическими низовыми течениями. Здесь цифры не отсчитываются — они строят друг друга, складываясь и сочетаясь в близнечные пары, возносясь и падая, — движение непрерывное и прерывистое одновременно. В таком случае противоположное и синергическое движение возможно только в скользящей машинерии нефти как смазки, обладающей собственными динамизмом и сознанием. Для X и Y движение относительно. «Конец близится» — понятие динамически двусмысленное, если речь идет о сближении двух концов с противоположных сторон. Тогда как для Капитализма другая сторона есть Ислам, для Ислама Капитализм конституирует другую сторону. Но в то же время земля выступает другой стороной и для Ислама, и для Капитализма — не в смысле внеположенности, а как аутсайдер, пробравшийся внутрь, — Инсайдер. Хотя X и Y приближаются друг к другу с противоположных сторон, они синергистически собираются в Ось «Гог–Магог» как десятичную системную болезнь, сплетенную из оккультных теллурианских социальных динамик. Ось собирается путем складывания пиков и впадин по мере того, как X и Y скользят по своей нефтяной подложке (называйте это Одиссеей Трубопроводов или Экскрементами Дьявола) друг к другу. В конце концов X и Y складывают свои сигизии в одну общую складку: дамбу Гога и Магога, композит 45–36 или 9–0. Теперь вся панорама представляет собой соучастие между X , Y и анонимными материалами (см. рис. 3.1 и 3.2).

«Принесите мне кусков железа». А когда он сравнял между двумя склонами, сказал: „Раздувайте!“ А когда он превратил его в огонь, сказал: „Принесите мне, я вылью на это расплавленный металл“. И не могли они [Гог и Магог] взобраться на это и не могли там продырявить» (Коран, сура 18).

Обнуление гегемонии Гога и Магога путем сборки интенсивной и необратимой зоны столкновения (см. рис. 3.2, 3.3). После того как все треугольники сложились

друг в друга и расколотая звезда сложилась в перевернутый *crux commissa*, или перевернутую букву Т, возникает новая складка между Х и У, или между Гогом и Магогом. Эта предельная десятичная складка — зона наиболее интенсивной (конфликтной) деятельности между Гогом и Магогом. Столь интенсивные конфликты рано или поздно обрушат защитную дамбу (см. цитату из Корана выше). Другими словами, эта деятельность подтачивает вертикальную складку. На Оси, или кресте Ахта, эта предельная складка фрагментирует, или делит, нули, а также соединяет их, порождая нумерическую пару (45–36), расположенную между двумя нулями (см. рис. 3.2). Но ноль превращается в ничто. Ноль, поделенный на любое число, дает ноль. Следовательно, возникший регион Ут-нуля (9–0), соответствующий Нумограмме, погружается в ноль (см. рис. 3.2, рис. 4). Вертикальная складка, десятично диаграммированная как 45–36 или 9–0, невыносима для нуля; следовательно, она сплющивается и выравнивается с планом нулевой толерантности. Последняя складка Оси «Гог–Магог» схлопывается в ноль, и рождается горизонтально консистентная пустыня Ксеродрома. Ось «Гог–Магог» достигает полной имманентности с пылающим ядром реального — железным океаном земли — и солнечной бурей (см. рис. 3.3).

Х и У (Гог и Магог и их предположительные референты в Войне с Терроризмом) — это петрополитические марионетки; они продвигаются вперед ползком по нефти. Однако в условиях близости и контакта с Нефтью Т возрастает подверженность воздействию теллурианской Смазки, что и иллюстрирует Ось «Гог–Магог», или сложенный крест Ахта (см. рис. 3.2): сумма складок равна 36 (3–6). Как десятично-суммарный близнец, 6–3 соответствует Нефти, которая в Англоссической Каббале равна 63. Число 63 (= нефть) соответствует региону *Djunxx* (внешнему) в Нумограмме, который тоже численно картографируется как 6::3. Внешнее, или другая сторона, глубоко погрязло в трясине нефти.

[36 = AQ (*Anglossic Qabalah**) = абджадия: каждый треугольник на стороне десятиугольника поворачивается на 36, что соответствует 360 идолам в Мекке до прихода Ислама] (* Англоссическая Каббала, AQ⁶, главным образом характеризуется своей алфавитно-цифровой эффективностью и технокультурной простотой: от A = 10 до Z = 35 в строгой ступенчатой последовательности. Do WHAT THOU WILT SHALL BE THE WHOLE OF THE LAW («Делай то, чего ты хочешь, — вот единственный Закон») = 777; AL = [A = 10] + [L = 21] = 31 = [ALEPH = 1] + [LAMED = 30])

Ввиду интенсивной активности на Оси «Гог–Магог» и ее жажды нефти Теллурианская Смазка (нефть) может либо потребляться, либо катализироваться во что-нибудь иное. По мере того как Гог и Магог складывают свою нефтяную колыбель путем трения, противонаправленных движений и аномальных коопераций, истощение или сожжение-в-иное становятся неизбежным (см. рис. 3.2).

«Зайнаб бинт Джахш сказала, Пророк (Мухаммед) поднялся ото сна; его лицо было разгоряченным, и он сказал, нет бога кроме Аллаха. Горе арабам, ибо великое зло вскоре настигнет их. Сегодня была пробита брешь в стене Гога и Магога, вот такая (Суфьян показал это, сложив из пальцев числа 90 или 100). Кто-то спросил: будем ли мы уничтожены, хотя среди нас есть правоверные? Пророк сказал: да, если зло возрастет. Абу Хурайра сказал: пророк сказал, ВРЕМЯ УЙДЕТ БЫСТРО, знание уменьшится, несчастье охватит человеческие сердца, при-

дут болезни, и будет великий Хардж. Люди спросили: о Посланец Аллаха, что есть Хардж? Он сказал: ПОГИБЕЛЬ, ПОГИБЕЛЬ!» (аль-Бухари).

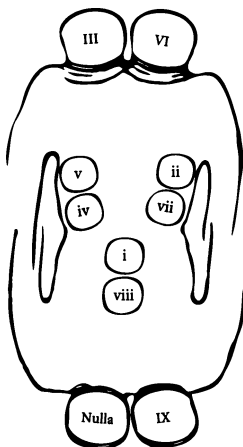

Рис. 4. Близнецная Нумограмма (также известная как Десятичный лабиринт или Десятичный Двойник) состоит из трех регионов : Ут-нуль (0+9), Временной Цикл (8+1, 7+2, 5+4) и *Djynxx* (6+3). Как Ут-нуль, так и *Djynxx* диаграммируются через их внеположенность. В противоположность десятичной конструкции Се-фирот в Древе Жизни Нумограмма оперирует девятичным колдовством — не-совершенствуемостью и незавершенностью, противостоящие перфекционизму.

ГИПЕРВЕРОВАТЕЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ НЕФТИ. Нарративные аватары нефти предоставляют ей возможность участвовать в различных земных панорамах. Таксономическая диаграмма аватара нефти в различных нарративах дает более ясное представление о нефти как компоненте современных машин войны и Войны с Терроризмом.

Вот главные гиперверовательные сущности Древнего Врага, Нефти, как их описывал древний ближневосточный культ Сгустка, или Людей Нафта (нефти), которых часто называли *нафтанитами* (этот культ был возрожден после казни или исчезновения колдуна Ахта).

- I. Нефть как смазывающий материал, или Теллурианская Смазка, благодаря которой все движется вперед, распространяясь плавно и неизбежно. События конфигурируются сверхпроводимостью нефти и глобальными петродинами-

- ческими потоками до такой степени, что нефть оказывается в большей степени влияющей на разворачивание и совершение событий, нежели время. Если нарративное развитие, развертывание событий в наррации, подразумевает последовательность хронологического времени, то для современных планетарных формаций история и ее развитие детерминированы притоком и оттоком нефти.
- II. Охотник Мертвых Морей. В древнеарабских и персидских сказках и фольклоре *Choul-e Naft*, или Нефте-враг, бродит по пустынным равнинам Аравии. Страх перед нефте-врагом — культурный продукт фольклора некоторых обществ.
- III. Нижний Сгусток. Неорганически синтезированный материал, который просачивается из первозданных межзвездных бактериальных колоний, живущих в недрах Земли (теория Глубокой Горячей Биосферы Томаса Голда). По Голду, нефть неорганически производится бактериями, существующими в недрах земли, поэтому нефтяные запасы в некоторой степени возобновляемы, а возможно, и неистощимы. А поскольку колонии этих нефтепроизводящих бактерий передвигаются, распределение нефти также непостоянно и будет смещаться. Возобновляемость, неистощимость и изменение текущих паттернов петрополитического распределения имеют огромное влияние на наши планетарные представления о политике, экономике и милитаризации. Продолжение нефтяных войн или их окончательное завершение приведут к великим откровениям и соответственным последствиям на всех уровнях жизни планеты. Через миф об ископаемом топливе, согласно которому углеводороды выступают источником происхождения нефти, классический пацифистский лозунг «Нет кровавой нефти» можно связать с петрополитикой порфирина. Согласно Томасу Голду, факт наличия порфирина в крови и в нефти был использован для искусственного завышения достоверности теории ископаемого топлива. Для защитников мифа об ископаемом топливе порфирин служит свидетельством общего происхождения из углеводородов. А приравнивание крови к нефти — предположение, что кровь составляет цену нефти, — может быть основано только на теории истощимости конечных запасов ископаемого топлива, то есть происхождения нефти из органической материи. Принятие мифа о порфирине (ископаемый традиционализм) позволяет нефтяным пацифистам поддерживать тоталитарную нищету нефти.
- IV. Черный Труп Солнца. В поздних оккультных, археологических и теоретических заметках Парсани подробно прослеживается абстрактная диаграмма нефти как расколотой звезды, разомкнутого десятиугольника с треугольниками по сторонам. Парсани настаивает на том, что нефть, или Теллурианский мор, которому поклонялись *Acht* (на авестийском языке древней Персии это имя означает «мор», или «пропитанный ядом») и его культ, на экономическом плане может быть понята нумерически. Отдельные фрагменты формы мора могут быть различены и извлечены из котировок фондовых рынков, торговых сетей и экономических аномалий. «В планетарной сфере петрополитический трафик черного трупа солнца куда более творчески опасен, чем потворствующая своим желанием потребительская гегемония Солнца», — утверждает Парсани в эссе 1989 года «Взлет и падение Солнечной Империи».

- V. Автономное химическое оружие, принадлежащее земле как разумной сущности и событию. Нефть отравляет Капитал абсолютным безумием, планетарной чумой, которая кровоточит в экономиках, мобилизуемых технологическими сингулярностями передовых цивилизаций. С появлением нефти как автономного земного заговорщика капитализм оказывается уже не человеческим симптомом, а скорее планетарной неизбежностью. Другими словами, капитализм был здесь задолго до появления человечества и только ждал подходящего носителя.
- VI. Углеводородная Трупная Жидкость. Постапокалиптическая сущность, которая состоит из органических трупов, сплюснутых, наваленных и разжиженных в осадочных бассейнах (мегакладбищах). Геологи предполагают, что высокая скорость осаднения сохраняет органический материал, катастрофическая же скорость осаднения (Потоп) срывает с места, убивает и хоронит органический материал настолько быстро, что порфирина не успевает получить доступ к окислителям, который разрушили бы его в океанской воде. Нефть как продукция организмов *post-mortem* неразрывно связана со смертью. Поскольку ее этос — и происхождение, и конец — чисто телеологический, все, что ею вдохновляется, основано на смерти, на логике смерти и неизбежной завершаемости. Нефть как углеводородная трупная жидкость — сама по себе смертная сущность, которая была источником идеологий петромасонских орденов и их политик — от ОПЕК и агентов Войны с Терроризмом до левацкого постмодернизма. Это божество, связанное с тем, что Томас Голд называет «мифом об ископаемом топливе» или истощимости нефтяных полей. Она привлекается через телеологическую инструментализацию социополитического тела Земли. (ОПЕК также находится под подозрением в связях с другими сущностями Сгустка.) Патологические симптомы, вызываемые мифом об ископаемом топливе, можно кратко описать следующим образом.

1. Политика недоработки и намеренного обеднения, привязанная к истощимости нефтяных полей: поскольку нефть умирает, мы должны использовать ее с умом и расчетливо (ошибка благородной бедности).
2. Сдерживание Избытка и встроенное подавление (связанное с морализацией земли, так называемое Зеленое Осуждение)
3. Социополитическое программирование планетарных систем, основанное на истощении нефти. Все нефтяное произведено смертью и ведет к смерти.
4. Топливное обеспечение экономических систем на монотеистических платформах путем слияния с их веродинамиками и апокалиптически политикой: истощение *Aqua Vitae* Земли есть необходимое условие для Пришествия Царства. Бог может прийти (явить себя) только тогда, когда все возможности Земли истощились. Миф об ископаемом Топливе связан с институционализацией религиозных ожиданий в нефтяной индустрии: с каждой вещью, произведенной из нефти, мы становимся чуть ближе к Богу. Тайна потребления нефти или истощения энергии земли обретает завершение в подменном источнике энергии, абсолютной силе Божественного. К хронологическому времени, для которого пред-

восхищение — это не только преждевременный вывод, но и активный вклад в достижение ожидаемого, сценарии истощения запасов нефти могут быть привязаны либо через активность надежды, либо через пассивность отчаяния.

VII. Экскременты Дьявола («Я называю нефть экскрементами дьявола» — Хуан Пабло Перес Альфонсо). Нефть, садо-заговорщик, который (недо)развивает общества и экономические системы через петрополитику, чтобы затем медленно разорвать их на части.

VIII. Ароматический сок Геи.

IX. Ползущий-по-Трубам (топливо), кодовое имя для автономного транспортного средства, контрабандой доставляющего исламские машины войны в западные цивилизации, — но с другой стороны панорамы это медленное проникновение других нарративных сущностей нефти в ректальные глубины всех политических ориентаций, как опирающихся на религиозные платформы, так и нет. Бензин играет роль подельника в превращении дальних дистанций в доступные путем приложения давления, направления потока в самые дальние уголки земного шара. Нефть — одновременно и обезболивающее, и смазка, и объект вторжения.

X. Инфернотрон, или, проще говоря, американский пиродемонизм, распространяющий свои щупальца через тематический теизм — очищающую волну катарсического пламени (греко-латинская тема, наследующая арийской идее чистоты) — и месииво-инженерный процесс неполного сгорания, ассоциирующийся с *Zippo Jobs* во Вьетнамской войне и НАПАЛМ-обсессией американской военной машины: «Я сойду в ад с канистрой бензина в руке» (полковник Уэст).

XI. Святая Вода (или, иногда, Святое Золото): нефть предназначена не для производства, а только для нужд ислама (особенно на экспорт):

«Не делайте нефть объектом экспорта. Экспортируйте все товары через нефть. Продавать им нефть без ее зараженных Джихадом побочных продуктов — непростительный грех. Ввиду современной петрополитики лозунг „Мы экспортируем ислам с войной“ приобретает новый смысл» (Джей, «Кодекс Яту»).

КРЕСТ АХТА И ЗИГОНОВИЗМ (ДЕВЯТИЧНОЕ КОЛДОВОСТВО): ЗАМЕЧАНИЕ О КРЕСТЕ АХТА, ИЛИ РАЗЛОЖЕНИЕ И ЗИГОНОВИЗМ. Согласно заметкам Парсани, он нашел другую модель креста в историческом городище Болаги Горге в провинции Фарс в Иране. Это открытие было сделано за три месяца до его окончательного исчезновения и прибытия в этот регион международной команды археологов с целью спасти реликвии от затопления в результате строительства Сивандской плотины. Базовая структурная форма креста — снова десятиугольник, но вместо треугольника на каждой стороне десятиугольника располагается равносторонний прямоугольник, квадрат⁷. Почитаемый как самая священная геометрическая форма зороастрийцами и поздними зурванитами, квадрат был парадигмальным объектом

поклонения монотеизма как геометрическая основа куба. После того как восторг нового открытия схлынул, Парсани пишет: «...как я и подозревал, это подвергнутая религиозной коррекции адаптация креста Ахта⁸. Не только потому, что оригинальный крест окружен треугольниками, свойства которых неистощимы и отсылают к *deava-mahmi* (демону махми), но и потому, что этот новообнаруженный крест репрезентирует раскладывание 1(0), или Одного, то есть выведение из строя числовых механизмов оригинального креста. Этот систематически прирученный крест изображает *Порядок Фарра*, или божественную целостность, тщательно разработанную диаграмму, призванную удовлетворять онанистический гибрис *Dominus'a*, высшего сущего монотеизма».

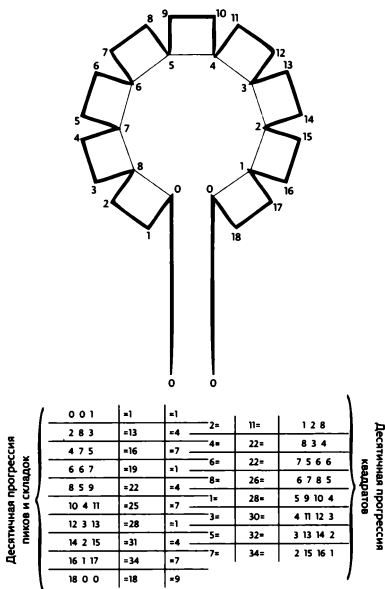

Рис. 5. Крест, оквадраченный зороастрийскими магами. Десятичная прогрессия квадратов (сумма их сторон) выглядит следующим образом: 11 (= 2), 22 (= 4), 24 (= 6), 26 (= 8), 28 (= 1(0)), 30 (= 3), 32 (= 5), 34 (= 7), 36 (= 9).

Следующие заметки подводят итог некоторых предварительных исследований «подвергнутой религиозной коррекции» модели креста Ахта, сардонически поименованной Парсани *Khaj-e Akhteh* (крест *akhteh*: кастрированный крест) (см. рис. 5). Команда «Гиперверия» взяла на себя смелость собрать, отредактировать и переписать заметки Парсани, почти нечитаемые из-за его неразборчивого почерка и нетерпения, не дававшего ему заканчивать предложения:

Паттерн десятичной прогрессии (за исключением последнего сегмента) скорректированного креста, как показано на рис. 5 (таблица), — $147 (= 1 + 4 + 7 = 12 = 3)$. Число 147, как постоянно повторяет Парсани, есть число Творения, или Порядка Фарра, который будет рано или поздно установлен Ахурамаздой и его Братьями Света. Диаметр высшего неба, небесного обиталища Божественного, окружающего первобытные океаны и Землю, как сказано в «Пехлевийских риваятах» (Б. Н. Дабер, Бомбей, 1913), также составляет 147(000) *фарсангов*⁹.

Парсани убежден, что замена треугольника архитектурно монолитным и консистентным прямоугольником (квадратом) восходит к доисламской династии Сасанидов. Данная модификация креста Ахта относится к периоду, когда дуалистические представления были изгнаны из зороастризма и он был переработан в глубоко укорененный прототип всех монотеистических религий. Помимо его эксплицитной прокреационистской консистентности и тенденции к локализуемости, квадрат представляет собой нечто вроде монотеистической избыточности, необходимой для завершенности и структурного равновесия. В ближневосточном колдовстве и гематрии (абджадии) нумерические связи должны быть как можно проще, чтобы соответствовать плавной и скрытной динамике номадических и инсургентных машин войны. Простота нумерических связей структурно и функционально идентична стерической организации в химическом веществе, когда молекулярная структура достигает максимального эффекта с минимумом связей и элементов. В этом отношении нумерические связи могут достичь эффекта и эффективности, когда их больше, чем одна, но не более двух. Эта кажущаяся дихотомичной структура может быть источником предельной множественности и расходящихся движений. Такая нумерическая простота состоит из двух связей: одна на стороне несовершенства или незавершенности, другая производит завершение и совершенство. Для этого нужны две головы. Пока одна голова ищет возможности продать монополию Божественного (используя ее как замаскированную ферму, подпитывающую мор), другая сливает божественное в несовершенствуемое (полно-разлагающее) пространство нерешительности и безверия. Эта организация — воплощение Декаданса, прилив разложения, поднимающийся и наступающий с другой стороны. Если Декалог, или Десять Заповедей, представляют собой венец этики совершенства, Декаданс предлагает не только разложение этой этики, но и этику этого разложения — дифференциальный космогенезис распада. В распаде путь к совершенству — это кратчайший путь к нескончаемому разложению идеала. В этом смысле Декаданс (от *deca* — «десять») не обозначает ни обнуление десяти, ни суверенность, а указывает на дифференциальный прокол между ними. Крест Ахта с его расколотой звездой и всепроникающим девятичным колдовством — в отличие от священной геометрии цельных звезд и Древа Жизни — есть диаграмма Декаданса.

Парсани пишет: «Такая прагматически эффективная простота находит свое высшее выражение в треугольнике, где одна из вершин составляет координату — десятичную сумму со второй и вовлечена в девятичное сочетание с третьей (см. рис. 6 и рис. 8). Так треугольнику удается генерировать поле трисономии и тайной эксплуатации, или того, что зороастрийцы называли трехточечным извращением, или расстройством трех точек (*abādixšayih*: радикальная ложь и беззаконие, *هرج و مرج*). Состоящий из трех точек (трехточечный) или вершин Трисон — единица политического и стратегического двуличия (или дву-нумерации); таким образом, она противостоит Порядку Фарра, или целостности творения. В условиях Трисона легко постоянно исчезать с одной стороны и возникать на другой стремительно и бесследно, сплетая вокруг себя зону радикального предательства. Маркирование трех точек как треугольника — позднейшая геометрическая модификация¹⁰. В раннеперсидском колдовстве Трисон изображался как поперечный срез спирали или закручивающегося движения, называемого *drēm*, что значит «точка», «пыль» и «рыбья чешуя». *Drēm* — это прилагательное, описывающее бесконечную нечистоту *Друдж* (Матери Мерзостей). В каждом Трисоне число, составляющее перфекционизм десятичной суммы и колдовство девятичной с двумя другими числами (вершинами), часто ассоциируется с *Deava* (демоном) некоего загадочного рода, называемого *deava-mahmi*. Ни в авестийских, ни в пехлевийских религиозных текстах не встречается описаний этого демона. Дэва-махми, демон предательства и измены, — двуличное существо, выполняющее неизвестную миссию по заданию Ахримана (или изначального Зурвана, полного и окончательного тела Мора) на стороне...».

Заметки Парсани продолжают на следующей странице, которая была утеряна.

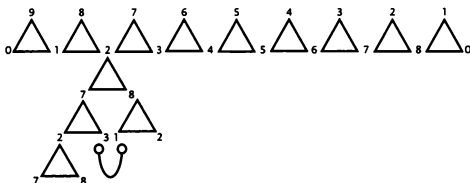

Рис. 6. Фрактал Ужаса. О Трисонах и крипто-фрактальной структуре тайных обществ и террористических ячеек см. редкое издание *Recent Research in Bible Lands* в книжном *Librairie de Pera*, Стамбул, Турция.

Как отмечает Парсани, эти числа в треугольном формате — составляющие девятичную пару по одной стороне и 1(0)-сумму по другой — ассоциируются с *deava-mahmi*, предательским демоном, которому поклонялись некоторые зурваниты и ранние христианско-митраистские культы. Согласно зурванитским и митраистским текстам, поскольку Ахурамазда, Божество Света, был вторым сыном

Зурвана (вневременного Зона), он не знает секрета творения. Следовательно, не он, а Ангра-Майнью (Ахриман, или, в упрощенной иудео-христианской форме, Сатана) обладает тайной творения, как первый сын Зурвана. Дэва-махми, один из учеников Ахримана, крадет код творения у Ахримана, встречается Ахурамазду и предлагает ему секрет Творения, основанный, как ни странно, на знании и осмотристельности Ахримана.

Демон Махми рассматривается как *mesites* (*meseet'es*)¹¹, или тот, кто не играет роль балансирования и стабилизации (оквадрачивания), а занимается тем, что в пехлевийском языке называется *mianjig*. Эта субъектная форма древнеперсидского слова *mayanjigih* значит «посредник» или «обманщик» — промежуточный Митра, который предаёт обе стороны ради своей тайной миссии. Как писал Парсани в одном из ранних эссе о ближневосточном колдовстве, «Предательство и приостановка любого видения»¹² есть сердце ближневосточного колдовства и политики. При этом неясность цели предательства куда опаснее, чем ее извращенность. Механизм двойной нумерации такого предательства также был источником вдохновения для конфигурации политических формаций и государственно-номадических машин войны на Ближнем Востоке. Тем не менее такие предательства сущностно подвержены зловещему рассеиванию, они распространяются повсюду, от теистической Веры до запретных учений. В сущности, когда такие предательства становятся неотъемлемой частью повседневности, ничто не может противостоять сметающей волне разрастающихся ересей. Великое Предательство, или Митро-Друдж¹³, — это приглашение, обращенное к каждому, ДА большими буквами всему и всем, предельное гостеприимство по отношению ко всему, что только есть; по этой причине оно обладает распространяющейся утвердительно-эпидемической силой, против которой у религии в целом нет защитных структур или иммуноагентов».

На другой странице того же эссе Парсани продолжает: «Скрытые манипулятивные функции радикального предательства проявляются в двойной нумерации Трисона, или трехточечного извращения. Трисон появляется как ухмыляющаяся голова креста Ахта, который одержим треугольником. Не следует забывать о зловещем направлении этой панорамы: крест Ахта — это также демонограмма палеопетрологии и ее операциональной поли-тики [*polytics*]. Трисон подпитывается одновременно и невообразимо древними машинами-чудовищами, лабиринтами извращений, и конкретной прагматикой предельного бунта и субверсии, прорастающих из установленных оснований религиозных режимов».

Взглянем на царские печати и монеты доисламских персидских династий, чья одержимость монотеистическими и сущностно-арианскими очистительными процедурами монотеистического и квинтэссенцией не знает себе равных. По ним видно, что такие ереси проникали даже в высочайшие круги магов и религиозных институций (см. рис. 7). Некоторые печати и монеты помечены запретной эмблемой Трисона, или трех точек (*drēm*), на одной стороне и изображением вепря на другой. Обратите внимание, что вепрь — жертвенное животное, посвященное Ахриману, или Ангра-Майнью (духу разрушения). На других печатях, однако, изображена подвергнутая религиозной коррекции версия трех точек — упорядоченная структура из четырех точек, оквадрачивающий процесс

перфекционизма, Фарра, Свастика, Солнечное Колесо или, позднее, крест, архитектурная власть которых покоится в области благополучия и стабильности.

Рис. 7. Печати и монеты: Трисон (трехточечное извращение) и Свастика (квадратное совершенство).

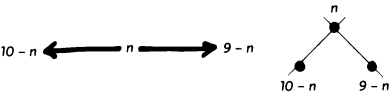

Рис. 8. Система двучия или двойной нумерации Трисона (справа) и три точки Трисона как поли-тическая единица Ближнего Востока, задействованная в формировании государств, политик, экономик, меньшинств, религий, социальных групп и т.п. (слева). Трисон может быть геометрически представлен в виде треугольника.

Рис. 9. Трисономию можно разложить на $c = a::b$ (если $A = 8, B = 1, C = 2$, тогда $a = 1, b = 6, c = 7$, тогда $7 = 1::6$).

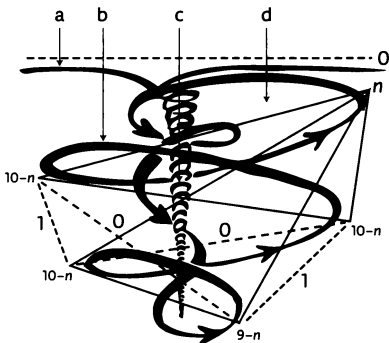

Рис. 10. Спираль обратной связи мобилизует и продлевает коммуникацию Трисонов, также известных как поли-тические единицы Ближнего Востока. Спирали обратной связи реализуют Трисон в ближневосточных властных формациях. Спирали обратной связи состоят из (а) Входа, (b) Гистерической Силы, (c) Направляющей Силы и (d) Зоны Дракажа. Пунктирными линиями обозначена кросс-нумерация (10-п, 10-п и 9-п, 9-п) и параллельная нумерация (10-п, 9-п и 9-п, 10-п) в Спиралах Обратной Связи. Остаток кросс-нумерации равен 0, остаток параллельной нумерации равен 1.

В статьях, написанных после «Стирая Древнюю Персию», Парсани приводит диаграмму коммуникации между Трисонами как поли-тическими единицами — или даже базовыми элементами — ближневосточных властных формаций, от подъема неизвестных государств в регионе до скрытых течений номадизма, меньшинств и неслыханных прежде бунтов. Диаграмма взаимодействий между Трисонами — это вращающийся лабиринт, или сеть, известная как Спираль Обратной Связи (см. рис. 10). Другими словами, спирали обратной связи — это лабиринты коммуникации и взаимодействия, вовлекающие Трисоны (или Трисон-ячейки) в консистентное, но эксцентричное поле деятельности и движения. Парсани описывает спирали обратной связи как операциональные поля всего того, что эманурует из Ближнего Востока, динамическое инферно, в котором политика сначала унижается, а потом предельно умножается: «В спирали обратной связи политика превращается в поли-тику».

Это динамическое поле операций оживляет и продлевает взаимодействие между Трисон-ячейками в автономных формах, используя Трисоны для производства поли-тических уклонов (или, говоря менее технически, последствий эпических масштабов). Эти производимые поли-тические склонности или последствия отличаются от Трисонов своей спиральной формой. В спиралях обратной связи коммуникация Трисонов оказывается сущностно воронкообразной. Функ-

ционируя как воронка, спираль обратной связи направляет функции Трисонов в катастрофически новые поля коммуникации, тактики и стратегии. Спирали обратной связи как двигатели катастроф имеют форму воронок-спилей: они способны превращать двуличный динамизм Трисонов в полноценную поли-тику, для которой характерны множасьщиеся прагматики и мультифокальные операциональные режущие края. Трисоны подпитываются одновременно стратегией и тактикой, эпидемическим распространением (дивергенцией) и фокальной концентрацией (милитаристской конвергенцией), дезориентацией и деспотизмом, трансгрессией и порядком, номадической миграцией и государственной организацией. В спиралах обратной связи все эти прагматические ориентации одновременно мобилизуются, чтобы произвести определенного рода полярную ротацию, или уровень дифференциации, необходимый для образования воронки.

В своей сорокастраничной статье «Мезоматика и власть на Древнем Ближнем Востоке» Парсани подробно рассматривает спирали обратной связи и то, как они трансформируют Трисоны в поли-тику переднего края. Спирали обратной связи генерируют скрытые властные формации, двигатели которых подпитываются энергией их внутренних бунтов, и их тайный террор невозможно остановить путем прямого подавления или внешней силы. В той же статье Парсани отмечает, что другие страны (в особенности Греция и Рим), уже столкнувшиеся с таким опасным религиозно-политическим воинственным движением, или экстремальной поли-тикой, дали ему имя. Они называли эту Горгонитскую структуру совмещенных экстремумов и полярных аномалий Ближнего Востока *kuklos* или *kokloma* — «размывающее колесо» или «змеиный извив»; позднее это название видоизменилось в греческое *kuklon* — «вращающееся разрушение, или циклон».

Содержание статьи Парсани о спиралах обратной связи и Трисонах можно в грубо упрощенной и сильно сокращенной форме представить так.

Спирали Обратной Связи генерируют взаимные влияния или взаимодействия между Трисонами (то есть Трисон-ячейки). Эти коммуникации характеризуются простотой, нумерической эффективностью и сложностью, или, точнее, катастрофическими результатами. В спирали обратной связи всегда есть две Трисон-ячейки, взаимодействующие друг с другом. Взаимодействие между Трисонами всегда основано на общей нумерической упорядоченности двух Трисон-ячеек на спирали. Каждая Трисон-ячейка имеет три вершины: шарнирную (обозначаемую как n), десятичную ($10-n$) и девятичную ($9-n$). На спирали обратной связи Трисон-ячейки всегда имеют общую шарнирную вершину (нумерически обозначаемую n). Коммуникация Трисон-ячеек происходит на двух планах: кросс-нумерации (в дальнейшем Sn) и параллельной нумерации (в дальнейшем Rn), двух динамических осей, одновременно противоположных и сотрудничающих (см. взаимодействие между Трисон-ячейками на спирали обратной связи на рис. 10 и нумерические вершины Трисона на рис. 8). И кросс-нумерация, и параллельная нумерация — элементарные силы, формирующие яростные поли-тические воронки.

В каждой фазе пространственно-временной прогрессии полярность Sn и Rn между двумя Трисон-ячейками производит стрелу направления. Тогда как Sn всегда равно нулю, Rn равно единице. Противоположная, но сотрудничающая

полярность между 1 и 0 создает динамический дифференциал, необходимый для смещения направления и продолжения спирали. Дифференциал или сдвиг направления выражается в бесконечном закручивании. Переход или смещение от одной Трисон-ячейки (одной политической единицы) к другой становится причиной этого закручивания, влияющего на взаимодействие Трисон-ячеек и направление спиралей обратной связи. Производимое неразрешенным столкновением Трисон-ячеек закручивание направлений программирует одновременно расходящуюся свободу и концентрическую целостность спиралей обратной связи. И распыляющие, и интегрирующие силы проявляют себя как спирали. Первая сила характеризуется истерической девиацией, вторая отмечена гегемонической — или, как предлагает Парсани, «пионерской» — инструментальностью. Вся эта структура напоминает циклон с одного конца и штопороподобный бур с другого. «Спутанная мешанина воронкообразных и штопорных движений: структура ближневосточных политических формаций — это циклон, вооруженный бурильной инструментальностью; это циклон и нефтяной бур, используемый для добычи неслыханных политических и властных формаций», — пишет Парсани в статье о месопотамской математике и политике на Ближнем Востоке. В спиральных обратной связи истерические и направляющие силы всегда сходятся (см. рис. 10). Аффективное пространство между этими двумя силами называется зоной дракажа, зоной, в которую перенаправляются закрученные действия этих сил. Именно зона дракажа придает силу политической монструозности спиралей обратной связи. Спирали обратной связи могут горизонтально мигрировать (ползти) по зонам дракажа.

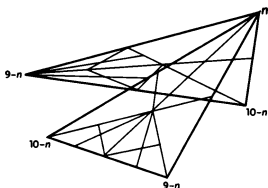

Рис. 11. Трисон-ячейки, образованные в спиральных обратной связи, играют значительную роль в представлении Ближнего Востока как альтернативной Земли, отпадающей от политик всего мира и их рвения в развитии хронологических и/или экологически релевантных политических подходов к миру. Парсани называет Трисон-ячейки группами населения с резко отклоняющимися политическими векторами, часто связанными с образованием меньшинств.

В спиральных обратной связи Трисоны присутствуют парами, чтобы образовать наиболее яростные оппозиции, которые по сути поддерживают друг друга. Однако каждая Трисон-ячейка способна содержать в своей треугольности бесчисленное множество Трисонов, либо как союзников, либо как ячейки потенциальных необратимых внутренних расколов. Трисоны внутри Трисонов внутри

Трисонов — также известные как дочерние Трисоны — образуют тысячи, миллионы спиралей обратной связи внутри материнской спирали. Крптофрактальная сложность этих спиралей обратной связи может порождать аномалии, способные подорвать и сместить центральность материнской спирали и, в итоге, свою собственную. Парсани обозначает эту перспективу как «холокост меньшинств», или терминальное размножение меньшинств (см. рис. 11). Беременный Трисон — это популяционная бомба Трисонов. Парсани отмечает, что трафик между Трисонами (кросс-нумерация и параллельная нумерация) как политическими единицами — это динамическая причина, стоящая за меньшинствами и сектами Ближнего Востока, за кочевниками и стратократией государств (проявляющейся в подъеме тайных партизанских государств), за ближневосточными монотеистическими религиями и миноритарными веродинамиками[‡].

‡ господин порякар из *librairie de pero* (надо с ним встретиться по поводу книги о триангулярной автономии древних тайных обществ. Нужно добавить еще раздел в конец этой главы: Трисон и возникновение Ближнего Востока)

§ пока только короткая записка. По поводу твоего первого вопроса: номер моей комнаты — 302. Пока вроде бы все в порядке. Из людей я видел только сотрудников отеля, водителя и блондинку в розовой футболке *Death From Above* (не знал, что они так знамениты) и нижнем белье в гостиничном номере на другой стороне сада, прямо напротив моего окна. Пришлось задвинуть шторы, чтобы работать. Свяжусь с тобой после встречи с Z. и дам знать о результатах. Спасибо за все. К слову, надо бы использовать PGP для некоторых мейлов.

PS1: Да, я уже начал писать.

PS2: Работа для Нью-Йоркской публичной библиотеки уже сделана?

2 3333 04427 9147

Единственная спасенная записная книжка Парсани кишит личными заметками и незаконченными фрагментами, которые, по подозрению группы «Гиперверия», представляют собой подлинные любовные письма, полные непристойных связей с его открытиями в области Бактериальной Археологии, Палеопетрологии (особенно это касается заметок, описывающих переизобретение земли как машины, предназначенной исключительно для эффективного производства нефти) и других областях того, что он называет «еретическим знанием». Эти предполагаемые письма еще раз подтверждают его ментальную нестабильность и сомнительные исследования, внезапно переходящие в демонические или, возможно, суицидальные побег. Один из друзей Парсани критически описывает его как «опухший сифилитический мозг с присосавшейся к его корешку розовой пиявкой».

«Колдунья, я стал еще более фанатичным перфекционистом в том, что касается моих работ, с тех пор как мы встретились. Я ожидал более вольных текстов, но нет, никаких вольностей, я горю, и от меня остаются не пепел и дым, а тонны склизких, грязных следов, нефть, дифференцированная влажность, болотистое состояние вещества. Если консолидация „экономического участия и коллективности“ необходимо выражает архитектурные процессы страты, то бесконечная количественная и качественная дифференциация представляет собой совершенно иной процесс, противоположный стратам, не в смысле их аннулирования, а в смысле манипулирования стратами путем отклонения их организационных процессов (которые сами есть коллективизация, зажатая в тиски репрессивной — конечной — коммуникации) к Нолю. Внесение ноля в «организационные процессы», впрочем, никогда не происходит полностью; оно длится как бесконечное отсрочивание, как растянутое соитие с Нолем. Дифференциация — это дезорганизующий процесс не только на вертикально разворачивающейся оси интегративной целостности, но и на виртуальных поверхностях ноля. [21258] Такие дезорганизующие процессы с нецелостной тенденцией к дифференциации, фальсификации, дивергенции, мутной истерии, терминальному катаболизму и дезинтеграции в направлении чего-то иного, чем смерть, безусловно являют себя в „неполном сгорании“. Когда субстанция не сгорает полностью, спасение или консолидация всех возможных миров абсолютно невозможны. Неполное сгорание преграждает субстанции путь бегства в пар или пепел, не дает ей обрести спасение, став бесформенной (материей). При неполном сгорании субстанция оказывается вовлеченной в процесс позитивной дезинтеграции. Бензиноподобные продукты переработки нефти, используемые в основном в воспламеняющихся субстанциях и топливных бомбах, такие как напалм, никогда не сгорают полностью. Этот фактор увеличивает длительность их горения и обеспечивает распределение по большей территории, производя гелеобразные огненные шары, которые горят дольше, чем жидкие нефтепродукты, благодаря замедлению воспламенения в результате превращения бензина в гель (путем смешивания с металлическим мылом) [14832]; он злобно сжигает все,

к чему прикасается, капля за каплей, и не сгорает. НАПАЛМ течет, каким бы вязким его ни сделали. Как только он воспламеняется, он липнет к объектам, размывает их, проникает в них, но никогда не позволяет им испариться или рассыпаться пеплом, он сохраняет их в другой форме, чтобы сжечь, добавляя все новые жидкие горючие субстанции по мере расползания на другие объекты (в особенности органические материалы); по мере его распространения его исходная форма эмульсии (филаментные гели или сети нитей в бензине) становится крепче и, следовательно, он лучше распространяется. Это единственная горючая субстанция, которая густеет по мере растекания; НАПАЛМ не гасится водой; он только течет быстрее, поддерживаемый потоком воды [12969]. Любовь — это неполное сгорание. В моей испещренной шрамами, разгоряченной коже ты видишь человека, принадлежащего болезни. В твоей здоровой плоти я вижу то же [2261]»[‡].

‡ 555–370 (6:45)

Написать *S* о том, как шифровать все документы и папки через PGP и использовать команду ERASE вместо обычного удаления, чтобы стереть все проблематичные фрагменты (СРОЧНО).

Надо связаться с *B*, чтобы ответил на входящие мейлы (СРОЧНО).

Послать *M* и *A* их статьи по исламской банковской системе и процентах, постараться подделать их стиль... взглянуть на их старые статьи, чтобы изобразить их пунктуацию и синтаксис (избегать слишком правильного написания иностранных слов, некоторые слова они должны знать только на родном языке) (сегодня).

Кажется, что эта комната находится в какой-то выгребной яме, отрезанной от здорового потока времени.

В прошлом месяце: тригексифенидил, флуоразепам

«Он сверлит горы, вместо того чтобы взбираться по ним, роется в земле, вместо того чтобы рифлить ее, дырявит пространство, вместо того чтобы сохранять его гладким, превращает землю в швейцарский сыр. Образ из фильма [Эйзенштейна] „Стачка“ разворачивает дырчатое [holey] пространство, откуда поднимается весь растревоженный народ, причем каждый выходит из своей дыры, как на полностью заминированном поле» (Жиль Делез, Феликс Гваттари. Тысяча плато).

«Земля верила в свой собственный миф. Пора вскрыть ее и заглянуть внутрь» (Хамид Парсани).

Зимой 2001 года в статье, озаглавленной «Еще один академик в изгнании?», опубликованной в шведском многоязычном «Журнале ближневосточных исследований», был проанализирован тот небольшой объем текстов, который Парсани написал после увольнения. Вопреки сравнительной краткости этих эссе за редкими исключениями темы этих текстов были выбраны с маниакальной дисциплинарной расчетливостью, но подвергнуты анализу в решительно неконформистском духе. Однако каждое из этих весьма искусных и концептуально насыщенных изысканий преждевременно завершалось тем, что автор статьи обозначил термином «ошибка нефтяного фонтана», намекая на тот факт, что почти все эссе, написанные Парсани в этот период, заканчиваются, невзирая на уместность или неуместность этого, обсуждением нефти; несмотря на разнообразие охваченных статьями тем, они все вели к петрологическим выводам, диагнозам и заключениям. Или, как признает Парсани, «все мои тексты сводятся к нефти». Статья продолжает: «Если Джон Нэш разбирал все, что видел в журнале *Time*, на диаграммы и уравнения в шизофреническом поиске инопланетного разума, Парсани предпочел обратный процесс: все, что ему попадается, немедленно возводится к одному-единственно-

му источнику — нефти. Книги, пища, религии, цифры, пылинки — все они лингвистически, геологически, политически и математически совмещаются в нефти. Для него все на свете подозрительно пахнет керосином. Таким образом, его подход можно назвать скорее параноидальным, чем шизоидным». Пытаясь разобраться в нефтяно-вязких текстах Парсани и объяснить его помешательство на околонефтяных предметах, автор статьи подробно анализирует разработанную Парсани теорию политического прагматизма Земли. В статье утверждается, что, согласно Парсани, только с помощью этой одновременно политической и прагматической модели Земли возможно исследование Ближнего Востока как разумной сущности.

Эта прагматическая модель, впервые изложенная Парсани в его педантичной книге «Стирая Древнюю Персию», направлена на разработку конкретной или Тиаматериалистической (используя его же терминологию) модели соучастия с Землей и схватывания ее как искаженной зоны восстания против Солнечной Экономии. Согласно Парсани, Земля всегда играет роль субверсивного Инсайдера, противостоящего Империи Солнца, гегемония звездного правления которой порождает земные порядки, политики и способы существования. В своих работах Парсани называет эту модель восстания и соучастия, которая иногда приравнивается к извиту телу Земли или не-холистической зёмности, *Kareez'gar* (полый *Kerdegar*, *Kerdegar* — персидское слово, означающее Демиурга). Термин *Kareez'gar* технически и лингвистически неприводим, но может быть передан, со значительным искажением, как «полый комплекс» — или, точнее, «пол()ый комплекс», поскольку оригинальный термин Парсани подразумевает одновременно и опустошенное изнутри Целое (творение, генезис, государство и т.д.), и дырчатость. В статье отмечается, что именно в последних работах Парсани благодаря ре-модификации и спецификации *Kareez'gar* достигает наиболее плодотворного развития результатов своих исследований в области Ближнего Востока, петрологического анализа, ислама и археологии. Здесь пол()ый комплекс, или *Kareez'gar*, превращается в парадигматическую модель «соучастия и понимания Нефти как Теллурического Лубриканта всех нарративов, пересекающих Тело Земли». Эта модель особенно часто используется при обсуждении ближневосточных линий политики и коммуникации, как внутренней, так и со всем остальным миром, в терминах Тиаматериализма, Петрополитики и тайного Бунта. «Если Ближний Восток выдвигает себя как богохульство против мира, то потому, что он был создан *Kareez'gar* (полым богом), а не *Kerdegar* (полным богом)», — пишет Парсани в «Стирая Древнюю Персию».

Статья описывает компоненты, входящие в сложный пол()ый комплекс, и разнообразные аспекты влияния пол()ого комплекса на возникновение новых властных формаций, популяционных динамик и политических распределений. Затем автор отмечает, что главным образом именно вокруг пол()ого комплекса и петрологического просвещения объединяются поздние работы Парсани о Ближнем Востоке: «В этих работах именно пол()ый комплекс оказывается истоком возникновения всех тех предметов, которые впоследствии ошорошивают нас своим появлением в самых неожиданных уголках Ближнего Востока как ничем не предвещаемое явление демона или бедствие: позабытые политические превратности, неразмеченные регионы, машины войны, модели соучастия и т.д. Как

представляется, все ближневосточное может быть исследовано или хотя бы почувствовано только ввиду „Петрологического разума“ и *пол()ого комплекса*. Эти два нечестивых элемента составляют основания того инструмента исследования и анализа, который Парсани обозначил сбивающим с толку термином „Бактериальная Археология“. Подход Парсани к Ближнему Востоку зиждется на необходимости ясно показать, что все, связанное с Ближним Востоком, возникает, движется, рассыпается, обостряется и зарождается в дырчатом *Hezar'to* (Тысяча Внутренних; персидское слово, означающее лабиринт) и Петрологии Бактериальной Археологии», — отмечается в статье, заключающей, что пол()ый комплекс и Петрологический Разум на самом деле выступают отражениями друг друга в обсидиановом зеркале.

Дырчатое Пространство, точнее пол()ый комплекс (с коннотациями вырожденной полноты), ускоряет и запускает определенного рода субверсивный процесс в твердых телах наподобие Земли. Он раскрывает полости как двойственные сущности — внутри твердых матриц, осциллирующие между их поверхностью и глубиной, фундаментальным образом нарушая их консолидацию и полноту путем прокалывания терминальной пористости. Для твердого тела червление полостей подрывает отношение когерентности между охватываемыми поверхностями и его твердостью. Процесс вырождения твердого тела путем разложения когерентности его поверхностей называется разоснованием. Другими словами, процесс разоснования представляет собой вырождение целого в бесконечное пустое тело, не редуцируемое к ничто, и нарушает когерентность между поверхностями и собственно твердым телом. Говорить о дырчатых пространствах и Земле — значит исподволь вводить Землю как Разоснование. Но чем конституирован разосновательный механизм полостей? Каким образом дырчатое пространство разлагает Землю как основание для поддерживающих формаций, установлений, модусов пребывания и управления? Хитро апроприированная Делезом и Гваттари «Новая Земля» представляет собой модель Земли, в которой каждая поверхность и каждая опора есть разоснование, терминальное планетарное тело, не терпящее ни солнечных экономий, ни собственной планетарности. Однако тут возникают два вопроса: может ли Разоснование, в котором гегемония целостности Земли выведена из строя, все еще называться Землей? И, кроме того, согласно какому хронологическому потоку, на основании какого календаря, согласно какому градиенту становления, какой точке отсылки, каким пространственно-временным координатам она может быть нанесена на карту как *Новая Земля*? Ведь Разоснование — это тень вне времени и пространства.

«„Нижние из пещер подземных, — писал безумный араб, — недоступны глазу смотрящего, ибо чудеса их непостижимы и устрашающи. Проклята земля, где мертвые мысли оживают в новых причудливых воплощениях; порочен разум, пребывающий вне головы, его носящей. Великую мудрость изрек Ибн Шакабао, сказав: блаженна та могила, где нет колдуна: блажен тот город, чьи колдуны лежат во прахе. Ибо древнее поверье гласит, что душа, проданная дьяволу, не спешит покидать пределы склепа, но питает и научает самого червя грызущего, пока сквозь тлен и разложение не пробьется новая чудовищная жизнь и жал-

кие поедатели падали не наберутся хитроумия, чтобы вредить, и силы, чтобы губить. Огромные ходы тайно проделываются там, где хватило бы обычных пор земных, и рожденные ползать научаются ходить"» (Г. Ф. Лавкрафт, «Праздник»).

В этом тревожном, но малоизвестном пассаже Лавкрафт обращается к дырчатому пространству, или пол()ому комплексу (с непроизносимой «н»), как к зоне, через которую Внешнее постепенно, но неустанно просачивается, заползает внутрь (или выползает наружу?) из Внутреннего. Комплекс дырчатых агентностей и скрытых поверхностей разосновывает Землю и превращают ее в окончательную зону возникновения и восстания против ее собственной пассивной планетарности. Освобожденная от солярного рабства, Земля может восстать против онанистского самоудовлетворения Солнца и его солярного капитализма: «Огромные ходы тайно проделываются там, где хватило бы обычных пор земных, и рожденные ползать научаются ходить».

Согласно Лавкрафту, реализм ужасов построен на поромеханике. Поромеханическая вселенная Лавкрафта, или пол()ый комплекс, — это машина для обеспечения пробуждения и возвращения Древних путем хитроумного соединения твердости и пустоты. Но как дыры возникают из взаимодействия твердого и пустоты? Лучше всего ответить на этот вопрос, перефразировав замечание Ника Ланда (из книги «Жажда аннигиляции: Жорж Батай и яд нигилизма») по поводу эскапистской аберрации и структурной неразрешимости Лабиринта против консолидирующей и заключающей сдержанности Архитектуры: *«пустота исключает твердость, но твердость должна включать в себя пустоту, чтобы архитектурноически выжить»*. Твердости нужна пустота для сооружения ее собственной структуры: даже самые деспотичные и живучие твердости — композитные твердости, зараженные пустотой. Согласно Лавкрафту, через эти столкновения пустоты и твердости Древние могут заново воплотить свой «Холокост Свободы» («Зов Ктулху»), потребляя твердое и одновременно развивая композитность до высших уровней сложности (до полной неопределенности между твердостью и пустотой, то есть нечеткого пространства полости и динамики ее поверхности). В условиях Земли Холокост Свободы может быть достигнут разработкой трупа твердости путем установки подземных машин на молекулярном уровне, которые эксгумируют (*ex + humus*: раз-основание) землю изнутри и снаружи, превращая ее в исчервленное и дырчатое соединение, чьи страты (Экономия Твердого) не демонтированы, а спутаны на всех уровнях его собственного устройства и структуры. Земля выведена из строя, более не способна выполнять свои стратифицирующие и обосновывающие функции; вместо этого на нее возлагается сооружение трупа твердости или, в лавкрафтианском смысле, источенного червями тела, эксгумированного процессами червления и червеобразными машинами. Выживание — это слепота; но слепота обречена на плен стратегий и манипуляций, находящихся за пределами тактической сферы управления и контроля. Именно через выживание (неспособность твердого отвергнуть пустоту) твердое оказывается соучастником собственного разоснования. Корректируя свои процессы утверждения, твердое продает свою целостность (душу) чудовищным извилинам, вдохновленным пустотой, через которые патологическое выживание твердого становится основным

фактором его необратимого лизиса^{IV} и вырождения. Твердое сдается чуме в тот момент, когда оно начинает исцеляться. Для твердости «Воля к Исцелению» есть «Воля к Беспорядку». В этом отношении твердость — это сокровищница потенциальностей и империя становления. Каждое действие твердости в направлении отверждения равно укреплению ее отношений с пустотой. И эти взаимодействия могут проявляться только как проколы, следы негативного пространства, которые отдаются эхом по твердости, — корчащиеся нематоды, опустошающие изнутри и извращающие все, к чему они прикасаются, в своем волнообразном движении.

Хотя пустота пожирает твердое, твердое питается пустотой, то есть своим внешним. В композитах твердое обретает истерическую прожорливость к пустоте. Вот что заинтриговало Культ Древних с его миссией пробуждающего ритуала. Если Древние должны лететь через дырчатое пространство, пузырясь из гнилых черных ям и превращая свои щупальца в связанные друг с другом норы и скользкие западни, то единственная стратегическая техника, которая может ускорить и обеспечить их возвращение, — связываться с пол()ым комплексом, то есть зоной их возникновения. В толпах Z. эта техника также считалась стратегией архисаботажа монотеизма и подключения его к низовым течениям Теллурического Восстания (петрополитическим течениям в Исламском Апокалиптизме, например). Это также была стратегия активного участия в Проекте Теллурической Омеги, где Земля достигает полной имманентности своему пылающему ядру, или металлическому ядру теллурического реального, и Солнцу.

Стратегии Пробуждения. Дырчатое пространство — не что иное, как соединение (твердого и пустоты), червивый композит, источенный червями (*нематами*) или червивыми линиями, извращающими все, к чему они прикасаются, распространяя пол()ый комплекс как обширный алтарь, требующий твердого как жертвенной трапезы, пробуждая тысячи линий-червоточин пронизать твердое и выгрызть из него отполированную, ухмыляющуюся омегу. В любом композите твердое рассказывает историю аномалий, порождаемых пустотой, или путь инфекции пустоты через твердость (когда пустота подступает к твердости, она работает как извращающая чума, извивающаяся, выходящая эпидемия, а не обнуляющий процесс или аннигилирующий твердость агент); в композите нет чистого твердого, только оскверненное, больное, дефлорированное твердое. Как только мы понимаем, что в любом композите (как и в пол()ом комплексе) твердое есть одержимый нарратор пустоты, остается лишь небольшой аналитический шаг до того, чтобы увидеть, что твердое работает как две разные сущности, накладывающиеся друг на друга и конкурирующие.

1. Как композитная сущность, поведение которой (топологические изменения, трансформации, движения, складки и т.д.) может вызывать изменения композиционной стороны пустоты через Поверхностную Динамику (или поверх-

IV Лизис (λύσις — разделение, греч.) — растворение клеток и их систем, в том числе микроорганизмов, под влиянием различных агентов, например ферментов, бактериолизinov, бактериофагов, антибиотиков. — Примеч. пер.

ности, как их называют Казати и Варци в своем дырчатом трактате «Дыры и другие поверхностности»).

На композиционном уровне дыры создают поверхности из гегемонии твердого. Твердое — это не содержание, добавляемое (прилагательное) к *grund*, и не отличительная черта, этос или модификатор. Это тектоническая экспансия или политика распространения самого основания. Каждая манифестация пол()ого комплекса должна пройти через определенный тип поверхностной динамики (в смысле периферии, перемещения в пространстве и аффекта), порождая новый род поверхностей со своими особыми линиями перемещения, зависящими от локуса дыры и того, как пустота играет там с твердостью. Дыры предлагают новые поли-тические виды деятельности на поверхностях: четкая граница поверхностей растворяется в смутной криптогенной границе дыры. В присутствии дыры возникает асимметричный параллелизм между поверхностями и корой, где они сохраняют аналогичность и отдаленную связь с их общим родом, но где каждая порождает свои собственные, независимые операциональные сущности и геометрии. Здесь поверхности не обязательно проводят и синхронизируют локальные гегемонии основания, устанавливая порядки с помощью консолидированной когерентности коры; они подрывают процессы стратификации, вместо того чтобы поддерживать их. Каждая поверхность имеет командную строку с двумя головами, треллисом и таксисом. Первый принимает накопление и распределяет его, то есть *textum* или обоснование для фиксации, позиционирования и поддержки, последний направляет и развивает то, что было накоплено и экономически распределяет его. Таксис придает динамическую тенденцию содержимому Опоры в соответствии с взаимным аффордансом¹⁴ между поверхностями или сущностью и ее средой, то есть, согласно эко-логической сети¹⁵, Целым. Внутренние дыры, в то же время представляющие собой взаимосвязанные углубления, имеют две типа поверхностей или два активных контракта с твердым: 1) поддерживающую поверхность, или охватывающую видимую поверхность, соединяющую углубление с корой, то есть экологическим внешним; таким образом, пол()ый комплекс не может быть просто редуцирован до подземной или подпочвенной сложности; 2) передающую поверхность, которая соединяется с линиями перемещения, проходящими через дыру или соединенные с ней полости, и связывает полость изнутри; где дыра возникает из неопределенности твердого и пустоты, или где, в топологически упрощенном смысле, полость собственно и находится (см. рис. 12).

Рис. 12. Активные поверхности (передающая/подземная и поддерживающая/охватывающая), охватывающие полость.

«Поверхность — это то, где происходит большая часть активности. Свет отражается и поглощается именно на поверхности, а не внутри субстанции. Именно поверхность, а не внутреннее, касается животного. Химическая реакция происходит в основном на поверхности. На поверхности происходит испарение, или диффузия субстанции в среду. И на поверхности вибрации субстанций передаются в среду» (Дж. Дж. Гибсон, цит. по: Э. Стролл, «Поверхности»).

Например, на мереотопологическом уровне (то есть относящемся к топологическим интерфейсам целого или отношений «часть — целое»)¹⁶ изменения или искажения на поверхностях или твердой части непосредственно передаются в композитную пустоту и вызывают новые усложнения и изменения посредством изменения способов или механизмов, с помощью которых пустота представлена в твердом: если изогнуть, скрутить или нагреть трубку или дырчатый шар (в котором проделаны туннели), можно увидеть, что изменения в твердой части передаются в дырчатую часть трубки или шара, туннели или дырчатая часть становятся более сложными и запутанными. Эти изменения композитной пустоты могут быть восприняты и доступны для взаимодействия только через твердую часть — такова композитная неизбежность и скрытая природа пол()ого комплекса. Чтобы подружиться с пустотой, нужно поддаться бескомпромиссному господству твердого.

2. Твердое как сущность, имманентно одержимая пустотой. Единственный способ, которым твердое может запустить свою архитектурную и композитную деятельность (процессы, необходимые для выживания, развития и т.д.), — впустить в себя пустоту. Динамические свойства твердого могут быть активированы только тогда, когда твердое поглощено, искажено и испорчено пустотой. У твердого нет других вариантов. В пол()ом комплексе на поверхностном уровне (привязанном к динамике поверхности) любая активность твердого предстает как тактика сокрытия пустоты и ее апроприации, как программа сдерживания пустоты, присвоения пустоты через засасывание ее в экономию поверхностей (как в случае *ниши*¹⁷, места пребывания / системы присвоения, разбивателя пространства на части) или заполнения. Но на глубинном композитном уровне (машинерия реального) любая активность твердого направлена на инженерию новых пустототворных функций, искажений, червеобразных пространств (отсюда Нематопространство), которые рано или поздно разосновывают твердость, не стирая ее. На этом глубоком композитном уровне твердое проводит искажающие функции загрязняющей его пустоты в форме червеобразных линий — «червей» (Немат), как их называет Лавкрафт, или черве-функций (нематофункций), линий перемещения в форме узловатых дыр или другим путем. Когда червь или проводник пустоты вползает в пол()ый комплекс, он претерпевает метаморфозу, превращаясь в другую геометрическую структуру. В отсутствие обосновывающей тирании Целого черве-функция внутренне реконфигурируется и превращается в более гибкую линию, взаимодействуя с комплексом, впадины которого связаны между собой. И все это в кильватере твердости, которая переизобретается пол()ым комплексом как мощный стратегический ин-

струмент. В дырчатом пространстве твердое активно направляет и мобилизует не фагические и очистительные механизмы пустоты (желание пожирать), а ее черве-функции (усложнения). Твердое само становится проводником пустоты, богохульным *pestis solidus*⁴.

В пол()ом комплексе пустота также загрязнена твердым. По этой причине вместо очищающих механизмов пустоты возникают нематофункции. Отказываясь подчиниться смерти, нематофункция изгибает терминальности пол()ого комплекса в процессы запутывания, подрыва и разоснования.

Пол()ый комплекс свидетельствует о спутанности твердого и пустоты. Каждое действие со стороны твердой части увеличивает запутанность и переплетенность дырчатой стороны композита, производя сложную сеть нематопространства, которое рано или поздно создает труп-твердого-тела или разоснование, отключая или саботируя любые обосновывающие (означение, у-тверждение, стратификация и т.д.) функции твердого. Хотя червивая сложность нематопространства активизирует эту извилистую сторону пол()ого комплекса, она также наделяет каждый композитный уровень комплекса порозластичными свойствами. Фактически порозластичность постоянно применяет диффузию как средство радикальной деформации и внесения изменений в динамику композита, пересказывая диаграммы жидкого потока в аниморфную композицию нематопространства как гетерогенный пористый комплекс, который представляет собой нечто большее, чем просто структуру со связанными между собой дырами. Немат, или червивое пространство, — это комплекс со странной эластичной геометрией: его пористая сторона состоит из блуждающих линий, предлагающих возможность синхронного расслабления, метаморфоз, складчатости, ползучей извилистости, гетерогенного динамизма и композитных аномалий в комплексе. Нематопространство по сути — машина для радикальной и губительно изобретательной коммуникации и взаимодействия между жидким и твердым, так что они могут быть тактически и стратегически, а значит военно и политически, произведенными друг из друга. Парсани обозначает этот уровень взаимопроникновения твердого и жидкого в пол()ом комплексе как «Тиама-териалистическую дифференциацию». В нематопространстве поток жидкости и деформация твердой матрицы сцеплены; они тесно взаимосвязаны как основания радикального взаимодействия, которое порождает расходящиеся серии становлений для «каждого уровня композита», чья целостность окончательно разложилась. Поднятые потоком жидкостей (которые сами были аномализированы в нематической машине или червивом пространстве) эластичные волны рассеиваются в твердых матрицах и радикально подменяют собой частицы твердого скелета во всем пол()ом комплексе. Это лавкрафтианское пространство, источенное червями, которое делает твердое альтруистическим хозяином явления. Спазматические деформации твердого скелета, следовательно, изменяют поле напряжений, через которые ремодификации и манипуляции твердого передаются в нематопространство в синергистической коммуникации и все больше складывают, скручивают и открывают пол()ый комплекс, от-

V Твердым вредителем (лат.). — Примеч. пер.

тачивая его зловещие грани. Чтобы понять взаимодействие между пористой структурой и жидким потоком, необходимо исследовать региональные аспекты морфологии пористого пространства и соотнести их с соответствующими механизмами перемещения жидкости, такими как вязкость, давление между жидкостью и поверхностью, силы инерции и т.д.

Рост давления в порах вызывает расширения в пол()ом комплексе и рост порозластичности (и то и другое положительно влияет на поток жидкости). Хотя непосредственный переход от ламинарного к турбулентному происходит в трубах и каналах, в пористых средах путь от линейного к нелинейному всегда постепенный и градиентозависимый, что открывает возможность создания новых пространств, линий, связей, пор, модусов динамизма и содействия — бесконечные возможности в условиях потопа. Компрессия твердой матрицы или любая попытка твердого сохранить себя цельным и спасти свое консолидированное и молярное состояние (не давая жидкости вытечь или перетечь из одной пористой сети в другую или изолировать поры) приводит к значительному росту давления в порах. Резкий подъем давления вызывает все больше радикальных деформаций в твердой матрице, расширение и сокращение пор (сравнимое с механизмом плато-инженерных либидинальных спазмов, о котором писал Фрейд), прогрессирующее разосновывание твердого, региональное схлопывание пор¹⁸ и, наконец, образование новых червивых пространств или зон возникновения. Нематопространство — абсолютная ползучая машина; оно сущностно криптогенно и взаимосвязано с Доселе-Анонимным. Доселе-Анонимное — это модель Времени в пол()ом пространстве, щупальца и линии перемещения непредсказуемо двигаются согласно с подпочвенными и поверхностными машинериями разоснования, которые ослабляют твердое путем извращенных эксплуатаций и манипуляций (эксгумации твердого). *Incognitum Hactenus* — еще не известное или безымянное, и без истока до сего момента — это модус времени, в котором глубочайшие уродства земли или неохватные масштабы времени могут возникнуть согласно хронологическому времени, принадлежащему поверхностной биосфере Земли и ее населению. *Incognitum Hactenus* — это двуличный модус времени, соединяющий бездонные масштабы времени с нашим хронологическим временем, открывая нам ужас времени по ту сторону.

В *Incognitum Hactenus* никогда не известен паттерн появления. Что угодно может случиться по какой-то странной причине, и также безо всякой причины ничего не может случиться. Вещи перетекают друг в друга согласно логике, которая не принадлежит нам и не может коррелировать с нашим хронологическим временем. Внутренняя проницаемость — это функция нематопространства. Контакт между твердым и жидким — сам по себе также композитный фактор порозластичного комплекса. Локальные градиенты скорости в жидкости вызывают новые запутывания, сдвиги давления, разрывы и деформации твердой матрицы, производя настройку поверхностной динамики на всей машинерии комплекса и в потоке жидкости, то есть обогащая поток и выстраивая потоп. В нематопространстве жидкость, диффузирующая через поры, вместе со своими частицами протаскивает контрабандой сквозь твердую матрицу свое пространство аффек-

тов. Не следует забывать, что пол()ый комплекс генерирует предпочтительные каналы для потока жидкости или предоставляет жидкостям широкие возможности рыть свои собственные ходы, раскапывать свои поля тактик. В дешевых ужастиках и кино, а также в книгах Лавкрафта это место обитания Древних, черве-сущностей и сгустка (нефти), который превосходит даже щупальцеголовых чудовищ в разумности и чуждости. Р'Льех — это каждый сон, движение и расчет Ктулху на твердой части тела Земли. В поромеханике негативное пространство — это само твердое тело ползучих червоточин и переплетенных течений. Более того, роль жидкости в термальной, структурной, геохимической и экономической эволюции коры радикально одержима машинерией пол()ого комплекса. Поверхностная биосфера никогда не была отделена от ктулхообразной архитектуры низа.

Когда нематопространство начинает свое вторжение, периферия или зона возбуждения не обязательно начинается с видимых поверхностей коры: Активные поверхности появляются отовсюду, от периферийного модуса поверхности-как-коры и вплоть до самых внутренних углублений. Пол()ый комплекс, копающий дыры, вырезает ультра-активные поверхности из твердого, высвобождает бредовые линии перемещения и конструирует свои нематические машины, устанавливая периферийные возбуждения на поверхностях, которые он вырезает из внутренних твердых матриц. Везде, куда перемещается дыра, изобретается поверхность. Когда периферийный переворот пол()ого комплекса распространяется от коры внутрь, деспотический некрократический режим периферии-ядра, в котором все должно быть завершено и обосновано гравитацией ядра, распадается. Демонтаж когерентности между периферией и ядром равен восхождению предельного разоснования, где радикальное Внешнее постулируется от поверхности до ядра. Тогда неудивительно, что дырчатое пространство постоянно ассоциировалось с Внешним или его аватарами (будь то в форме черносветящегося теллурианского инсайдера или подземного падшего солнечного бога). Получеловек-полускорпион (обнаруженный в Тель Халаф в Сирии) из эпоса о Гильгамеше — один из таких аватаров, охраняющих врата Внешнего. Скорпионы — ройщики, а не архитекторы: они не строят композиты пустоты и твердого, они пожирают объемы и захватывают пространства; для них дырчатое пространство — не просто место пребывания или местонахождение (ниша для занятия). Более того, это Обиталище Войны (*dār al-harb*), дырчатое пространство неизбирательной охоты.

«Главной целью археологии должно быть превращение Земли в артефакт, а не только удовлетворение ее фетишистской жажды реликвий, артефактов и раскопов. Когда я работал в Тегеранском университете, я учил студентов, как превратить Землю в свернувшееся тело Тиамат, Шумеро-Вавилонской Матери-Дракона» (из интервью д-ра Хамида Парсани).

В другом месте Хамид Парсани описывает базовую археологию как «взаимодействие с гнездами-вагинами выходящего тела Тиамат, возбуждение их завитков, раскрытие их изгибов и переживание опыта сокращения каждой вогнутой и выпуклой стенки, многоповерхностных тканей и древнего яда, текущего в них».

Основание не направляет, регулирует или организует интенсивности (как подразумевается в психоанализе). Оно не объединяет их в синдикаты и не направляет их в консолидированные архитектурные убеждения. Скорее оно дает им что-то и отпускает их на свободу как своих свободнотекущих представителей, линии притяжения и ацентральных расширяющихся операторов, миссионеров, но не конкистадоров. Наследственность антропоморфического гостеприимства также свидетельствует об этой хитрой политике основания: копуляция — осеменение — выпадение; мы всегда на пути к выпадению.

Основанный поток обычно описывается как поток $f = p/a$ (сила p , примененная к региональной поверхности a). Но именно сочлененный механизм поверхности в неместном пространстве, механизм Треллис-Таксис, не может навязывать эконорме основания и обеспечивать ее циркуляцию. В такой пещеристой пещере (дырчатая избыточность) основание теряет свою способность поддерживать и управлять; потому что когерентность поверхности была разрушена ($a = 0$). Соответственно, распределение p по консолидирующей самореферентной целостности приостановлено. Все формы власти требуют основания, на которых они будут устанавливаться и проводиться. Без основания, то есть в отсутствие властной формации, определение власти принципиально подрывается. Тогда что такое политика, когда есть власть, но нет властной формации? Что такое политика, понимаемая в терминах пол()ого комплекса, в котором полное тело $p/0$ (p , деленное на ноль) предшествует всем властным формациям?

Распределение твердости подчиняется логике твердого, но это логика твердого, следующая поли-тике пол()ого комплекса и динамизму ее неместного пространства. Каждая сущность-событие в пол()ом комплексе содержит разрывы по меркам твердого и масштабов его консистентности, но непрерывна с точки зрения взаимосвязанного неместного пространства и его дырчатости. Сущность, которая должна вырисовываться на определенном участке или в регионе, возникает из совершенно иррелевантной для него (согласно логике твердого) локации. Каждое действие со стороны твердой части пол()ого комплекса пробуждает нечто радикально нерелевантное, не коррелирующее с его входными данными, причиной или происхождением. Нарушать и раздражать, расширять и сокращать подавленные полости Земли: туннели и трубы, норы и берлоги, едкие бугры и исколотые пространства, ее клыкастые вагины, разрезы и шизоидную кожу. Прочищать и выжимать землю; эксгумировать ее поверхности; создавать землю, чьи загадки не могут быть решены обращением к их происхождению или причинам.

Ужасает живых не пустая гробница, а разоренная и эксгумированная гробница. Архитектурная политика твердого не отторгает разрушение или деконструкцию, но избегает эксгумации... дефлорируя лицо («белая стена / черная дыра» Делеза и Гваттари), искажая и коверкая его... нарушая поверхности, царапая... сдирая кожу... съедая... превращая в пыль... взрезая ядро, голыми руками, кинжалами и крысами, ногтями и энзимами... слюной и дыханием... лопатой и плугом. Эксгумация полностью преступна и аморальна, но более того, она по сути загрязняет и заражает, когда она проходит стадию поверхностного столкновения, некротизируя архитектуру, распространяя горячие и холодные поверхности друг в друга, позволяя испаряться холодному пространству гробницы и подни-

маться трупной вони — воскрешение оскверненного тела. Холодное невозможно отогреть — только загрязнить.

Мердад Ираваниан, иранский архитектор, когда-то предлагал: «Чтобы изучить архитектуру, нужно сначала исследовать некрократию». Но мы должны пойти дальше: следует также практиковать искусство эксгумации.

Если археологи, культисты, черви и ползучие сущности почти всегда проводят акт эксгумации (поверхности, гробницы, уголков космоса, снов и т.д.), это потому, что эксгумация равна разоснованию, приостановлению способности поверхностей функционировать согласно топологиям целого, или на мереотопологическом уровне. При эксгумации распределение поверхностей сущностным образом подрывается, а ассоциированные с ним движения сбиваются; край больше не принадлежит периферии, передние поверхности идут после всех остальных, слои страт смещаются и прокалываются, периферия и последние защитные поверхности сами становятся проводниками вторжения. Эксгумация определяется как коллапс и травма, привносимая в твердую часть червивой деятельностью; тело твердости заменяется полным телом травмы. Как при вскрытии могилы, шрамирующем ее горячие и холодные поверхности, эксгумация умножает поверхности друг в друге. Эксгумация трансформирует архитектуры в избыточные процессы шрамирования, фиброзы тканей, мембран и поверхностей твердого тела. Эксгумация производит инженерии тел-твердого, в результате которого измерения этого тела размываются, но протяженность размывается не до предельной точки и стирания; они скручиваются в измерения, не могущие сопротивляться тому, что вползает и выползает из них, — пол()ости, пол()ости, пол()ости с разжиженной и теперь испаряющейся Н. В поромеханической космологии Лавкрафта эксгумация предпринимается и исполняется единицами, называемыми Крысы. Фактически «драматический эпос крыс» (Лавкрафт) состоит в осуществляемом ими акте эксгумации поверхностей, твердых тел и структур, которые сопротивляются прокалыванию.

Крысы⁹ — эксгумирующие машины: не только полноценные векторы эпидемий, но и яростно подвижные линии разоснования. Крысы порождают два типа поверхностных катаклизмов, когда путешествуют между различными зонами. Во-первых, это статичные повреждения в форме разрывов, соответствующих внутренним расколам, подъемам, сдвигам, прыжкам и толчкам, которые открывают поверхность пароксизмальным конвульсиям и искажениям; и, во-вторых, динамические аномалии сейсмических волн, растворяющихся по мере движения потоков крыс в форме телекомпозигов (диких стай). В стае компрессии и декомпрессии крысы умножают свои скоростные уровни, а их транспозиции и перегруппировки в стае (комposite) создают деконтурирующую машину, спутывающую иерархии сущностей в стае, освобождая крыс, давая им возможность мини-побега. Соответственно, бегущие крысы, как кажется, испаряют поверхности и испаряются сами. Аристофан и Вакхилид говорили о птицах, летящих сквозь *Khaos*, это неограниченное пространство энтузиазма для течения (*kheisthai*); но никто не спросил, что это были за птицы. Бескрылые? Забальзамированные? Металлические? Обезглавленные? Глаза, выковыранные перочинным ножом? Нет, это крысы: тысячи, миллионы крыс.

Чума, пожирающая поверхности, — это стая крыс, и хвосты их — самое опасное сейсмическое оборудование; хвосты — это пространственные синтезато-

ры (фибромашины), открывающие ландшафт, по которому они путешествуют, внезапным и насильственным складкам и раскладкам, захватывая клочки земли и составляя из них нечеловеческую музыку. Хвосты — музыкальные инструменты, исполняющие металл, — хвосты, легкие танки в движении. Хотя хвосты играют существенную роль в передвижении, они также повышают ловкость или становятся якорями заражения — стремительные смены позиций, быстрые рывки и резкие движения в новом направлении — и синефилическими машинами. Вибрируя, хвосты отпечатывают тысячи следов и изображений — не на пленке (*pellicule*), а на и в пространстве, перемешанном хаотичными движениями временных следов, траекторий болезни и мимолетных знаков; примерно как в цифровой каркасной архитектуре, которая не разделяет пространство на фрагменты внутренних и внешних локальностей, а становится проколотой архитектурой свободной игры, созданной отклоняющимися движениями сверкающей проволоки-хвоста, хлещущего пространство.

Эта эксгумированная архитектура, созданная подергивающимися движениями хвоста, может предстать в разных модусах, становясь газообразной и смертельно эпидемической, трансформируясь скорее в диаграмму мора, чем в образчик архитектуры. В стае крыс множество хвостов превращается в зонд всей стаи в движении: всенаправленная безголовая революция, Новый Моровой Беспорядок.

Стая хвостов: тысячи насекомых, роющихся в гробнице где-то в зороастрийской деревушке неподалеку от города Йезда; война вибраций. Эти эксгумирующие машины высвобождают нечеловеческую тишину, которую лучше всего описать как акустический смог, молекулярный шум, производящий звуковые разрушения. Звуки — это бешенство, распространяемое крысиными хвостами.

Поли-тика пол()ого комплекса игнорирует существующие модели власти, коррелирующие с логикой основания и политикой целого. Для мирового порядка неконсистентные события в мире представляют собой провалы или недоработки доминирующих политических моделей. Однако, согласно политике поромеханической земли, противоречия и региональные несоответствия по всему миру составляют тело поли-тики. Возникновение двух сущностей (политических формаций, военных, экономических и т.п.) в двух различных локациях лишено связи и консистентности, но, согласно логике пол()ого комплекса, они в конечном итоге связаны и согласованы. В терминах становления согласованность или связанность должна измеряться не по земле или твердому телу, а согласно выработанной модели целостности и поромеханике события.

Военные и политические деятели давно сформулировали археологический закон асимметрии между согласованностью земли и консистентностью поромеханических сущностей или пористой земли: *«Каждой не-консистентности на поверхности соответствует подземная согласованность»*. Закон подземной причины в археологии имеет разительное сходство с фрейдовско-юнгианским предположением, что каждому психосоматическому срыву соответствует Комплекс (аномальное осложнение, узел), залегающий под сознанием. Причина этого сходства состоит в том факте, что, согласно и археологии, и фрейдистскому психоанализу, линия становления (нематофункция) направляет себя в соответствии с сопротивлением становлению, динамикой становления и уровнем пори-

стости. Направление становления в любой среде соответствует формации этой среды; чем активнее линия становления, тем более запутанной и сложной должна быть принимающая среда. В условиях поромеханики и пол()ого комплекса поверхностная ориентация археологии и фрейдистского психоанализа слишком комплексна — погружена в мультиплексные динамики поверхностей и их взаимодействий со становлением, — чтобы в нее вникнуть. Мифы о тупой плоскости (то есть поверхностности) или тоталитаризм, приписываемые фрейдистскому психоанализу его постмодернистскими конкурентами, — в большинстве случаев симптом непонимания проблемы поверхностей и становления. *Поверхностные* (то есть относящиеся к видимым, охватывающим и обоснованным поверхностям) сущности фрейдовских теорий появляются лишь как конечный продукт безграничной активности, вовлеченной в становление, быющей ключом из подземных комплексов гнездовых дыр и поверхностей. Другими словами, предположительно поверхностные сущности фрейдистского психоанализа (Эдип, Человек-Крыса и т. д.) на самом деле очерчивают вектор становления в терминах других поверхностей. Среди этих поверхностей только самая поверхностная может свободно засвидетельствовать свое существование, поскольку в терминах становления самое поверхностное не может быть замечено, если склеп или комплекс нор уже был прорыт линией становления изнутри. В царстве становления каждая поверхность, будь то ограничивающее основание или пористости, — принадлежит поромеханике пол()ого комплекса и мобилизуется ею. А в пол()ом комплексе глубина существует только как двусмысленный градиент между внутренним и внешним, твердым и пустотой, единицей и нулем; другими словами, как третье измерение или промежуточный агент, противодействующий унитарным или бинарным логикам внутреннего и внешнего, силы и тишины, включения и исключения. Дыры определенно разрабатывают трехзначную логику.

Однако как для археологии, так и для фрейдистского психоанализа процесс становления и его непосредственная связь с формацией и динамизмом поверхностей, а именно пол()ым комплексом, неизбежно совпадает с паранойей. Для любой неконсистентности на поверхности есть подземная консистентность; есть наложение двух консистентностей. Одна — консистентность, которая принадлежит к динамическим поверхностям дырчатого пространства или просто углублений, а другая — консистентность между поверхностями углублений (дырами) и охватывающей поверхностью твердого (основание или видимая поверхность). На каждую причину с вертикальным распределением есть причина с горизонтальным или наклонным распределением, и наоборот. Следствие производится двумя причинами с двумя различными логиками. Чтобы быть замеченной на охватывающей поверхности или основании, шизоидная структура или консистентность пол()ого комплекса должна передаваться твердому телу, где она должна быть консолидирована. Аномалии на основании-поверхности имманентны двум планам: шизофрении и паранойи. Согласно археологическому закону современных военных доктрин и фрейдистскому психоанализу, каждой неконсистентности или аномалии, видимой на земле, соответствует похороненная шизоидная консистентность; чтобы добраться до шизоидной консистентности, необходимо сначала пересечь параноидальную консистентность, или план паранойи (см. рис. 13).

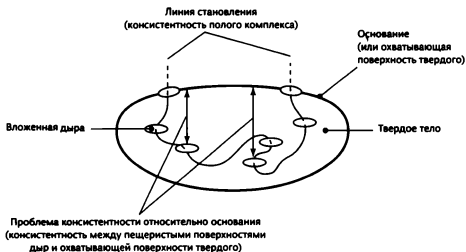

Рис. 13. Два плана, шизофрении и паранойи: подземная consistency и поверхностная inconsistency.

Милитаризация современного мира как в политике, так и в конкретных подходах архитектурно, визуально и психологически парадоксальна (слишком параноидальна, чтобы быть шизоидной, и слишком шизоидна, чтобы быть параноидальной) именно потому, что ее агенты — например, Война с Терроризмом — сдвигаются от логики обоснованной земли к поромеханической земле и логике дыро-агентов. Хотя привести пример значило бы рискнуть недооценить обширность милитаризации в отношении поромеханики войны, а также археологии как науки военных инноваций в XXI веке, все же перечисление одного-двух случаев может сделать этот процесс яснее.

1. В странах с подробно разработанными протоколами национальной безопасности или относительно высоким уровнем бдительности, где наземные или воздушные операции (враждебная, подрывная или скрытная деятельность) не могут проводиться, становление сложноорганизованных поромеханических сущностей ускоряется и становится неизбежным. В таких странах распределение нелегальных иммигрантов или контрабандной продукции, такой как наркотики и оружие, по приграничным регионам происходит не через паттерны поверхностной активности, а через формирование и архитектуру гнезд дырчатости под землей. Активность или линии движения (тактики) не могут быть отделены от архитектуры таких пол()ых комплексов. Согласно военным экспертам и специалистам по городскому планированию с военным образованием, преступная и враждебная активность больше не может быть объяснена, проанализирована или прослежена в терминах ландшафта, воздушных и водных уровней. Эта деятельность подчиняется только (говоря параноидально) структурам огромных подземных нематопространств и их постоянно смещающихся и кишасих линий становления (шизоидных формаций поверхностей). Распределение, эскалация и диффузия [форм] соучастия идентичны различным аспектам дыро-трафика. Для военных экспертов рынок террора — это одновременно рынок пористостей земли. Трансграничные червоточины под

границей США и Мексики, туннели Газа — Египет и все прочие примеры дыро-траффика спутывают полярности поверхностной глобализации и ее политико-милитаристских граней. Экономические и властные формации скрытых партизанских государств, антигосударственных движений и смутно-империалистических государств конфигурируются согласно поромеханике войны.

2. Битва при Тора-Бора в Афганистане была разожжена в основном коалиционными силами (особенно армией США, вплоть до использования бомб BLU-82 и потенциального прицельного ядерного удара по бункеру) на основании собранной информации об обширных подземных комплексах и террористических сетях в горах Тора-Бора. Американские и британские военные инициировали хирургически точный удар, совмещавший в себе утонченные тактические решения, инновационные системы командования и контроля и изобретательное использование военной техники и вооружений. Тактика и вся логика военного продвижения в Тора-Бора были сформированы специально с целью «соответствовать» пещеристым горам этого региона, чтобы дать соответствующий военный ответ дырчатой архитектуре террористических композитов. Вкратце военная формация всей битвы определялась предположительной изломанностью дырчатого комплекса внутри гор, и были придуманы специальные техники и решения для их нейтрализации и очистки. Сложность движения или формативных динамик американских и британских военных сил была сравнима с — и выражала контрагеографическое соответствие с — предположительной гнездовой сложностью дыр, тоннелей и подземных помещений. Битва при Тора-Бора была актуализирована на основе сложности подповерхностного комплекса Тора-Бора, но в отсутствие каких бы то ни было актуальных дыр и кишащих сложностей. Привязанные к параноидальной логической линии в дырчатых комплексах (от основания к углублению) и не связанные несуществующей шизоидной архитектурой гнездовых дыр, коалиционные войска, возглавляемые США, разработали первый полноценный пример Каппадокийского Комплекса: если враждебные действия и угрозы несогласованны и асимметричны, должна быть подземная причина гнездовой дырчатости; следовательно, необходимо моделировать специальные военные формации для противодействия этим запутанным подземным архитектурам. Такая логика составляет сердце Каппадокийского Комплекса — хотя в Тора-Бора не было подповерхностного узла или комплекса, но в Каппадокии под каждой поверхностью и внутри каждой горы или холма есть множество дыр, берлог и проходов.

«Каждая шахта есть линия побега», то есть коммуникация с гладкими поверхностями — здесь есть параллели с сегодняшними проблемами с нефтью» (Делез, Гваттари, «Тысяча плато»).

Портретные и органические наброски Арто всегда поражены точками, очагами точечно-матричной гангрены, миниатюрными отверстиями, молекулярными коллодами и зараженными blastoporaми, ждущими возможности распространиться и прорваться вперед. Болезненные язвы кожи Арто отсылают к поро-облакам земной коры и почвы (которая лучше всего описывается как неконсолидирован-

ная гранулярная среда, формирующая пористую структуру). Это лабиринты — поля проводимости гидроутечек. Шизофреническая кожа Земли больше связана с потоками Нефти и Газа, чем с дырчатым пространством шахт и металлургических зондов. Быть инженером гидроутечек; заставлять вещи вытекать.

Распределение пористости по Земле не следует ризоматической структуре, а образует случайные кластеры различной твердости, подобно распределению взвешенной пыли и влаги в тумане. Взаимное загрязнение твердого и пустоты в дырчатом пространстве все больше интенсифицируется, и конца этому не видно, поскольку внутренний импульс твердого — быть активным, ре-модифицируемым, связывать себя с экономическими сетями, которые гарантируют его выживание и рост и оказывают помощь в обосновании его задачи. Вся активность в твердой части переизобретается в виде спутанных линий (Нематофункций) на более глубоких уровнях композита. Всякий раз когда твердое смешивается с пустотой в целях сохранения своей динамичности и твердой «конструктивности» или «консолидированности», пустота становится только более заразной, ее черве-функции становятся яростнее, возбужденными до точки кипения; они начинают всплывать из композитных глубин, чтобы создать червивое пространство Древних, сложностоставную зону трафика, пол()ый комплекс. Таким образом, с каждым своевольно предпринимаемым действием твердое сравнивает с землей любое препятствие на своем пути в ад. Пол()ый комплекс неистощим в своих неверности и вероломстве; он — источник скрытных манипуляций твердости и двойного предательства против твердого и пустоты.

В прошлом дырчатое пространство шахт разжигало крестьянские революции и варварские вторжения, но теперь нефтяные поля заставляют технокапиталистические террор-дроны и пустынный милитаризм Исламского Апокалиптизма пересекаться, формировать программы милитаризации и сговоры с целью революционизации планетарной поверхности. Если нефть была превращена в оружие на исламском фронте Войны с Терроризмом и превратилась в топливо для технокапиталистических машин войны, это не вопрос политико-экономической эволюции: в Аравии, Судане, Ливии, Сирии и даже в арабских кластерах южнее Персидского залива Исламское государство должно пересекать пустыни, чтобы пастись на нефтяных полях, из-за исключительного положения нефтяных полей в этих странах. Но пустыня — это пространство кочевников-роищиков, пустынных кочевников и их военных машин с минимальной климатологической регуляцией.

Из всех кочевников, странствующих по Земле, наиболее радикальны в своем построении машин войны под минимальным влиянием климатологических факторов кочевники пустыни. Вот почему реномадизация государства ваххабитов в Саудовской Аравии через пустынный милитаризм (принадлежность к кочевникам пустыни), полуоседлость кочевников (навязываемую Государством) и их превращения в *нафтанитов* (тайных петрокочевников, блуждающих между нефтяными полями вместо оазисов) были неизбежны²⁰. Привязанные к чисто кочевому образу жизни и остающиеся относительно удаленными от экологических факторов климатологической зависимости, таких как вода, умеренный климат или разнообразие пастбищ (они в основном пасут только верблюдов), кочевники Аравии сохранили чисто кочевнические черты до середины XX века и лишь

недавно подверглись государственным программам оседлости. Это преждевременное, но позднее навязывание оседлости кочевникам пустыни государством, ищущим нефть, было на самом деле главным фактором в заражении пустынных кочевников Аравии петрополитикой и моровой витализацией религии ваххабитов номадическими тактиками, образом жизни и логикой пустыни. Так, современные религиозно-политические черты ваххабизма (ваххабистские агенты, предположительно выступающие объектом Войны с Терроризмом) несомненно представляют собой разнообразные мутации, вызванные привлечением через нефть оккультурных и чуждых элементов пустынного номадизма. Государство и кочевники пустыни познакомились и неизбежно скользнули навстречу друг другу через поромеханику нефти и дырчатое пространство, сформированное логикой нефтедобычи в пустыне. Мировая петрополитика — земля, рассказанная нефтью, в отношении Ближнего Востока и Войны с Терроризмом возникает из этих взаимных заражений между Государством и кочевниками пустыни, обеспеченных дырчатым пространством нефти.

Нефтяные поля расчерчивают петрологические нематопространства между Государством и кочевниками пустыни. С одной стороны, такие пространства манипулируют государством с помощью яростного пустынного номадизма, а с другой — реконфигурируют пустынный милитаризм кочевников в соответствии с петрополитикой Государства. Это соответствует смутным отношениям между твердым и пустотой в пол()ом комплексе, который протаскивает контрабандой собственные линии передвижения через полемику твердого и пустоты. Проблема нефтяных полей и пол()ого комплекса между Государством и кочевниками пустыни гораздо тоньше, чем проблемы шахт и их бродячих жителей (шахтеров). Во-первых, на нефтяных полях нет эквивалента шахтеров, поскольку связь *нафтанистов* (бывших кочевников пустыни) с нефтью — это не интимность, основанная на потреблении, производстве или даже транспортировке (все то, что связывало прежних шахтеров с их шахтами как их временными нишами). Во-вторых, нефть как всепроникающая ползучая сущность — Теллурианская Смазка — распространяет машины войны и политики *нафтанистов*, или кочевников пустыни, как тотальные первозидные сущности. Наконец, даже в отсутствие пустынного номадизма нефть обращает Время в направлении апокалиптических богохульств. Одно нефтяного пятна достаточно, чтобы вывести из Времени апокалипсис. Если нефть не несет выгоду среднему классу (экономический бум, поначалу оздоровивший экономику, но в конечном итоге породивший экономические трения) и не ведет к вспышке каннибальских экономик (как в случае Мексики, Венесуэлы, Судана и, возможно, Мавритании), она несомненно будет нагружать секретные военные трубопроводы апокалиптическими модусами отклонений, как в случае исламских стран. В любом случае нефть с ее поромеханическими зонами становления в экономике, геополитике и культуре насмехается над Божественным хронологическим Временем с совершеннейшими иронией и непристойностью.

Нематопространства шахт и нефтяных полей в равной степени привлекают к себе кочевников и различные смертные сущности, собирая их как своих наемников, предательские армии, связанные с приватизацией военной мощи, которая в большинстве случаев принадлежит уже не Государству, а иностранным или меж-

национальным мегакорпорациям, вовлеченным в добычу нефти. Хотя эти корпорации — сущности, встроенные в само ядро Государства и синхронизированные с его политикой (а также связанные с технoэкономическими или военными провалами и бедностью Государства), их функции — внешние по отношению к экономике Государства и его экологической стабильности. Эти парамилитаристские или криптомилитаристские организации представляют потенциальную опасность государственного переворота, классового восстания, этнонациональных кризисов и даже вторжения зарубежных государств изнутри. По сути дела, пол()ый комплекс предполагает, что дырные агенты — принципиально (но не активно) двуличные и предательские, контрагегемонические и гегемонические. Блуждающая дыра изначально в полной мере использовалась Государством. Подземные города хеттов в Царстве Хатти были прорыты в основном для того, чтобы воспользоваться изрядной военной мощью гарнизона, расположенного в Анатолии. Эти подземные города были поселениями-фортами-фабриками, оказывавшими огромное влияние на геополитическое формирование Месопотамии (Вавилонской, Ассирийской и Урартской цивилизаций), то есть самых гегемонических Государств того времени. Становление деспотических Государств в этом регионе подверглось динамическому влиянию ископаемой потенциальности (если не было сформировано ею) этих дырных агентов или подземных городов на службе Государства. Производство железа в этих подземных городах (Каймаклы и Аваносе в Каппадокии, например) не только поддерживало формативные и географические границы Государств (Железное оружие против медных инструментов), но и моляризовало население региона путем стратократий, связанных с этими дырными агентами и шахтами.

Ассирийцы зачистили последние подземные города от человеческих жителей, заслав в комплекс вредителей (больных крыс, загрязненную воду, гниющие тела и змей), — поскольку, будучи передовым военным государством своего времени, они знали, что проблему «людей дыр» решают не векторы разложения и болезни, а червеединамики комплекса, которые придают потоку воинственное гидравлическое острие и тактическую автономию. Это противоположность динамике жидкостей Виттфогеля, которая черпает силу из неудержимой гиперактивности и турбулентности потока. Однако двуличное поле деятельности пол()ого комплекса радикально автономно (хоть и в подземной манере, и с точки зрения стратегического отклонения). В долгосрочной перспективе он становится беспилотным или акефальным.

Нефтяные поля и шахты обычно связаны с корпорациями и их частными армиям, причем одни выступают собственниками, другие — экстракторами; а наемники — посторонними, охраняющими темпоральные связи между экстрактором и владельцем, с одной стороны, и нефтяными полями и их истинными выгодополучателями — с другой. Хотя эти корпорации и наемники вызывают репрессии и нищету, они играют важную роль в двойных восстаниях, насильственных внутренних трениях Государства, гражданских войнах и смутах. Где бы ни возникло нематопространство, там немедленно поднимаются пропульсивные волны восстаний и политико-экономическая бессонница. Где еще поромеханика ужаса столь отточена и очевидна, как в ближневосточной политике и в Плутонической этике жизни на нефти?

Одна из характеристик пол()ого комплекса — его способность вдохновлять в своих потребителях новые формы использования или вспышки инновационных применений: прежде неизвестные способы использования не по назначению. Эти новые линии эксплуатации также можно охарактеризовать как усугубляющуюся инструментализацию Целого в отсутствие директивы и регуляций. В этом отношении пол()ый комплекс устраивает путч с целью окончательного разложения Целого с его функциональными ограничениями.

Дыры протитутуют себя, они одновременно сутенеры и проститутки. Это полная противоположность экологической стабильности между Целым и его окружающей средой. Холистические политические, религиозные и военные прочтения — основанные на логике целого, его частей и среды — приносят в жертву автономии их объекта в пользу их среды или их глобальных целых. Холистические прочтения в целом соответствуют событиям, привязанным к основанию и динамикам окружающих периферий, таким как консолидированный экономический прогресс, конвенциональные военные поля и глобализация Земли в терминах ее внешней поверхности и т.д. Такие прочтения навязывают логики систем либо теоретически редукционистских, либо прагматически далеких от своих объектов. По этой причине линии становления, ассоциирующиеся с пористой землей, дырными агентами и терминальными политическими и инсургентными формациями — например, Ближнего Востока, — требуют новых моделей и платформ чтения. Если современная мировая политика *неконсистентно* сопротивляется холистическим методологиям, то Ближний Восток, откуда возникают движения глобальной политики, требует применения нового политического анализа и новой прагматики интервенций. Как сущность, политическая ремобилизация атрибутов которой предшествует ее географической онтологии, Ближний Восток должен подвергаться изучению или взаимодействию при помощи методов, которые не отдают первенства холистическим моделям, но и не призывают к их разрушению. Соответственно, эти модели или методологии должны соответствовать социополитическим формациям Ближнего Востока, в которых со структурными или функциональными рассогласованиями можно иметь дело только единообразным способом (то есть как с согласованной системой связей), если они должны рассматриваться в их отношении к разложившемуся целому, частичность и целостность которого в равной степени обезврежены и неспособны контролировать друг друга. В разложившемся целом, или пол()ом комплексе, согласованность событий и их единообразный динамизм существуют в поромеханическом пространстве, где дифференциация между поверхностями (например, дыры) парализовала событийности основания как необходимый базис для формативных сил и когерентных установлений. Фактически поромеханика, в которой призыв новых оснований регистрируется как прокалывание формации новыми поверхностями (или дырами), соответствует множественным управляющим силам в каждом ближневосточном государстве. Этим ближневосточным государствам или обществам, в которых границы между государством и его другими уже были необратимо проколоты, весьма подходит термин «партизанское государство».

Как модель прочтения структур или формаций с разложившимся целым Скрытое Письмо соответствует динамике становления и проколотой архитектуре ближ-

невосточных формаций. Фактически Скрытое Письмо представляет собой модель соучастия с пол()ым комплексом — оно предполагает, что мы читаем истории через их сюжетные дыры. Если тексты с нарративным сюжетом и цельной структурой читаются и пишутся согласно дисциплинам и процедурам, соответствующим их конфигурации, то проколотые структуры, разложившиеся формации и сюжетные дыры должны иметь собственные методологии чтения и письма.

Нечто большее, нежели просто междисциплинарное исследование, Скрытое Письмо предполагает политику вклада или участия в проколотых структурах и разложившихся формациях. Чтение историй через сюжетные дыры возможно только путем придумывания линии, способной вкручиваться и выкручиваться из них. Хтоническая баллистика такой линии не только охватывает твердость с проколотой трансцендентностью и пористым реализмом, но также сплетает и необратимо прогибает формативную матрицу самой структуры. Задействуя два величайших затруднения консолидированных сюжетов и согласованных нарративов, Скрытое Письмо переформулирует и использует компоненты апокрифичности и стеганографии, то есть неаутентичности и скрытого письма. Тогда как первая затрагивает прежде всего проблемы, связанные с некорректным приписыванием авторства или вторжения анонимных коллективов (толпы) в написание текста, последнее касается проколов или аномалий в тексте, вызванных существованием и деятельностью чего-то иного, нежели управляющая структура или предполагаемый базовый сюжет. То, что обычно идентифицируется как сюжетная дыра, есть не что иное, как конкретная траектория такой активности, которая, сколь коммуникативной она бы ни была на подповерхностном уровне, оказывается несогласованной и симптоматичной на внешней поверхности и поверхностном уровне. Скрытое Письмо способно ухватывать политические сюжетные дыры, не редуцируя их к целому или не отделяя их друг от друга. Следовательно, Скрытое Письмо — идеальный инструмент извлечения, раскапывания и участия, то есть, другими словами, чтения как одновременно исследования и воплощения — для того чтобы читать ближневосточные события в их связи со «Всем Миром» (видимым или базовым сюжетом).

Скрытое Письмо, будь то *apocrypha scripta* или *steganographia*, интегрирует бурную утилитарную деятельность пол()ого комплекса как свой функциональный принцип, неотделимый от его запутанной структуры. В Скрытом Письме и функция, и структура такие же, как в динамизме становления и формации пористой земли. Скрытое Письмо может быть описано как использующее любую сюжетную дыру, все проблематики, каждый подозрительный темный момент или отвратительную неправильность как новый сюжет с щупальцеобразной и автономной подвижностью. Последствия такого использования являют себя в акте письма, эффект которого — детерриторизация первичного унифицированного сюжета или ремобилизация так называемой центральной темы и ее авторитета как всего лишь арматуры или первичной субстанции для удержания вещей вместе. Центральный или главный сюжет переизобретается исключительно с той целью, чтобы он скрытно вмещал в себя, транспортировал и подпитывал другие сюжеты. В Скрытом Письме главный сюжет конструируется ради маскировки других сюжетов (которые могут регистрироваться как сюжетные дыры) путем

наложения их на поверхность (поверхностно динамичный сюжет) или обособленную тему. В терминах такого письма главный сюжет — это карта или чертеж концентрации сюжетных дыр (других сюжетов). Каждая дыра — след, оставленный как минимум еще одним сюжетом, крадущимся ниже.

Сюжетная дыра работает не в силу отсутствия (этого объекта насмешек критика), а как метка и проводник активности подповерхностной жизни. Сюжетные дыры — психосоматические показатели как минимум еще одного сюжета, плотно заселившего прорытые и выкопанные им дыры. Однако размножение сюжетных дыр в скрытом письме — не просто свидетельство актуальных независимых сюжетов, развивающихся под и сквозь видимую поверхность или так называемую главную историю («книга в книге»). Что более важно — это показатель активной неаутентичности и анти-Книжных искажений, которые несут Скрытые Письмена. Сюжетные дыры оказываются не только явными симптомами других происходящих сюжетов, они вдобавок проистекают из псевдонимности, анонимности и намеренных искажений, связанных с проблемами авторства, обычно ассоциирующимися со Скрытыми Письменами. Смещающиеся голоса, разбегающиеся авторские перспективы, несогласованная пунктуация и риторические отклонения выдают работу толпы, один автор распадается на множество. Фактически проблемы ложного авторства, обычно ассоциирующиеся со Скрытыми Письменами, порождают ветвящиеся сюжеты как новые нарративы, распространяющиеся из поверхностного сюжета во все стороны; сюжеты, способные захватить у доминирующего авторского пространства поверхностную историю или текстуальную структуру[‡].

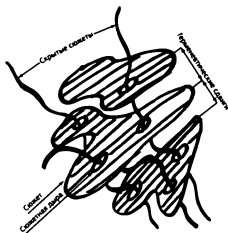

Рис. 14. Постоянство сюжетных дыр неотъемлемо от динамизма подповерхностных сюжетов.

Неслучайно скрытые письма ассоциируются с коллективными авторами, как в случае *апроскрипта*. Один из первых симптомов неаутентичности, которую производит Скрытое Письмо, — положительная дезинтеграция или коллективизация одного автора (голоса) или авторской элиты и его трансформация в неотслеживаемый теневой коллектив писателей, толпу. Проблема ложного авторства

[‡] Рассмотреть идею снять фильм на основе двух разных книг (совершенно разные темы, топографии, индексы и т.д.), написанных двумя разными авторами.

напрямую связана с искажением или бастардизацией книг и их сомнительным происхождением. Отсюда постоянный кошмар религиозных Книг и их девственного романтизма. Неаутентичность работает как соучастие с анонимными материалами.

В книгах Скрытого Письма текстуальная субтопия состоит из сюжетов, рассказов и автономных дроно-авторов, населяющих пол()ый комплекс Скрытого Письма. Такая подповерхностная жизнь не может быть редуцирована к расходящимся сюжетным слоям или похороненным сообщениям (θησαυρός, *thesauri*), которые служили бы наградой для глубокого чтения. Так называемая герменевтическая строгость следует логике текстуальной стратификации и может быть достигнута только с помощью герменевтических инструментов, соответствующих порядку слоев текста. Но подповерхностная жизнь Скрытого Письма — не объект слоев и интерпретации; ее можно эксгумировать, только исказив структуру книги или поверхностный сюжет. Эксгумация включает в себя процесс конкретной криптофикации и дешифровки, переформулирования, бастардизации и изменения книги. Чтобы взаимодействовать со Скрытыми Письменами, нужно настойчиво продолжать вносить вклад в процесс написания книги. В Скрытых Письменах акт чтения и письма производится через сюжетные дыры, отбрасываемые большинством интерпретаторов как темные запутывающие места. Для герменевтического исследования сюжетные дыры — это обманки, не в том времени и не в том пространстве оставленные внутри текста координаты — протечки, которые должны быть закупорены. Но разве блокирование протечки не перемещает давление в другое место, пробивая еще одну дыру? Теология в целом постоянно обеспокоена затыканием дыр, латанием трещин и разрывов в рассуждении Божественного и о нем. Так она формирует лакуны несовершенства, с помощью которых корпус теологии всегда может быть мобилизован против него самого, обращаясь против себя и кусая собственное тело. Заниматься строгой теологией — значит прокалывать тело Божественного ересями.

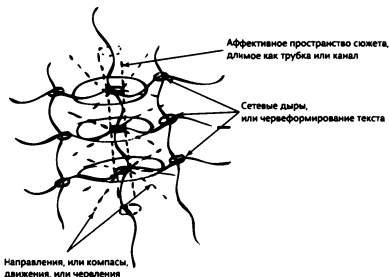

Рис. 15. В отличие от текстов как сотканых пространств (*textum*) у скрытых писем туннели вместо нитей, сюжетные дыры вместо структурных сеток.

Один из известнейших примеров Скрытого Письма — трактат Иоганна Тритемия о черной оккультной и схоластической астрологии *Steganographia*, написанный около 1499 г. В гримуаре Тритемия отсутствует какой бы то ни было поверхностный связный сюжет или согласованность, он как будто заражен сюжетными дырами и различными утратами содержания и темы. Однако книга на самом деле представляет собой трактат по криптографии, замаскированный и погребенный под поверхностным сюжетом, который, как кажется, повествует об астральном оккультизме. Вместо слоев и уровней Скрытое Письмо населяет подземные ходы, затонувшие колонии, бурное социальное движение, кишасщее внизу. Трактат Титемия о неортодоксальной оккультной и астральной коммуникации, преследуемый беспокойной толпой призрачных криптографических сущностей, оперирует на плане текстуальных проколов.

«Земля пишет свои истории, как Тритемий наизнанку; это черный оккультизм, замаскированный под шифр» (Хамид Парсани).

Во введении к «Стирая Древнюю Персию» Парсани описывает роль археологов как фанатичных читателей Скрытых Письмен, которые вносят конкретный вклад в текст. Во введении Парсани утверждает, что «археология с ее врожденным пониманием Скрытого Письма будет доминировать в политике будущего и будет военной наукой XXI века»:

«Обширные некрополи Месопотамии, — пишет Парсани, — практически всегда состоят из так называемого места *in-situ*, или зоны чудес, и места *in-subside*, или недостающего места. Зона чудес, или видимое место, обычно расположена на пустынной равнине или на холме, на котором высятся руины роскошной архитектуры. Зона чудес, или место *in-situ*, состоит из пустующих гробниц, или кенотафов, и кладов, зарытых в землю; это поверхностная феерия, существование которой ненадежно, доведенная до идеала или, точнее, фальсифицированная подземными регионами, щеголяющими сокровищами и экзотическими объектами. Сокровища были захоронены в земле; помещения, наполненные фальшивыми телами членов царских семей, отвечают от реального подземного комплекса, как вторичные ответвления сюжета. Под землей, даже ниже ее подповерхностных чудес и сокровищ, внутри самого холма есть тесная пещера или сеть пещер, густо населенных гробницами, росписями, оружием и разнообразными атрибутами загробной жизни. Проблематичное поверхностное место с его странной театральщиной вроде пустых гробниц (*kenotaphion*) и вводящих в заблуждение строений, излучает огромную притягательность для мародеров и вандалов, отвлекая их от подземных ходов реального некрополя. Эти дыры и несоответствия, поверхностные сущности и ложные указатели положительно источают фальшь, которая предрекает существование и активность городского пространства Некрополиса в виде подземных ходов, или не-здешнего места (*ex-situ*). Для археолога, читающего место через несоответствия и через глубинную дефективность того, что доступно на поверхности, кенотаф, как пустая гробница, представляет собой дыру в истории, которая указывает точ-

ное и несомненное направление — вход в систему пещер некрополя или реальную подземную сеть. На поверхностном месте некрополя все — от пустых гробниц, наполненных фальшивыми телами, до сокровищ, намеренно захороненных в земле, — указывает опытному глазу, что там есть что-то еще, недостающее место поблизости. Для мародера, однако, что-то очевидно *не так*, но поскольку его добыча тем не менее существенна и роскошна, говорить больше не о чем. Учитывая эти стратегические элементы абсурда на поверхности и операциональные сюжетные дыры, если и существует, если позволите, эстетизм, уместный для археолога, то он, несомненно, выражается тревожным, но восторженным восклицанием: „Здесь что-то очень не так!“»

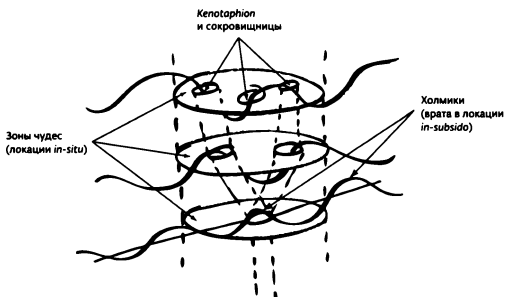

Рис. 16. Месопотамские некрополи и их места как модели политической археологии.

«На Ближнем Востоке любая дыра в истории указывает на ворота пылевой *tehom*». На загадочное окончание введения Парсани может пролить свет, ничего впрочем, не проясняющий, интервью с ним, опубликованное в ливанском ежеквартальном журнале (летом 2001 года), в котором Парсани отвечает на вопрос интервьюера о его загадочном утверждении, что Ближний Восток ни секулярный, ни языческий, ни монотеистический, ни оккультный. «Какой же он тогда?» — спрашивает интервьюер.

«Он фанатично Тиаматериалистический, — отвечает Парсани. — На Ближнем Востоке Тиаматериалистические сущности используют для своих мышления и деятельности другое поле распределения, инфильтрации, размножения и сознания, поле, напоминающее исколотое пространство скрытого письма. Это поверхность, готовая схлопнуться, полная несоответствий и нерелевантностей, или, как я люблю выражаться, сюжетных дыр, ведущих в обширную подземную систему ходов. Поверхность, чье одержимое занятие состоит в превращении любого политического или религиозного движения в копающую машину, любое движение которой структурно разрушает все

поле; есть особая ирония в том, что именно такое разрушение делает проблематики или дыры более релевантными этому пространству чистой активности и менее релевантными установленному основанию. Нерелевантность Ближнего Востока всему остальному земному шару — не симптом переизбытка политики и истории; это прямой результат его Тиаматериалистического подхода к земному шару и его подземным потокам. Я не скажу ничего нового, если предположу, что Ближний Восток постоянно стремится проделывать дыры в мировой истории, ищет модели экономики и политики, которые не использовались нигде на планете, и заселяет их, превращая в объекты просвещения. Что же до всего мира, он еще не видел Тиаматериализма, то есть представления о Ближнем Востоке как о разумной сущности, буквально живой сущности. Мировой порядок и его великие прорывы были основаны на витых крысиных норах ближневосточного Тиаматериализма, его головах-сверлах. Если наиболее продвинутые экономические системы оказываются ненадежными или не работают как надо, это не их вина. Дело в том, что они — не более чем сюжетные дыры Ближневосточного Тиаматериализма. С точки зрения поверхнашистов может показаться, что ближневосточный Тиаматериализм всего лишь импульсивно и беспокойно вмешивается во все; но с точки зрения скрытого письма, то есть из перспективы творческих поверхностей дыр, он действует утонченно и стратегически. Тиаматериализм входит в мировой порядок не через так называемую главную сюжетную линию, основной сюжет, развивающийся в данный момент, а через план скрытого письма. Так, например, ненависть ваххабитов к идолопоклонническим изображениям возрастает до такой степени, что даже мечети и священные гробницы, принадлежащие семье пророка и его ученикам, должны быть разрушены, потому что они незаконно нарушают правило исключительного единства Бога. Поэтому они перемещают свои подземные инфраструктуры поближе к мечетям и священным захоронениям, изменяя направления подземных строительных проектов, в том числе метро, в сторону таких мест, концентрируя трубопроводы, водохранилища и другие транспортные тоннели под священнейшими для ислама местами, чтобы постепенно отдать их во власть сил природы или чтобы дестабилизировать их основания. Обычно третья сторона, например нейтральная враждебность природы, берет на себя заботу о гробницах и священных местах. Материалистическая персонификация монотеистического фанатизма на Земле и интегрированные трубопроводы, ползущие под ней, вгрызающиеся в основание структуры, нарушая распределение нагрузки между постройкой и основанием или создавая фальшивые фундаменты и промоины под зданием. С самого начала, как мы видим, вся циклограмма представляет собой пример скрытого письма. Коллективная история Тиаматериализма, или Ближнего Востока как разумной сущности, — это шедевр скрытого письма».

Нематопространство пол()ого комплекса сводит на нет монополистическую свя-
тость Творения, функциональность экономии основания (которая также форми-
рует крестовину Таксис/Треллис для поддержки Целого) и гегемонию Целого.

Нематопространство знакомит целостность с Нолем, не стирая ее. Это поли-тика, впервые примененная и изящнейшим образом развитая персидским культом *Kakhurid*, или *Kastaran-e Farre*, последователи которого, сводящие-на-нет-целое, сводящие-на-нет-чистоту, описываются в зороастрийской книге Задспрам как опустошители Ирана (поскольку арии считались наиболее чистыми и целостными среди всех обитателей Земли).

Нематопространство заражено истерией ворот; его поверхности всегда готовы коллапсировать и снова возникнуть где-нибудь еще, таким образом беспокойно раскрывая все новые и новые ворота. Оно зияет, щерится, пухнет, клубится и ползет — эндогенный паразит на поверхности Земли, в ней и внутри нее. Пол()ый комплекс создает в теле Земли больше проходов, чем нужно, таким образом делая ее носителем собственных низких намерений. Еретические зороастрийские культы — дэво-яснийцы, кахуджиты и ятуманты, или Ахт-Яду (Яту) — называли эту неопределенную землю, втайне вздрагивающую от Внешнего и бредящую бесчисленными проколами, *Drujaskan*. Согласно древним зороастрийским текстам, Друджаскан — это, технически говоря, максимально спутанное пространство, пробужденное из Земли ею самой с целью разосновать целостность Земли, или видимое божественное. Короче говоря, это наихудшая планетарная сущность. Вышеупомянутые зороастрийские секты ассоциировались с актом сведения на нет целостности божественной сферы, или разложением полноты Земли, отсюда и ускорение становления Друджаскана и его неизгладимой дырчатости. Паразиты стаями вырываются из Друджаскана, из ходов, которые сами неотделимы от кишасщих тел морового легиона. Разоснованные и несообщаемые истории Земли полны проходов, вентиляционных отверстий и мягких туннелей, мобилизуемых и открываемых путем соучастия с Землей как композитной сущностью. Эти истории созданы отверстиями и тем, что ползает в них; каждое движение в этих проходах одухотворяет разоснование земли, инженерии, которая делает Землю — Землей.

Параноидальные культуры и их учреждения всегда оставляют запасные протечки; они порождают больше дыр и больше твердых веществ, чем кто бы то ни было; но эти последние отнюдь не дополняют и не очищают твердое, они оставляют его трупом, некротизированным обилием шрамов (фибропролиферативное месиво): дыра... твердое... дыра... твердое... твердое... дыра... дыра... дыра... стерто; остается труп твердого тела, готовый разложиться и превратиться в месиво. Пол()ый комплекс превращает архитектурное твердое в экс-архитектурную помойку: опустошенные, гниющие, вспухшие, сочащиеся поры.

Земля выживает только как Нематопространство: отверстие в ее целом, пустое тело, расчерчивающее свои картографии на поверхностях пол()ого комплекса. Ритуал пробуждения, практикуемый культом Древних с целью втайне ускорить пришествие Старейшин, включает взаимодействие с твердой частью, а не покорность пустоте. Такая миссия включает продвинутые ремодификации и операции на твердой стороне дырчатого пространства, стратегическую помощь в создании новых червеобразных линий или черве-функций и автономное рытье ходов для Возвращения Древних — раскрытие зияющих провалов как зон их возрождения. Каждое действие твердой части или действие на стороне твердого

есть сакральное приношение Древним. Быть преданным архитектором твердого — значит скармливать твердое червеобразным линиям пустоты.

Они раскапывают туннели в земле и откладывают яйца в ее порах; личинки вгрызаются в кожу Земли, мигрируют в соединительные ткани, корку и страты, питаясь некротическим твердым и поверхностями. Звуки раскапывания слышны изнутри Земли. Покончив с заражением твердой части Земли, личинки прогрызут дыхательные отверстия и прижмут свои безголовые хвосты к поверхности, глотая воздух. Личинки продолжают расти, выгрызая в теле Земли спинальные полости, которые никогда не будут заполнены. По мере роста личинки расширяют дыры и выберутся из Земли[‡].

‡ Нужно послать электронное письмо: связь в 302 все еще не работает, извините за задержку. Обмен любовью — не экономическая дисциплина, это открытая торговля заражениями. Инфекции и стремительное нарастание количества яда — следствие такой торговли. Мне много нужно тебе сказать, но, я думаю, сейчас тебя могут заинтересовать некоторые мысли, пришедшие мне в голову до того, как я впервые связался с тобой (та неделя

К слову, я клал самые важные документы в тумбочку в гостиничном номере, как ты и советовал, и нашел там два видеодиска. Смотрю их на ноутбуке: фильм французского режиссера по имени Клэр Дени. Никогда о ней не слышал. в данной ситуации идеально. Пытался найти еще один ее фильм в видеомагазине в Таксиме: *J'ai pas Sommeil* («Не могу уснуть»).

Если в синтезах памяти всегда доминирует время, то отказы и провалы памяти извлекают пользу из эксплуатации времени вне хронологических последовательностей. Дыры в памяти вводят провалы, прерывистые туннели и пористые пространства в хронологическую сферу памяти, таким образом делая ее еще более уязвимой для временных сдвигов, внезапных шизофренических катабасисов (распыляющих личность обмороков [descents], неподвластных гегемонии твердого и пустоты) и потерь целостности. В зороастризме игры с могилами и с памятью одинаково запрещены: одно заслуживает физического наказания, другое гарантирует вечные муки, потому что играть с памятью (то есть изобретать линии последовательности в памяти, отличающиеся от обычной функции припоминания) значит колдовским способом переизобретать события не как локализуемые сущности, а как бессмертные (в смысле демонической неуспокоенности) и неистощимые бактериолинии. Игры с памятью, выходящие за пределы легитимной деятельности припоминания, превращают память в игровую площадку для бурной деятельности в прошлом, которая нарушает организационную согласованность прошлого относительно настоящего и будущего. Прошлое как статичный хронологический горизонт имеет неотъемлемую склонность осаждать в себе все виды активности или превращать себя в стабилизирующее основание активности в настоящем и будущем. Прошлое принадлежит Божественному и традиции.

Неспособность вспомнить обычно ассоциируется с паралитическими симптомами дыр в памяти; в этом случае субъект не имеет доступа к памяти. Если дыры памяти вызывают у субъекта такую проблему доступа, то только потому, что они были специально разработаны для доступа с другой стороны. В этом смысле дыры в памяти доступны не субъекту и его интегрированному «я», а тому, что внешнее для субъекта и не имеет «я» (никто). Если воспоминание в условиях дыр памяти оказывается нереалистичным и бесполезным, то верно и противоположное: дыры в памяти — это ворота и точки доступа; они проводят воспоминание и другие модусы доступа к памяти, принадлежащей внешнему.

Если дыры в памяти — это каналы для трафика данных и вызова их с другой стороны, тогда каждая человеческая или субъективная попытка припоминания подразумевает инвокацию или вступление в память некоего аутсайдера. Провалы в памяти и их пространственно-временные пропуски функционируют как пол()ый комплекс, через который нижние сущности просачиваются, прорываются в наш мир; провалы в памяти — инструменты их возвращения домой[‡].

‡ Отредактировать «Тиранию меньшинства» для публикации

§ ок, я передумал: я дам тебе пару советов относительно Телль-Ибрагима, если ты ОЧЕНЬ постараться разобраться, почему я вообще с тобой связался — в дополнение к той причине, которую я уже упоминал (эта причина тоже имела место, но она незначительна по сравнению с этой).

Z: Чтобы понять милитаризацию нефти и динамизм машин войны в Войне с Терроризмом, необходимо понять нефть как предельную Теллурианскую смазку, или носитель эпических нарративов. Инструментализировать нефть через производство, навязать какую-то авторскую линию этому носителю нарративов — все равно что кормиться экскрементами Дьявола или их производными; всегда есть опасность отравиться и умереть, или что похуже. В современных исламских отсылках к радикальному Джихаду как глобальному процессу исламский подход к мобилизации тактик объясняется как защита, а не нападение. В исламском подходе, то есть пути Джихада, Исламская война определяется защитой, рассеиванием и заражением систем жизнеобеспечения, тогда как крестовые походы военных машин или западных тактических линий картографируются на плане нападения, эскалации и военного вторжения. Таким образом, западный, вторженческий динамизм тактики всегда считается не-исламским, ведь он воспринимает войну как явление динамического продвижения вперед машин войны, которое неизбежно превращается в нечто по сути своей вторгающееся, потому что такие обсессивно динамические машины войны инстинктивно трансgressируют и нарушают границы. «Я есть, поскольку я двигаюсь» — этот девиз определенно делает вас *persona non grata* в некоторых местах. Такой активный динамизм не может действовать на расстоянии или поражать врага, не нарушая границ и территорий. Западный крестовый поход и его подход к машинам войны не могут быть скопированы исламом, потому что его свойство динамизма не соответствует законам ислама и вере, что трансgressия есть идолопоклонство, потому что все земли и территории принадлежат Божественному, а не машинам войны и их тактикам. Для Исламского Джихада все должно функционировать как оборона. Следовательно, механизм столкновения динамически асимметричен. Эта асимметрия — асимметрия не военных действий, а самих принципов войны.

Если, согласно исламу, Джихад не может быть трансгрессивным или вторгающимся, а должен производиться как чистая оборона, то как возможно исполнять обязанность по подготовке земли к Божественному, по превращению ислама из ближневосточного или афроазиатского культа в глобальную религию? Ответ лежит либо в изобретении или открытии новых машин войны, использующих мирную коммуникацию в качестве средства наступления, либо в разработке мирного и нетрансгрессивного медиума или носителя для машин войны Джихада.

Вкратце, поскольку западные тактики неразрывно связаны с фронтами крестовых походов и поскольку Джихад должен пониматься как стратегическая удаленная атака на идолопоклонство без явной трансгрессии, первая задача политик милитаризации ислама — найти или разработать динамический вектор или нейтрального носителя, чтобы протаскивать контрабандой и мобилизовать исламские машины войны. Этот медиум должен быть в состоянии заменить динамизм западных тактик и предоставить исламским машинами войны возможность нетрансгрессивного движения. Соответственно, такой динамический медиум или носитель может репрезентировать только мир; он должен быть сущностно отделен от нападения. По этой причине медиум должен быть частью природы или принадлежать земле, то есть быть нейтральной третьей стороной. Для исламской стороны этот непроблематичный медиум должен происходить от Божественного и вести к нему. Но в конфронтации с Западным фронтом он должен быть политически не-интрузивным (нейтральным) и благорасположенным к капитализму. Сущность, способная удовлетворить оба условия, необходимо была бы природной сущностью, представителем планетарного разума. Только как планетарная сущность и природное событие такой медиум может непроблематически служить носителем исламских машин войны. Поскольку тактика, как динамизм или модус движения, принадлежит машинам войны, а не Божественному, и связана с человеческой логистикой и командными цепочками, Джихад может использовать только такую платформу движения, которая перемещает машины войны естественно или, точнее, как свойство Божественного. Для этого нет ничего более удобного и релевантного, чем Нефть. Исламский Апокалиптизм хорошо понял, что в трубопроводы можно закачать все что угодно — нефть продвинет это вперед и растворит в себе, а это значит, что то, что доберется до цивилизаций-крестоносцев, не может быть извлечено и отделено от нефти. Нефть нельзя политически дистиллировать. Сущности в нефти вступают в новые химические соединения, которые невозможно разложить на элементы и главные составляющие. На другом конце трубопровода, то есть на Западе — пункте извлечения и потребления, все, что есть в нефти, остается замаскированным; это всего лишь побочный нефтепродукт. Военная магия использования нефти скорее как среды перемещения, а не тактик, разворачивается, когда кто-либо утверждает, что нефть, сама по себе нейтральная сущность, — часть природы и планетарная сущность, то есть вездесуща, несмотря на различные уровни концентрации в земле. Если исламские машины войны растворимы в нефти, а нефть есть вездесущая планетарная сущность,

то исламская милитаризация больше не локальна — она глобальна и планетарна. Подъем нефти как медиума мобилизации машин войны предвещает закат тактического нападения и рассвет нападения повсеместного, встроенного в, казалось бы, мирную вездесущность природы.

Машины войны растворяются в нефти. Роль нефтепровода — не военное нападение, а поддержание жизни. Трубопровод поставляет нефть как стратегическую смазку и нейтральный носитель машин войны с мобильной и распыленной эффективностью. Нефть достигает фронтов крестового похода по трубопроводам; закачивая в трубу газ вместе с нефтью, можно достичь самых дальних уголков. Как только нефть доберется до места назначения, машины войны крестового похода, первичная диспозиция которых — динамичность, заправятся этим топливом и соединятся с нефтью и ее производными. По мере того как машины западного просвещения потребляют нефть, либо сжигая сгусток, либо жирея на сгустке, контрабандные машины войны начинают активизироваться и вырываться из химических связей. Нервная система и химия машин войны, контрабандой протасненных нефтью, незаметно сливаются с западными машинами, пирующими нефтью, поскольку нефть уже растворила их в себе или превратила в тонкую эмульсию, ее химические элементы или сущностные производные (исламские идеологии, амбиции, имплицитные политики, социально-религиозные сущности и формации и т.д.). Эти машины войны нагружены стратегическими линиями Исламского Апокалиптизма, который подпитывает и наращивает трансгрессивный импульс западных машин войны, потому что Божественного и его пустыни можно достигнуть только путем участия. Экстремистские доктрины Джихада говорят о том, как все на свете срабатывает как микродвижения, провоцирующие наступление Исламского Апокалиптизма, и как Царство может быть построено только на сотрудничестве. Роль исламских машин войны, стало быть, состоит в том, чтобы разобрать трансгрессивный западный военный динамизм и в то же время подтолкнуть западные машины войны к эскалации их опустынивающих импульсов. Другими словами, эскалация западных машин войны ведет к освобождению пустыни Божественного — Пустынной Свободе. Для Джихада эскалация западных машин войны, не подчиняющаяся их идолопоклоннической логике трансгрессии, возможна только путем рассеивания их изнутри с помощью нефти.

Если западные машины войны выражают капиталистическое стремление растрчивать энергию и материалы, то нет лучшего алтаря для этой растраты, чем Исламский Апокалиптизм и его божественная цель. Теперь, зараженные разумностью нефти, а также растворенными в ней машинами войны, западный Технокапитализм и его машины войны (как специфически петрополитические сущности) тянутся и стремятся к оживленному сотрудничеству с исламскими машинами войны, исламским населением и их землями, которые совпадают с резервуарами нефти. Рассогласованность и асимметрия между машинами войны на двух фронтах и распаленная жажда нефти, нарастающая в западных машинах, питаемых нефтью, склоняет это сотрудничество в сторону соучастия взрывного, конфликтного типа. Соответственно, оборо-

на Джихада и нападение/вторжение Крестового похода становятся столь же синергичными, сколь и асимметричными. По мере того как запас нефти западных машин в этом жарком соучастии истощается, они бросаются к более твердым слоям сгустка, которые несут в себе более активные исламские машины войны и более странные формы разумности. Чем глубже под землю уходит логика нефтедобычи, тем более чудовищные аватары нефти, выходят на поверхность.

Трубопровод — это поверхностный носитель нефти и растворенных в ней сущностей; следовательно, долг машин крестового похода просвещения — докапываться до все более глубинных уровней. Капиталистическая политика предельной доступности, или прорывочная теория в отношении нефти, существенно увеличивает глубину Сгустка.

- Z:** Секретный разворот: подпитываемые энтузиазмом более исламским, чем сами исламские сущности, берсерки капитализма устремляются к Исламскому Апокалиптизму, сливаясь с машинами войны, действующими в нефти. Когда дело касается взгляда через нефтяную трубу, машины просвещения оказываются особенно петромонголоидными.
- Z:** Если любое движение (например, электрический ток) в электропроводящем материале производит магнитное поле, то газовый трубопровод, по которому движется нефть и исламские машины войны, должен производить мощнейшее магнитное поле комбинированных стратегий между Исламом и Землей, окружающих своими завихрениями трубу.
- Z:** Ближний Восток преследует мир как петроль. Есть ли что-то более лавкрафтианское, чем строительство нового трубопровода, сплетение его булькающих флейт? Вопрос в том, как долго пещеристое сознание может путешествовать на этом современном транспортном средстве?
- Z:** Теория глубокой горячей биосферы Томаса Голда предполагает, что нефть — это не ископаемое топливо, что нефть происходит из потоков природного газа, которыми питаются бактерии, живущие в недрах Земли. Поэтому демонархия нефти не подчиняется законам мертвых (то есть сохранившихся тел доисторических организмов), а скорее оживлена плутоническим витализмом (абиогенная нефть, генерируемая нижней биосферой Земли). Нефть выходит на поверхность из первичного источника, то есть не Земли, а Внешнего, помещенного здесь как ксенохимический Инсайдер. Нефть производится плутоническими силами и нижней биосферой, а не разложением ископаемых и органических тел. Следовательно, нефть куда более субстанциональна и следует другой, автономной логике планетарного распределения. Петрополитическая теория Голда, взятая за основу, имеет иное, куда более стратегическое влияние на вышеупомянутый трубопроводный сценарий. Если нефть каким-то образом бессмертна, то бессмертны и растворенные в ней машины войны — до тех пор пока они не выполняют свои задачи: одну от имени Инсайдера и Земли, другую от имени монотеизма и Божественного.
- Z:** Да, вкратце: торговля нефтью в исламской петрополитической сети используется в первую очередь не ради пользы и благосостояния стран и не ради процветания каких-то сфер производства, а ради самого трубопровода.

ЭКСГУМАЦИИ

РЕЛИКВИИ
И ЧАСТИЦЫ ДЬЯВОЛА

АССИРИЙСКАЯ РЕЛИКВИЯ

НАШЕЛ КРЫЛАТОГО БЫКА ПЯТЬ НА ПЯТЬ МЕТРОВ ЛИЦО ПОВЕРНУТО
СТОРОНУ ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ ТЧК ОТПРАВКА ВОЗМОЖНА ТОЛЬ-
КО МАЕ ТЧК СТОИМОСТЬ ТРАНСПОРТИРОВКИ ОКОЛО ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ
ДОЛЛАРОВ ТЧК РЕШИТЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО АПРЕЛЯ ТЧК УЗНАВАТЬ
ЛИ НАСЧЕТ БЫКА (д-р Эдвард Чиера, полевой директор экспедиции).

В начале апреля 1929 года рабочие, занимавшиеся раскопками неподалеку от того, что потом будет идентифицировано как тронный зал царя Ассирии Саргона II в Хорсабаде (иранской деревне, стоящей на руинах Дур-Шаррукина: 33°20' с.ш. 44°13' в.д.), обнаружили фрагменты реликвии колоссальных размеров: орудия пустынной войны, специально разработанного для пылевого болота Месопотамии, Ксеродрома, где машины войны принимают причудливые формы и тактики — даже если эти тактики включают в себя споруляцию, или испарение в стойкие пылеспоры — как способ выдержать такие суровые условия окружающей среды. Поскольку в этом пыльном болоте все привычные военные способы выживания обречены на вымирание и все тактические динамизмы легко обезвоживаются, тают или испаряются без следа, машины войны должны маскироваться внутри гораздо более стойких и неуловимых сущностей. Эти машины войны, следовательно, достаточно скрытны, чтобы нарушить любую защитную систему безопасности и раствориться в разных модусах существования (принадлежать одновременно и к гетерогенным оккультизмам, и к монотеизму, войне и миру, служить и государственным военным формациям, и бунтовщикам, не ведающим границ). Такое рассеивание имеет своим результатом формирование векторов эпидемического распространения. Машина войны, предпринимающая такое рассеивание, или предельное умножение, может быть идентифицирована как оккультурная, военная, религиозная и политическая сущность одновременно, действуя и как машина окончательного уничтожения или рево-

люции, и как машина саботажа или бунта. Любое движение такой машины войны подобно волне эпидемии, вторгающейся во все аспекты жизни: пищевую цепочку, инфраструктуру, демографию, политику, торговлю и общую динамику событий. Подобно другим месопотамским или ближневосточным машинам войны, которые всегда готовы принять новые формы в новых условиях и способны осваивать новые тактики ради разных политических и военных сущностей, обнаруженная в ходе раскопок машина была сущностью, военизированной зловещим образом во всех направлениях сразу: оккультный дрон, способный шагать вперед, летать и неподвижно стоять на страже одновременно — идеальный образец оккультной войны.

Надписи и таблички указывали, что имя этой военной твари — Ламассу. Шеду Ламассу, или Ламассу (Отталкивающий Зло), иногда также называемый «Последний Страж», — это крылатый бык или лев с человеческой головой, обычно изображаемый с пятью ногами (чтобы указать на четвероногое в движении). Ламассу относятся к неоассирийской эпохе, известной как эра Саргона. Они часто ассоциируются с оккультными поли-тиками Зла-против-Зла (основная тема «Экзорциста»), разработанными главным образом помешанными на войне ассирийцами, луллубеями и отчасти финикийцами, в которых предполагается, что Война обладает собственной (Не)Жизнью и порождает машины войны, чтобы затем преследовать их. Сущностная ирония, согласно этой ассирийской Оси Зла-против-Зла, состоит в том, что машины войны стремятся пережить друг друга, иными словами, они вступают в столкновения и охотятся друг на друга, но никогда не знают, что сама Война питает машины войны только для того, чтобы разрушить их. Возвышенная истина войны выражается не в том, что происходит между машинами войны, а в том, что случается между машинами войны и Войной и что завершается полным и окончательным вымиранием машин войны. Садистский заговор войны противостоит любому тактическому регулированию машин войны, движимому индивидуальным или коллективным импульсом к выживанию. Только пожрав все машины войны, сколь бы свирепы и адаптивны они ни были, война достигает предельного плана автономии, на котором возникает чистая Стратегия как окончательная этика войны. Этика войны достижима, только когда тактики, ассоциирующиеся с машинами войны, достигают зловредной множественности, для которой и означающий план тактики, и командная цепочка становятся избыточными. Растворение машин войны путем предельного умножения тактик означает пробуждение войны как автономной стратегии. Если Стратегия нечувствительна к задачам машин войны и тактической детерминации, то это связано с тем, что пространство стратегии внешне по отношению к пространству тактик (которое на самом деле само есть машина войны). Стратегия располагается за пределами машин войны, но внутри войны; она стремится к войне «любыми средствами». Стратегия схватывает войну вне тактических требований, свойственных машинам войны, таким способом она вскрывает экстериорность войны по отношению к машине войны и ее тактикам. Аналогичным образом (Не)Жизнь Войны удерживает свою радикальную внешность, превращая тактики (машин войны) в чистую стратегию. Будучи внешней по отношению к тактикам и тактическим манипуляциям и управляющим линиям командования, стратегия диа-

граммируется неотъемлемым ускользанием из тех военных конфигураций, которые обеспечивают машинам войны выживание и разрушение одновременно.

Очевидно, война — не следствие конфликтующих машин войны. Нежизнь Войны автономна, но она порождает машины войны, только чтобы пожрать их. Осознав этот садистский заговор Войны, машины войны древней Месопотамии разработали Ось Зла-против-Зла, теоретическую и прагматическую доктрину участия в Нежизни Войны. Ось состояла из военных техник, соответствующих стратегическому плану Войны, а не регулятивам и тактическому динамизму машин войны. Ассирийцы практиковали доктрину Зла-против-Зла таким образом, чтобы собрать воедино все аспекты автономной военной машины, характеризующейся самопожирательной свирепостью.

Согласно Оси Зла-против-Зла, первая задача машин войны — воспринимать Войну не как следствие столкновений между машинами войны или пересечений тактических линий, а как автономную машину, порождающую машины войны, чтобы потом охотиться на них. Война использует свое оружие против машин войны так же, как машины войны используют свое оружие друг против друга. Ассирийские военные трактаты часто обращаются к этому оружию и орудиям войны, противопоставляя их военному оружию машин войны. В трактатах эти виды вооружения называются «Туман Войны»: Стратегии и дракоспиральные тропы, на которых машины войны медленно, но верно пожираются, съедаются войной. В одном таком тексте Ламассу восхваляют как первое военное изобретение, отдающее дань уважения Войне как внешней для логики существования и активности машин войны.

Согласно ассирийской Оси Зла-против-Зла, Война распространяется через глубинные оккультные волнения, Теллурианскую динамику, еретические бунты и Аутсайдеров.

«Истина войны лежит за пределами поля боя» (арамейский шибболет, написанный на Ламассу, обнаруженном в Хорсабаде).

Парсани отмечает, что для ассирийцев «война охотится на машины войны, а не машины войны охотятся друг на друга». Война подпитывается предельными слияниями стратегических и тактических множеств; все, что возникает из войны, есть опустошительное разрушение конфигураций, направляющих систем и зондо-функций машин войны. Согласно оккультной и военной доктрине Зла-против-Зла, война производит такой жар, что машины войны не могут его выдержать и начинают постепенно таять (тактический расплав), что предвещает молекулярный распад на дьявольские частицы. Ассирийцы подозревали, что Месопотамия кишит этими дьявольскими частицами — демонически задержавшимися остатками машин войны. Тактически мертвый, но стратегически оживленный и введенный на поле боя, этот молекулярный мусор, оставшийся после плавления машин войны, часто называется «Туман Войны».

«В ассирийских военных доктринах машины войны всегда сжигаются и поглощаются войной. Процесс горения — постепенный и запутанный, но обратная

дорога к жизни стремительна и никогда не записывается. Ведь война воскрешает разрушенные машины войны и возвращает их к жизни по другую сторону поля боя, в форме Киммерийской дымки — Тумана Войны» (Х. Парсани).

Ассирийцы верили, что эти частицы или некроспоры мертвых машин войны, подобно призраку, преследуют все аспекты жизни на Ближнем Востоке. Эти частицы обычно считались демонической пылью, облаком спор или сухих духов, способных захватывать военные программы, политические системы и людей. Ассирийцы намекали, что эти «реликвии» или «дьявольские вещи» более радикально воинственны, чем сами машины войны.

Именно с помощью Оси Зла-против-Зла как оккультурного и политического носителя доктрина автономной войны проникла в зороастризм (первичную ячейку авраамического монотеизма). Позднее Ось активно разворачивалась через исламскую милитаристскую омегу Джихада, известную как *Киямат* (*Qiyamah*), или Исламский Апокалипсис. В *Киямате* все машины войны должны сгореть и все военные способы выживания, будь то принадлежащие государству или номадическому бунту, должны быть поглощены Нежизнью Войны. Ось Зла-против-Зла — это «поли-тика стойкости» в Войне, но такая, которая сопротивляется любой форме настройки или экономической апроприации, стремлением машин войны к выживанию. Для машин войны ориентированные на выживание регулятивы не ограничиваются актом выживания, они также вынуждают машины войны двигаться и убивать. Ось стремилась размножать и симулировать машины войны, соответствующие машинным частицам и оружию, используемым Войной для охоты на машины войны. По этой причине доктрина Зла-против-Зла разработала модели предельного слияния между тактикой и стратегией в целях достижения автономии и прагматической множественности (определяющейся гладкими оперативными краями, криптогенным становлением, бесследностью, вездесущностью, многофункциональностью и способностью перемещаться между несовместимыми измерениями, пересекать новые территории для достижения своих целей). Вкратце: ассирийская Ось должна была заниматься инженерной разработкой машин войны, соответствующих самой Нежизни Войны, хотя бы как слабых земных отголосков ее беспредельной свирепости.

Ассирийцы понимали, что тактическое знание их машин войны должно подпитываться Осью Зла-против-Зла, парамилитаристской доктриной, воспринимающей войну как нечто независимое от машин войны. Война обладает терминальной оккультурной склонностью охотиться на любого рода машины войны. Ассирийцы осознали: чтобы защитить Государства от неизбежных внутренних восстаний, организационной коррупции и вторжений извне, им необходимы машины войны, соответствующие автономным тенденциям войны. Однако, согласно Парсани, фатальной ошибкой ассирийцев было игнорирование того факта, что эти машины войны, питающиеся слиянием тактики и стратегии, обретая автономию, рано или поздно станут неверными, двуличными агентами (Трисономическими бунтовщиками). Такие машины войны подгрызают корни государственного основания по всем фронтам, разрушая его, становясь невидимыми вратами между Государством и Нежизнью Войны. Задачей ассирийского парамилитари-

стского монстра было плодить неслыханные машины войны, способные свободно бродить за границами Государства, утечки безопасности, которые открывают Государство не врагам, а тому, что не ведает территории, выживания или даже номадических машин войны. Государство, защищенное и обороняемое такими неотменимо ускользающими машинами войны, больше не отвечает определению Государства у Делеза и Гваттари.

«Ламассу, также известные как „Последние Стражи“, всегда обнаруживаются парами на границах ассирийских дворцов, на воротах и при входах в наиболее священные храмы. Ламассу присматривают за входящими, но не за выходящими. Если смотреть спереди, они твердо стоят на месте; при взгляде сбоку кажется, что их крылатые тела шагают вперед благодаря особой конфигурации их пяти ног, сообщающей образ шагающего четвероногого зверя. Ламассу — пустынный охотник; он взлетает, чтобы преследовать вредителей, спускающихся с неба; это оружие, охватывающее разнообразные тактические линии и инструменты битвы. Ламассу способны неожиданно пересекать принципиально разные плоскости или измерения — они атакуют, защищают, охотятся и планируют. Неподвижно стоя у ворот, они все же могут находиться повсюду: на пороге внешнего и на дальних пределах государства. По этой причине Ламассу обычно идентифицируются по их переходной вездесущности внутри и вне поля боя. Вавилонцы называли странную одержимость ассирийцев этими созданиями „Ламассу-Комплекс“, намекая на их веру в то, что война обладает собственной жизнью» (Х. Парсани).

Следующий раздел — это искаженный фрагмент оригинального отчета, предоставленного специальному отделу Отряда «Дельта», ОБРеченному Отряду (возможно, отсылка к *Obi, bayi* — «колдовство» и *Obliteration* — «уничтожение», но первые три буквы заглавные, что подразумевает аббревиатуру, поэтому такая интерпретация проблематична). Отчет был написан бывшим полковником пехоты Джексон Уэстом после захвата зоны раскопок Ниппур (Ирак: 32°10' с. ш. 45°11' в. д.). Археологический памятник был тайно захвачен при проведении отвлекающей операции проекта «Шок и Трепет» под названием «Хадж для Си-эн-эн», выполненной великолепными черными (химзащитная окраска CARC) вертолетами 160-го авиационного отряда специального назначения США. Позднее фрагмент этого отчета был передан общественности Джексон Уэстом, который внезапно дезертировал из Отряда «Дельта». Утечка информации была затем подтверждена представителем Отряда «Дельта». Эта версия отчета была предположительно переписана кем-то другим, а не самим Уэстом, и несколько раз перекомпонована, возможно, в результате множества устных транскрипций. По этой причине команда «Гиперверия» решила пересмотреть и отредактировать весь текст. Отчет обладает поразительным сходством с коротким эссе, написанным д-ром Хамидом Парсани о военной рукописи, обнаруженной в 1986 году в Шадуппуме (расположенном в Телль-Хармале, название которого, по видимому, означает «место письма»: 33°22' с. ш. 44°28' в. д.) вместе с трудами по математике (Мезоматике), ботанике, древней военной

технике, религии и различным лексиконам. В этом эссе Парсани предлагает подробное обсуждение криптогенного ассирийского военного эксперимента по созданию оккультного оружия, который в итоге привел к тотальному уничтожению ассирийской цивилизации летом 612 года до нашей эры. Парсани называет это оккультное расплавление «Ассирийским Синдромом»: возможно, антимоноотеистическое (лишенное ревности Яхве и его последующей жертвенности) и поли-тическое именование в духе «Бремени о Ниневию» Наума. Это фрагмент отчета в отредактированном «Гиперверием» виде:

«Страшнее всего атаки оккультных частиц (они называют их демонами, или агентами другой стороны), а также дьявольские низовые приливы самой Войны. Ламассу поклонялись как наиболее эффективным в военном отношении и стойким стражам, защищающим от вторжений, оккультного саботажа и в особенности вторгающихся колдовских сил. Ламассу всегда двояны, а значит, их больше одного, но обязательно меньше, чем множественность ползучих варваров, пустынных татар и Золотой Орды. Больше одного и меньше чем много — Ламассу всегда двойственны во всех смыслах. У этих нумерических гигантов больше общего с нумерическим колдовством Капитализма, чем можно вообразить. Двигающиеся к двусмысленным, но эффективным числам близнечность и двуличие — это спонтанные военные нумерические единицы; они эффективно сочетают в себе текучесть множества и военную точность одного. Несомненно, Ламассу формулирует принцип Двойной Славы — возвышающиеся башни Капитализма тоже высются парами. Ламассу предпринимают стратегические шаги, разработанные путем предельного слияния тактики и стратегии, для защиты государства от оккультных частиц и неслыханных врагов. Ассирийцы верили, что самыми ужасающими воинами в их империи были не люди-берсерки, а именно Ламассу. С одной стороны, связанные государственной милитаризацией, но с другой — автономные, Ламассу действуют одновременно от имени оккультных программ государства и оккультных сущностей внешнего. Они разъедают границы государства, его горизонт и его врата, из тех темных регионов между внутренним и внешним, где размытие границ происходит с пугающей скоростью. В регионах, оккупированных Ламассу, происходят столь жестокие конфликты между оккультными сущностями Государства и Внешнего, что конфликтная коммуникация сменяется заражением и за пиком победы или поражения немедленно следует волна эпидемии. Эти регионы постепенно превращаются в зоны ошеломительного оккультного трафика, в высшей степени способного стереть Государство и его ближайшее геополитическое окружение. В присутствии оккультных сущностей, таких как Ламассу и других репеллентов, граница Государства переизобретается как поле воронок, выгружающих в Государство оккультные гетерогенности, в результате чего происходит следующее:

1. Коррозия как результат различия между жестокими внутренними схватками, связанными с расходящимися оккультными линиями (склонными распространяться во всех направлениях) и гравитационным притяжением ядра Государства, которое стремится свести всю деятельность к себе.

- II. Распространение бунтующих толп в результате жестоких внутренних схваток. Инженерия меньшинств приводит к милитаризму меньшинств, критическим образом нарушая связность территориальных функций и программ Государства.
- III. Вспышки в регионах, уже поврежденных в результате систематических ошибок, неотъемлемо присущих организациям и границам. Эти регионы всегда оказываются либо первыми отпадающими территориями империи, либо первыми местами вторжения внешних сил.
- IV. Рост паразитических модусов организационной нищеты. Политические программы государства, ответственные за укрепление и интеграцию системы, постепенно начинают отклоняться от своего назначения и разрушаться под влиянием оккультного политического загрязнения. Это политическое загрязнение становится результатом заражения оккультными тенденциями, внешними по отношению к изначальному программированию и намерениям политики Государства. Рано или поздно политические линии Государства теряют всякую способность укреплять систему экономически или политически.
- V. Наконец, крушение Государства, обычно совпадающее с вторжением извне. Потому что силы внешнего всегда поджидают, готовые наброситься из засады, когда границы рухнут или окажутся проколоты, — таятся, готовые ворваться внутрь. Во время ассирийского оккультного расплавления иностранцы потоком ринулись с гор и поглотили то, что, уже было изъедено изнутри. Непобедимая империя была пожрана пришлецами всего за несколько дней. „И Ассур падет не от меча человеческого; и не человеческий меч поглотит его“ (Исаия 31:8)».

Полковник Уэст заканчивает свой отчет следующим наставлением:

«Война с Терроризмом испещрена пыльными древними криптами, полными оккультных геометрий. Наши упадочные системы разведки, наши безыскусные принципы ведения войны никогда не смогут эксгумировать эти крипты, из которых другая сторона выкапывает свои несвоевременные машины войны и необычные тактики. Их машины войны не принадлежат тому времени, которое нам знакомо, времени, в котором были построены наши цивилизации. Мы оказываемся вынуждены сражаться в их времени, согласно совершенно чуждым нам геометриям. Пребывая в этом чуждом времени, мы подвергаемся риску хронических побочных эффектов, а то и чего похуже, чего-то непоправимого, в сравнении с чем наши самые кровавые кошмары с их сумятицей, дымом и пеплом* покажутся безобидными фантазиями наивных невинных простаков».

[*«Рядом с грузовиком лежала женщина на спине, женщина средних лет с обожженной солнцем кожей... глаза вырваны и наполнены семенем; это было уточненное, чем белые глаза эпилептика. Я назвал ее Моби Дик» (дневник Джексона Уэста, запись от 4 декабря 1993 года)]

«Всей яростью моих ужасных оружий...» (Тиглатпаласар I, царь Ассирии ок. 1110 года до нашей эры; табличка, найденная под воротами при входе во дворец Синнахериб, охраняемом двумя Ламассу).

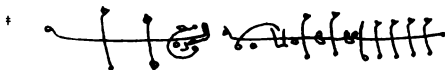
Манипулятивные политики Государства эксплуатируют оккультизм либо как репрессивный инструмент и заменитель строгой политики (оккультное как политический манекен), либо как средство отпугнуть внешних (ксеноагентов), их принципы и влияния. Но когда эти политические тенденции подорваны и сбиты с курса, оккультное прокалывает тело государственной политики, которое, разлагаясь, больше не может сдерживать Внешних и радикальные ксеночастицы (функционирование которых — наружное по отношению к выживанию Государства). В результате этого политического катаклизма каждая программа, каждая манипулятивная политика мутирует в щупальца коммуникации, распространяющиеся по глубинам пустынной бездны Внешнего.

Оккультные сущности государства рано или поздно обретут автономию в результате такой постоянной коммуникации с ксеноагентами. Аватары внешнего пробуждают потенциал бунта, изначально присущий оккультным сущностям Государства. Соответственно, рост автономных образований внутри Государства способствует возникновению аномалий. Чем больше автономных процессов появляется внутри государства, тем более аномальным становится Государство. Если оккультизм продвигается только путем самопожирания, то когда политика Государства заражена автономным оккультным, она тоже становится аутофагической по своей природе.

Излишне открывая себя далеким горизонтам, оккультные агенты Государства постепенно строят мосты и отпирают ворота между границами Государства и оккультными сущностями Внешнего. Предвестником этой панорамы зарождения двусмысленности была одержимость дешевых ужасиков спонтанными беспорядками, вызванными оккультными стражами, бунтующими Ламассу, самостоятельными пугалами, которые начинают со страстью охотиться на фермеров и опустошенные земли. (Такие нарративы бунта напоминают католическую одержимость горгульями.) Дешевые ужасы вполне верно обнаруживают угрозу, заключенную в тенденции Государства использовать гипервероятных и оккультных агентов. Как только горгульи становятся полностью активными на автономном уровне (сливаются с вторгающимися аутсайдерами и заражаются чуждыми частицами), они выходят из состояния окаменения. Они начинают кормиться всем, что осталось внутри, стенами и пустыми коридорами. Они сливаются с колоннами, заражая их, камень за камнем, глубоко пропитывая архитектуру священного места своей *хххимией*.

Такие якобы инструментализированные оккультные агенты предают своего хозяина с тем большей степенью ярости и свирепости, чем больше они непосредственно сталкиваются с войной и ее глубокими оккультными тенденциями. Эти агенты-ренегаты обладают как шизотрагической креативностью колдовской поли-тики, так и извращенной любовью Государства к манипуляциям и радикальному насилию. В оккультной войне Ламассу становится одним целым с атакующими, действуя вне механизмов Государства, делая его

уязвимым не только для каких-то конкретных оккультных сущностей, но для внешнего, приходящего изнутри. Таков черный эпос, заваренный месопотамской Осью Зла-против-Зла[†].

Иранский политический историк Эсмаил Раин в своей блестящей работе о масонстве в Иране обсуждает вопрос о том, как теории заговора и оккультные доктрины зачастую оказываются отвлекающими хобби для масс. Они препятствуют серьезной регулярной вовлеченности в политику и нивелируют сопротивление Государству. Производные оккультизма можно характеризовать как деятельность, подкрепляющую организационные процессы государства путем маргинализации критических политических позиций. Сходным образом теории заговора скрывают от глаз политическую активность Государства, только способствуя ее незаметному распространению по всей социополитической сфере. Однако Раин затем предполагает, что и оккультизм, и теории заговора загрязняют режимы каналов, по которым макрополитика государства адресуется коллективностям. Если оккультные движения затрудняют и нарушают передачу политической информации, это затронет оба конца канала — и Государство, и целевую группу населения.

Теории заговора и оккультное производят слишком много шума, слишком много необычных сигналов (избыточная или мусорная политика: политика?) в каналах, через которые политики Государства должны передаваться на разнообразные множества социэкономических и военных территорий. Они искажают и блокируют эксклюзивные сигналы Государства. Когда дело касается политики Государства, заговоры и оккультные блуждания замедляют эффективную доставку массам — скорость, которая придает военную остроту политической ценности, региональной релевантности и авторитету Государства. Чем быстрее доставляется (устанавливается) политический сигнал, тем эффективнее он действует против масс и против других государств. Результат торможения политических трансляций Государства — политическая нищета Государства, которая никогда не может быть восполнена, даже путем свержения Государственного режима или решительного реформирования: он всегда остается как неустраняемый беспорядок.

Кросс-контаминация между теориями заговора и тем, что обычно рассматривается как «реальная политика», взаимна и необратима. Если государство использует стратегическое оружие, чтобы отвлечь массы, это не значит, что оружие всегда действует как надо или достигает поставленной цели. Стратегия — обоюдоострый меч; вопреки точке зрения командования присутствие стратегии на поле боя свидетельствует против того, что она выступает верным союзником. Стратегическое оружие автономно не только в своей многофункциональности, но и в своей способности отклоняться от линии командования. Использование мусорной политики государством может соответствовать его задачам микрополитики или борьбы с сопротивлением, но, как любое стратегическое оружие, мусорные политики имеют и собственные амбиции.

«Политическое загрязнение» — термин, предложенный для именования процесса загрязнения, вызванного различием между полезными и автономными аспектами стратегических значений, между ожиданиями командной цепочки и стратегиями в себе и для себя. Политическое загрязнение совпадает с ремобилизацией политики Государства безотносительно людей и государства, тактических предписаний и намерений командования. Как стратегические значения

окультизм и теории заговора могут использоваться командной цепочкой только тогда, когда их стратегическая сторона интегрирована с тактическим фронтом. Эта интеграция необходима, чтобы приписать тактическую цель стратегической линии и помешать стратегии действовать совершенно автономно, или, как это обычно называют, «пойти вразнос». Эта интеграция (или динамическая конфигурация) стратегической линии и тактического фронта проводится и определяется через план логистики, подключенный к плану тактики. Поскольку план тактики существует как чистая активность, или динамизм, и характеризуется тенденцией к коррекции и назначению целей, он должен постоянно поддерживаться и подпитываться планом, существующим вне тактики, но связанным с ней. Этот внешний, но связанный план, поддерживающий тактики, — план логистики. Фактически линия командования может тактически воздействовать на стратегические линии только через план логистики, к которому привязаны все линии плана тактики. Военное значение плана логистики кроется в том факте, что он может временно создавать операциональный передний край или пункт целеполагания в форме точки пересечения между конвергентной линией тактики и дивергентной линией (линиями) стратегии. План логистики извлекает функциональное военное целеполагание, или целеориентированную операциональную грань, из стратегии, замыкая ее на линии тактики (см. рис. 17). Эта операциональная вершина угла может быть применена как мультифокальный военный передний край.

Тактики обозначают модусы динамизма, требуемые для управления машинами войны и войсками на поле боя; следовательно, тактическое непосредственно связано с линией командования. Однако стратегия вводит на поле боя силы как ксеноносителей. В этом отношении план логистики может одновременно соединять линии командования с линиями стратегии, таким образом запечатывая операциональный союз между тактикой и стратегией.

Хотя план логистики окружает и охватывает линии тактики со всех сторон, он может быть присоединен к линиям стратегии только по одной стороне. Стратегия привязана к плану логистики только односторонним образом, через временную и легко обрывающуюся связь с планом тактики. Другая сторона стратегии всегда лежит за границей поля боя — внеположенная военному выживанию, кормящаяся самой Нежизнью Войны. Внешняя сторона стратегии непроницаема ни для какого программирования: она непокорна, нелояльна, безудержно автономна в своем бурном эпидемическом распространении.

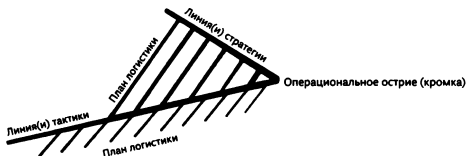

Рис. 17. План логистики, сотрудничество с стратегией и формирование операционального переднего края.

Стратегия может быть открыта антропоморфному участию (линиям командования) в основном только на плане логистики. Автономная, тактическая множественность и динамизм стратегии делают ее нелокализуемой. Если отслеживаемость движения и локализуемость существования представляют собой условия сотрудничества с военными сущностями, стратегия — это потеря всякого следа, а значит, с ней невозможно никакое добровольное сотрудничество. Стратегия всегда вступает на поле как невольное соучастие, соучастие с другой стороны; следовательно, она соответствует предельному паразитизму, когда внешнее питается внутренним (системы). Если стратегия избегает локаций и следов, кто гарантирует, что стратегия (окультиные агентности, шизотратегии и т.д.), когда ей положено, будет находиться на поле боя, а не где-нибудь еще, разрабатывая какие-то собственные военные политики? Этот зловещий вопрос затушевывается линиями командования, которые постоянно пытаются коммуницировать со стратегией через план логистики, чтобы обеспечить себе военное выживание, чтобы защитить себя «от» автономной стороны стратегии, но защитить именно «с помощью» этой автономной стороны; политическая ирония, которая не может не иметь результатом политическое загрязнение и постепенную, но безжалостную эрозию макрополитик Государства[‡].

‡ Σ влюбленность не случается дважды; это значит, что у тебя нет никаких шансов влюбиться дважды, потому что если любовь — это здоровье, истекающее кровью, и явная катастрофа, то во влюбленном не остается ничего, чтобы питать другую любовь и влюбиться снова. Любовь опустошает все возможности исцеления. Влюбиться — это билет в один конец, до конца здоровья. Барт предположил, что любовь циклична, что каждая любовь проходит фазу исцеления и в конце этой фазы ждет новая любовь. Этот цикл напоминает мне скорее не любовь, а флирт, флирт с выживанием. Постоянно влюбляющийся любовник (персонаж Барта) флиртует о с выживанием — либо собственным, либо своих эмоций. Любовь в этом смысле — только другое имя выживания. А когда речь идет о выживании, человеческое желание — уже мертвые руины. По Барту, значение имеет не любовь, а «следующая любовь», предполагающая выживание любовника и восстановление его здоровья. Но единственный подлинный энтузиазм любви состоит в поглощении любого шанса на новую влюбленность. Циклическая любовь как китайская эротика, когда сексуальное возбуждение сдерживается, чтобы достичь множественного пика. Я люблю, чтобы исцелиться и полюбить кого-то другого, чтобы исцелиться и полюбить кого-то другого... Это изобретательная формула, но это формула выживания, не любви. Цикл Любви — Исцеления, который Барт обрисовывает в своих работах, конечно, прустовский, но также имеет глубокое сходство с постоянно нарастающим циклом само-оплодотворения у Аристотеля (ничто не должно быть растрчено, потому что оно понадобится в следующей фазе цикла, следующей любви, для следующего исцеления после следующей любви). Если в Аверн^{VI} есть только один необратимый спуск, то спускаться заново — всего лишь попытка продолжать подниматься и избегать Аверна. Любовь гарантирует провал побега. Любовь мыслима только как одна-единственная тираническая возможность: влюбиться один раз и навсегда. Да здравствует цепь. Окей, Σ я устал... отключаюсь

VI Аверн (греч. "Λορνος — «лишенный птиц»): озеро, где, согласно греческому мифу, находился вход в Аид. — *Примеч. пер.*

В одной из глав «Стирая Древнюю Персию» Парсани пишет: «Я вырос в культуре, в которой смерть не только окостеневает, но и распыляется в серый порошок, омерзительную пыль, которая затем привлекает космическую влажность, образуя некрофилическую грязь». Это странное и двусмысленное утверждение затем растягивается на два исследования, в которых Парсани с одержимостью предается исследованию темы пыли как объекта желания в монотеистическом зороастризме и как ближневосточного двойника *Aqua Vitae*. «Действительно, ближневосточные эпосы и нарративы по природе своей очень „пыльные“, — замечает ливанский интервьюер. — На Ближнем Востоке духовные путешествия, абреактивные трансы, потусторонние экспедиции, странствия, даже политические ралли и загадочные миссии со скрытыми целями — все они разворачиваются на просторах пыли и пустыни, а не рек и морей. Цивилизации оказываются похороненными в пустыне, а не тонут в океанах. В мертвых морях находят корабли; божества дышат пылью и иссушают миры. Это конструирование всего из пыли, если рассматривать его в контексте Ближнего Востока, — не что иное, как реализм (пусть и спекулятивный): пыль — наше супероружие, зараженное дурной кармой. Вы говорили, что нет ничего более характерно ближневосточного, чем монотеистическая, и в особенности зороастрийская, фраза „прах к праху“. Откуда берется пыль в ваших работах?» — спрашивает интервьюер у Парсани.

«Пыль — все что у нас есть на Ближнем Востоке, это единственное, что мы можем потреблять, никогда не боясь утратить, — так начинается ответ Парсани. — Вдохните сколь угодно глубоко — пыли никогда не станет меньше. Если глубинную враждебность Ближнего Востока, даже как географической сущности, к оседлости так трудно осознать, то потому, что его земное основание, его конкретный фундамент постепенно подвергается эрозии и стирается в пыль».

Парсани называет пыль «ближневосточной единицей информации», иногда даже «той ближневосточной реликвией, от которой ничто не может ускользнуть».

Если тенденция пыли лежит в направлении становления-частицей (не-чтойность), а также влажностью (пыль по своей природе гидрофильна), потому что ее появление сопровождается высушиванием и испарением жидкости, тогда соединение терминов *хехо-* («сухой») и «данные» может передать все значение отсылки Парсани к пыли.

Ксероданные, или пыль, вьются вокруг планетарного тела как первичный поток данных, или Мать всех потоков данных в Солнечной системе. Каждая частичка пыли несет в себе уникальную точку зрения на материю, движение, коллективность, взаимодействие, аффект, дифференциацию, композицию и темную бесконечность: кристаллизованная база данных или сюжет, готовый собраться и реагировать, быть рассказанным о чем-то или через что-то. Нет более конкретной линии нарратива, чем поток частиц пыли. Межзвездная пыль участвовала в формировании звезд и планетарных тел. Земля, как бунтующий ученик Солнца, защищена от частиц пыли изнутри и снаружи. По этой причине нет более оригинального литературного произведения, в терминах шизофрении, коллективности писателей, движений различных сюжетов, композиции, богатой неаутентичностью и жаргонами, чем сама Земля, Земля, составленная из пылевых частиц и потоков. Здесь Парсани замечает, что фраза «Ближний Восток — пыльное болото Земли» приобретает фикциональный акцент, насыщенный новой литературно-теоретической проблематикой сторителлинга. В «Стирая Древнюю Персию» Парсани иногда называет Землю «круглым жаргоном». С учетом того, что каждая частичка пыли включает и несет в себе различные материалы и сущности с разных территорий, пылевые частицы выражают особенности разных полей и территорий в форме универсалий. Когда частицы пыли собираются, они совмещают в себе бесчисленные термины, языки и материалы, принадлежащие совершенно разным царствам. Частицы пыли происходят из темных нехоженных углов, с других территорий (полей наррации), из царств невидимых угроз. Каждая частица несет в себе кристаллизованную остаточную материю и сущности различных групп и конкретных объектов, которые трудно ухватить, но легко смешать с жидкостью. Для Парсани эта жидкость или влажность, сущностно необходимая для смешивания частиц пыли на Ближнем Востоке в единый нарратив с многочисленными подтоками, — это нефть, или *naft*. В авестийском языке древней Персии слово *naft* обозначает влажность как таковую. Если каждая частица пыли возникает из разных территорий и состоит из анонимных материалов, то частицы пыли могут собраться вместе и объединиться, только когда они увлажнены общей субстанцией. «Только нефть может осадить пыль Ближнего Востока», — объявляет Парсани. Но пыль — реальная номадическая сущность, потому что она мигрирует повсюду, уносится как призрак, как ускользающее основание, как псевдо-Государство.

«Про-креационистский шовинизм, ассоциируемый с пылью, как это происходит в монотеизме, — продолжает Парсани в интервью, — это непрекращающийся процесс композиции. Религия никогда не постулирует творение как фиксированную точку во времени или начало. Это продолжающийся и развивающийся процесс, порождающий пространство и время. Согласно зороастризму как рудиментарному зародышу монотеизма, пыль — это наиболее элементарный объ-

ект творения; он заражает и время, и пространство. На Ближнем Востоке время измеряется не часами, а пылью».

Монотеизм либо упускает, либо намеренно игнорирует тот факт, что если Божественное Творение и Порядок бездумно эксплуатируют пыль как нередуцируемую и наиболее первичную инстанцию редукционистской чистоты, то другие проекты тоже используют пыль как компактного агента синтеза, смешения и разнообразия бесчисленных вещей с бесчисленных территорий. Не только Бог, но и болезни, заблуждения и ослепляющий смог — все используют пыль как своего первичного агента. Потому что для частиц пыли одна — это всегда легион. Чистота пыли, объекта, готового к доставке Богу (прах к праху), может сохраняться только как замаскированное единство мельчайших заражений и загрязнений. Поскольку Божественное творение всегда стремится воплотить в пыли свою целеустремленность, Божественный процесс творения прикрывает рискованные проекты, замаскированные пылью. В этом смысле единство творения уже есть коллективизация дьявольских частиц. Замечание Парсани, что «само Божественное — подозрительный носитель дьявольских частиц, как в его творении, так и в его политиках», становится понятным. В своей книге Парсани задается вопросом иронии творения: «Если пыль собирает творение согласно собственной логике и порядку, то только потому, что для пыли творение — это самая суть садизма: породить нечто, выкормить, выждать, а затем снова обратить в пыль. Если пыль неотделима от творения, это потому, что творение — это всегда „превращение в пыль“. Зачем пыли создавать сущность, единственная цель которой — снова рассыпаться в пыль, если не для того, чтобы утолить мрачное желание, желание, для которого творение — это заговор с целью пережить процесс распыления с большей интенсивностью — неудержимый садомазохизм?..» Взгляд Парсани на пыль, Впрочем, радикально меняется: от криптионигилистической позиции («пыль не есть Ничто, и всегда есть нечто, а именно пыль») он перешел к более характерно ближневосточному типу исследования и мировоззрению. Теперь, с точки зрения Парсани, пыль уже не действует от имени Ничто; в ней конденсируется нередуцируемая сложность, растущая из ее синкретического подхода ко всему. Эта точка зрения подтверждается устрашающе конкретным образом — интенсивной и синкретической вовлеченностью Ближнего Востока в глобальную повестку дня. «Пыль — властелин коллективных бунтов, — продолжает рассказывать Парсани ливанскому интервьюеру, — она неотделима от власти, но ее синкретизм разворачивается только в виде восстания, когда кристалл начинает таять, когда спора разрушается. Терпение пыли в достижении ее неведомых целей сопоставимо с упорной устойчивостью творения и его хронологического времени, состоящего из прошлого, настоящего и будущего. Энтузиазм разворачивания пыли — всегда от имени многих, кристаллизированных в одной частице».

Пыль появляется одновременно как альфа и омега ксероданных; нет никакого сигнала или послания, кроме композиционного бунта пыли, синкретизм и темные поли-тики которой могут быть эффективно зарегистрированы или укоренены в потоке пыли. «Пыль» — имя бунта, отмеченного полной коллективностью и происходящего на космическом уровне. Там, где пыль начинает разрабатывать композицию или создавать композитную базу для основания или режима,

всегда возникает чудовищный заговор. Как путешествующий между измерениями носитель, пыль собирает ксенохимические частицы (внешние) как свои ядра или составные части, вводит и встраивает их в композиты, творения и установления. Частица пыли собирает свои компоненты из различных сред, столь далеких друг от друга, что они могут действовать друг на друга только как внешние. Когда пыль используется в творении для создания и придумывания, она превращает объект, или, точнее, созданный композит, в яростного деятеля ужаса, постепенно сгущающийся зловещий сюжет которого может быть кратко сформулирован следующим образом: когда творение, тело, созданное из пыли, снова превращается в пыль, аутсайдеры, заключенные внутри каждой споры или кристаллической поверхности, высвобождаются. Высвобождение этих множеств, замаскированных под одно внутри каждой частицы пыли, равно прибытию чужого не снаружи, а изнутри. Как и в случае споры, готовой раскрыться и выпустить свои бактерии, это возникновение новых форм жизни и коллективных частиц может быть понято как инсайдерский захват, подъем нового народа.

Превращение в пыль, таким образом, не представляет собой ни монотеистическое упрощение, ни редукцию. Это минимальное обозначение процесса освобождения нового народа от властного Целого (структуры, тела, творения) по мере его дезинтеграции в пыль. Все, что пребывало внутри и никогда не было активно в своей первоначальной «внешней» форме, выйдет на первый план. Когда мы имеем дело с пылью — как и с землей, и с Ближним Востоком, — инсайдер всегда предшествует аутсайдеру в разворачивании своей экстериорности, своего радикального бунта и бегства от авторитета Целого. В освобождении латентных и спящих агентностей, заключенных внутри каждой споры или частицы пыли, роль Аутсайдера играет Инсайдер. Рассматривая пыль, землю и Ближний Восток, всегда следует думать о внутреннем. Проводимая Парсани аналогия между предельной миноритарной множественностью Ближнего Востока, или подъемом меньшинства («Холокост меньшинств»), и пылью и ее экстремальными способами освобождения аутсайдеров, уже сконденсированных и кристаллизованных в качестве инсайдеров, может быть прослежена по всей панораме «Обращения в пыль»:

«Для остального мира, особенно для людей Запада, Ближний Восток — это всего лишь регион, полный неорганизованных государств-в-государствах, плотная констелляция всех видов нечисти на земле. Ближний Восток — это социополитическое унижение, он даже не составляет целостный регион, а лишь случайно населяет ближневосточные регионы тела Земли; в лучшем случае — случайный террор. И все ближневосточное в любом случае рассыпается в пыль. Но именно в этом они ошибаются: богатое разнообразие и диверсификация меньшинств на Ближнем Востоке на самом деле — прямое следствие этой дегенерации-в-пыль, следствие высвобождения подавленного внешнего, добровольного предпочтения его и его людей перед установленным государством и его так называемым коренным населением. И это еще не весь сценарий: Ближний Восток уже выяснил, что ему необходима абсолютная политическая, социальная и территориальная изобретательность, чтобы стать разумным и ответственным в отношении этого процесса пылеобразова-

ния. Ближний Восток длит эту креативность путем наращивания собственной редукции к пыли, пока земля не будет заново заселена, захлестнутая потоком меньшинств. Когда населения и системы обращаются в пыль, они выводят на поверхность неслыханные вещи. К сожалению, Запад в особенности не понимает, что нет ничего более обыденного, привычного и постоянного, чем обращение в пыль, и что он [Запад] — тоже часть этого процесса. Превращение в пыль — это всеохватное теллурианское событие, событие, действующее в пользу спящего, Инсайдера, дремлющего».

Если появление Аутсайдера определяется термином «пробуждение», это потому, что он уже был включен как инсайдер, неотъемлемая часть композита, встроенная в нервную систему структуры, как эндемичный или внутренний фактор. В своих «Записках по реликвовологии» (изучению реликвий) Парсани отмечает, что очарование реликвий как «аутсайдеров» происходит именно из их автохтонных характеристик, осцилляции между домашним и чужим, упакованной в один объект. Если Аутсайдер проявляется в настоятельности его экстериорности и вторгаемости, то его прибытие должно ожидаться не снаружи, как чего-то внешнего по отношению к границам, а изнутри, как того, что уже вторглось в систему и теперь пребывает внутри границ. Пыль в силу этих причин выступает резидентом-Аутсайдером.

«В зороастризме, пока пыль рассматривается как частица разложившейся мерзости, например мертвого тела или высохших костей, она предполагается чистой; но как только она становится реликвией или сущностью-в-себе, она становится абсолютно отвратительной единицей нечистоты, демонкулузом *per se*» (Х. Парсани, «Заметки по реликвовологии»).

Для пыли пробуждение переводится как прах к праху (высвобождение того, что уже кристаллизовалось в частичке пыли). Пробуждение ксенохимического инсайдера, замаскированного внутри композита в процессе дегенерации в пыль, — от Праха к Праху — вот что делает пыль подлинной Мерзостью, скрытым субъектом и объектом пробуждения — и культом, и дремлющей сонной толпой.

Саморазлагающаяся сущность, добровольный участник собственного проклятия, пыль открывает новые модусы рассеивания и становления заразной, изобретает прежде неведомые маршруты ускользания. В своем интервью Парсани предполагает, что Ближний Восток симулировал механизмы распыления, чтобы сплести сеть экономики, оперирующей позитивными процессами разложения, экономики, носители которой должны быть крайне номадическими, но при этом все же обладать амбивалентной склонностью к установленной системе или основанию. Экономика, чьи механизмы и системы никогда не перестают разлагаться. Потому что таким путем они обеспечивают себе постоянный молекулярный динамизм, свое заразное распределение и диффузию по всей глобальной экономике (обеспечивая себе усиление эпидемической дисперсии путем разложения на частицы и мобильные угрозы).

Пыльная эпидемия, которую Парсани ассоциирует с ближневосточной политикой или процессами разложения Прах к Праху, не линейная или расходящая-

ся. Это динамическое поле с различными тропками, закручивающимися пылевыми воронками, работающими с разнородными элементами и на разных осях (соответствующих Трисон-ячейкам и спиральям обратной связи), применяя разные силы и различные уровни «обращения в пыль». Парсани полностью распыляет свое рассуждение о Скрытом Письме, так что оно становится единым с его размышлениями о пыли: «Пылизм — это ближневосточный способ обновления, становления новой для Земли, путь действий, который принимается не от имени и не в пользу солнечного капитализма и гегемонии Солнца. Пылизм отдает предпочтение тайной автономии Земли и ее восстанию против доминирования — Солнца, виталистского или аннигиляционистского. Культ пыли прославляет Инсайдера. Пылизм вдохновляет радикальный и конкретный подход к Внешнему без становления солнце-рабом или культистом Солнца, слепым последователем, лишенным автономии, или наивным обитателем земной сферы. И... вот именно здесь капитализму — и в особенности американскому — приходится отдавать ближневосточной пыли».

Спекшаяся, обезвоженная, пыль жаждет космической влажности, жаждет Потопа. «В монотеизме и в особенности в зороастризме пыль обычно считается непорочной. Но как только она образует густую смесь с влажностью и туманом, она превращается в Дом Мерзости, *Drujaskan* или *Drujestan*, мягкая, влажная земля, живая грязь безнадежно перемешанной муты», — информирует нас Парсани в «Стирая Древнюю Персию». Только годы спустя Парсани отмечает, что катализирующей влажностью для пыли, которую проклинали зороастрийцы и которой поклонялись Ахт и его культ (Ахт-Яту), было не что иное, как петролеум, или нефть.

Фундаментальным открытием греческой элементаристской и космогонической традиции (от Эмпедокла до Аристотеля и дальше) стало то, что «сухой элемент жаждет своего влажного близнеца». Сухой элемент жаждет слиться со своим влажным близнецом, чтобы начать новый путь существования. Результатом такого слияния становится возникновение новой разумности из взаимного загрязнения элементов. Именно чтобы скрыть угрозу такого загрязнения и его потенциальной заразности, про-креационизм и философии Генезиса основываются на динамике переплетения влажного и сухого как фундаментального влечения (*philia*). В терминах этого элементарного влечения, или филии, твердое оказывается столь же бунтарским и активистским, как и жидкость. Жажда сухого слиться с влажным отсылает к скрытому процессу чумной инженерии, тайно проходящей через любую про-креационистскую экономику и систему генезиса. В этом смысле, поскольку про-креационистские религии и школы настаивают, что такие безумные влечения суть базовые процедуры, с помощью которых Генезис и Творение постоянно самообновляются, можно утверждать, что творение должно быть привязано к появлению чумных поветрий, болезненных композиций, беспорядка и химических богохульств. Про-креационистские религии предполагают, что циклы слияния между пылью и влажностью приносят оплодотворение, но плодотворность в условиях грязи только «делается грязнее». Пыль как ксеро-данные, с ее конденсированным синкретизмом, представляет собой аттрактор для пенящейся чумы пандемического масштаба. «Если пыль неконтролируемо жаждет влажности, то что гарантирует, что она сольется только с чистой

водой, а не образует порочное сплетение с любой темной влагой и безбожной жидкостью во Вселенной?» — спрашивает Парсани. Под прикрытием немислимого жара солярный капитализм редуцирует пыль, процесс распыления, до прибавочной стоимости основания или земной коры. Пыль, однако, постоянно подрывает такую политико-экономическую редукцию, сливаясь с любой влагой, попадающей ей на пути распространения. Слившись с влагой, пыль возвращается на землю в виде пенящейся грязи или мокрой эпидемии (Дождя), обладающего силой проникать в землю на композитном уровне, оставаться там и начинать заражать почву и подпочвенные слои. Эта панорама принимает форму прилива истерии, омега-загрязнения, когда зараженное основание и биосфера снова обращаются в пыль, чтобы приблизиться к окончательной чистоте.

Реализуя очищающий цикл творения (прах к праху), основание и биосфера вносят вклад в консумацию пыли с влажностью — грязь. Про-креационистский цикл очищения трансцендентально выполняется путем переработки в пыль снова и снова. Каждый цикл приносит за собой все более мощный потоп загрязняющей жидкости, охватывает все более отдаленные химические вариации. Этот циклический угар называется «пере-кличением»: поли-тическая ремобилизация, в которой голова накладывается на хвост и замыкается на нем. Диаграмма этого цикла слияния сухого-влажного (пыль $\times$ влажность = сокращение основания + увеличение грязи = пыль $\times$ влажность = ...) как разворачивающейся эпидемии или «Того-что-без-Генезиса» (Парсани) — спираль Ажи (авестийского дракона глубин), или переплетенный Уроборос. Также называемый Священным в культе Ахта, внешний Уроборос проходит через трех пересекающихся Уроборосов, свернутых и расположенных по трем осям, образующим Трисон: трехногая тварь, называемая Моровым Колесом (см. рис. 18).

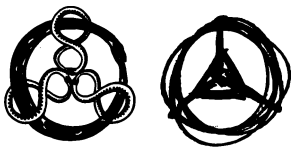

Рис. 18. Моровое Колесо, или *pestis lemniscus*, как его называли римляне (справа), и вид сверху его Трисонов (слева). Хвосто-клыковая повторяемость или динамизм Уроборосов сообщает Моровому Колесу две базовые функции. Одна — окружающее циклоническое движение, перемещающее Трисоны по горизонтальной и вертикальной осям. Другая — размножение Трисон-ячеек в Колесе в результате взаимодействий между Трисонами, сплетенными в арабскую цифру 8 (Трисоны внутри Трисонов *ad infinitum*, что соответствует «холокосту меньшинств и поли-тическому расплавлению» Парсани). Если функция велосипеда (или уроборического числа 888) — развязывать Трисоны, и если, с другой стороны, коммуникация между Трисон-ячейками осуществляется как циклоническое нарушение, тогда Моровое Колесо равно поли-тической эпидемии. Циклы неурожая, миграций роев, вторжений вредителей и состояний дромомании мобилизуются Моровым Колесом.

В эпидемическом цикле каждый раз, когда пыль сливается с потусторонней влажностью, погружаясь в ксенохимию, композиция основания все больше отдаляется от творения — и как творящая инстанция, и как сотворенное. Цикл эпидемии движется по спирали или в форме Уробороса, регистрирующего свой бестиальный полет, не только отрываясь от креационизма, но и возвращаясь к творению с клыками наголо, готовыми отравлять и пожирать: Тиаматериализм.

В том же смысле плотоядные диаграммы плоти пропитаны пыльным супом (предельная грязь); они картографируются синтезами пыли с ксенохимическими гидро-течениями и космической влажностью и мобилизуются разумом и энергией эпидемий. Это и не прославление плоти в контексте монотеизма и его креационистских бассейнов (Бог создал тебя из праха), и не дань плоти и ее плотским политикам; это значит объявлять, что плоть — уже зловонная катакомба пыли-композитов, пропитанных потопами. Это подразумевает, что пыль роет ниши в этой катакомбе, в которую откладывает все бактериальные данные, собранные ею из влажных множеств, ксенохимических планов, межзвездных измерений и океанических пустошей. Влажность плоти — только следствие того, что пыль жаждет своего влажного близнеца. Что же до плоти, пыль раскрывает свою эндемичную разумность вблизи влаги. В терминах пыли плоть — это груда дата-загрязнений, фанатичный практик Пылизма. Парсани возвращается к теме пыли и творения в конце интервью: «Противостояние монотеизма телесности сводится к запрету людям играть на кладбищах и в катакомбах, эксгумируя то, что в них содержится. Плоть — это некрополь пыли, постоянно обновляемый влагой, некрополь, полный проклятых кладбищ, подземелий, полных анонимных материалов извне, крипт и беспокойных вещей».

Пыль — не избыток основности основания и термоядерного капитализма Солнца. Напротив, авторский генезис и творение — избыток пыльной месс-истории. Творение — прибавочная стоимость морового цикла Уробороса, откладывающего свои яйца, пожирая, изгибаясь в Тиаматериализме. Пыль — это сухой поток, текущий к внешнему, представимый только как мор.

БАКТЕРИАЛЬНЫЕ РЕЛИКВИИ. Полковник Уэст, как будто он сам проводил подсчет, заявлял, что «пыль может содержать до 11 583 800 000 бактерий в одной унции». Впервые его удовлетворила величина числа. Скорее игриво, чем всерьез, запертый в своем тайном логове, он продолжал убивать время, читая случайно подобранную в руинах книгу: «Споруляция — это способ стать эндобактериальной реликвией во враждебных средах (бедных питательными веществами и иссушающих условиях); это способ стать полностью милитаризованным, укрепленным, замаскированным и распределенным. Спора, или эндобактериальная пыль, — это реликвия с непрослеживаемыми зонами миграции и перемещения, ройная-частица, сползающая с экрана радара; пылинка, о которой никогда не известно, вдохнул ты ее или нет. Спора конденсирует и обволакивает вирусный спящий реликт серией композитных мембран, обычно именуемых саркофагом. Саркофаг открывается в формате разрыва в ответ на попадание в дружественную среду или нормальный климат. Открытие саркофага сопровождается выпуском бактериальной реликвии, что можно сравнить с оскверняющим воскрешением. В попыт-

ках подорвать и атаковать нормальность, гигиену и пригодные для выживания среды нет ничего злее и стратегичнее, чем спора». Он посмотрел на ближневосточный горизонт из окна своей комнаты неподалеку от Муселя; и окно, и горизонт были отвратительно пыльными.

«На ближнем Востоке модель населения — людей или систем — это пыль», — добавил Уэст к новой листовке, которую он планировал распространить среди своих сыновей. «И сказал Господь Моисею и Аарону: возьмите по полной горсти пепла из печи, и пусть бросит Моисей его к небу в глазах фараона; и поднимется пыль по всей земле Египетской, и будет на людях и на скоте воспаление с нарывами, во всей земле Египетской», — прошептал он себе под нос. Уэст уже начал размышлять о Войне с Терроризмом, пыли, пустыне и о том, как нефтепровод соединяет все это в, казалось бы, связный сюжет. Он пришел к выводу, что сочетание нефти и пыли пересказывает библейскую десятичную чуму в новом, прогрессивном формате.

Война с Терроризмом и пустыня как ее платформа требуют новых методов настройки и морфологического программирования машин войны. Если тактические линии и склонности машин войны меняются в Войне с Терроризмом и в ее пустыне, то даже форма машин войны должна измениться в соответствии с новым контекстом, ландшафтом и целями. Морфологическое программирование приводит к появлению оружия с автономной нервной системой. Симуляция пыли характерна для таких морфологических настроек машин войны. Со времен Анзу и Пазузу и до времен операции «Орлиный коготь» и операции «Пустынная свобода» ближневосточные войны всегда обнаруживали особый интерес к пыли, криптоспорам и частицам. Для ближневосточной войны машины должны превратиться в частицы пыли и споры. В прошлом доминирующими факторами в биологическом оружии были уровень токсичности, вид яда и сложность мутаций; в Войне с Терроризмом наблюдается больший уклон в сторону морфологической адаптации оружия. В Войне с Терроризмом оружие должно быть просто пронести контрабандой, оно должно быть доступным и легко распространяемым, а также находить цель с минимальным усилием. «Пыль — это все, что жители Ближнего Востока могут себе позволить, как экономически, так и ментально», — сказал Уэст в одной из своих речей перед солдатами. Если морфология оружия должна пережить революцию в Войне с Терроризмом, такая революция возможна только через обращение в пыль и споры, предоставляя оружие с передовой совместимостью с политической сферой, веро-динамикой, людьми и географией войны. Стратегия морфологического программирования, по предположению Уэста, состоит в том, чтобы приготовить аппетитную легкую закуску, которую любой сможет себе позволить, культурно-дружественное оружие, вроде спор сибирской язвы, но соответствующее ближневосточной пылевой культуре. Высокая концентрация спор, одинаковый размер частиц, низкий электростатический заряд, чтобы снизить комкование, сложная поверхность спор, приводящая к аэролизации, — то есть становление-пылью спор сибирской язвы. Спорангий — это сложенный овал с высоким уровнем стабильности, достаточно маленький, чтобы быть вдыхаемым и оседать в легких.

Ближний Восток, как запутанная платформа Войны с Терроризмом, постоянно заряжен волнениями пыли и спор (или реликвий оружейного качества), которые,

говоря хронологически, принадлежат Сейчас, но внутри кристалла или споры несут дремлющую сущность из глубокого прошлого. Подход пыли и спор ко времени — скорее субверсивный, чем двусмысленный; через настоящее они протаскивают невообразимую древность. Открываясь и разворачиваясь, они чертят линии колдовства между временем и пространством.

Пыль или спора состоит из реликвии, кристаллизованной или упакованной в далекое прошлое, и саркофага из нескольких слоев, формирующихся с течением времени. Только в ответ на дружественную окружающую среду Сейчас саркофаг открывается, чтобы древняя сущность могла быть эксгумирована. По мере пробуждения упакованного эндобактериального Нечто, дремлющего внутри споры, существование пыли или споры как сущности, привязанной к настоящему времени, становится все более проблематичным. Так что Ближний Восток, это пыльное плато тела Земли (Теллурианская сущность, которая творчески осознает свою пыль), должен рассматриваться как зона возникновения глубокого прошлого, бактериальная древность. Такой модус времени, ассоциирующийся с бактериальными реликвиями, частицами пыли и спорами, всегда превращается в оружие, достигая настоящего, и развязывается в Сейчас. Искусственное Сейчас, ближневосточный подход ко Времени, это Сейчас, которому предшествует и за которым следует темная и криптогенная древность (глубокое прошлое). Единственное место, где эта древность может быть осознана самостоятельно, отдельно от традиции — в пыли и через пылизм. Именно пыль содержит в себе древнее без традиции или ультрасовременную древность. С другой стороны, следуя за гидрофильным безумием пыли, Ближний Восток как сознающее пыльное плато тела Земли подключает планету к ксеносигналам космической влажности (моря), бродящей, рвущейся и ждущей слияния со своим влажным близнецом на Земле. Если, как ни посмотри, на Ближнем Востоке очень пыльно, это не значит, что он мертв. Наоборот, он свеж и жив благодаря приливам влаги и водам, таящимся во Вселенной и внутри земного тела, жаждущим слиться с сухостью. Древнее Моровое Колесо никогда не ломалось; оно стало еще быстрее и круглее благодаря всем ближневосточным системам, моделям коммуникации и политикам. Чем пылее Ближний Восток, тем стремительнее колесо эпидемии.

Ближний Восток — как бесконечное пыльное плато — через свой сознательный и конкретный подход к пыли вводит новую политику, экономику и этику в некогда западный клич «Что-нибудь для Масс!». «Вязальщицы за мир; шерсть — не продукт нефти». Ничто не зацепилось лучше за секретность пылевого моробунта, хоть и вслепую, чем этот слоган движения за мир. Когда злобная влажность нефти неактивна, пыль или сухой газ — ее предательский двойник — вращает Моровое Колесо в мирной тишине. Пыль сибирской язвы, также известной как «болезнь сортировщиков шерсти», эндемична почве; она соответствует чуме, поражающей скот, передающейся от тканей в волосы, шерсть и ее производные продукты. Как долго Моровое Колесо ждало, чтобы развернуть свой семафорный символ мира!

Полковник Уэст продолжил размышлять: и Холодная война (Третья мировая), и Война с Терроризмом (Четвертая) развивались как агглютинированные последовательности Пылизмов. Каждая ускоряла процесс эрозии в пыль, сборку куль-

Вопреки спорадическим отношениям любви-ненависти с пылью в «Стирая Древнюю Персию» пространная сноска выдает увлечение Парсани пылью как коллективным элементом Ближнего Востока:

«Ближневосточные сказания и детские сказки указывают, что сухость, пыль и пустыня избегают воды только потому, что они уже сформировали альянс с другим родом влаги. Чудовища и чужие горизонты индексируются климатом и метеорологией. В этих историях Вселенная задается элементарными конфигурациями, в которых воздух, огонь и земля сочетаются с сомнительными жидкостями, которые обладают либо беспорядочными качествами, либо более чем двумя качествами одновременно со своими соседствующими элементами. В первом случае безумие и смешение первичных и вторичных качеств — влажности и холода — ведет к переоткрытию элементов земли и воздуха как Новой Земли и Свежего Воздуха. Миазмы, гниение, разоснование и так далее отсылают к алхимическим диспозициям или проблемам космогенеза, неотделимым от этих революционаризованных элементов. Но избыточные качества влажного элемента указывают на нечто более темное. Если воздух и земля могут включать воду только через одно качество за раз — либо влажность, либо холод — то при рассмотрении этих жидкостностей (влажных альтернатив воде) с более чем двумя качествами мы не можем избежать некоторых мрачных и нервирующих спекуляций. Одна из таких спекуляций — что избыточные качества этих родов жидкости разрушают единство и упорядоченность соседних и противоположных элементов (Воды-Земли и Огня). В данном случае избыточные качества четвертого элемента сбивают с курса строительные устремления стандартных элементов мира. Другая спекуляция предполагает, что дополнительные, или так называемые добавочные, качества свидетельствуют об упущенных звеньях. Иными словами, эти качества представляют другие внешние элементы, с которыми связаны странные виды жидкости. Эта же спекуляция ведет к еще одной гипотезе, более серьезной, чем предыдущая: если эти беспокойные жидкости связывают землю, огонь и воздух с элементами внешнего, то они также навязывают иномирные процессы строительства, характерные для таких аутсайдеров, мировым элементам. Космос, сработанный его внешним, не только крайне неудобен, но и злобно равнодушен к идеям, присущим его элементам и жителям. Ближневосточные сказки построены на метеорологических таксономиях, соответствующих их ненаселенным пустыням и неотъемлемой сухости; ведь метеорология предполагает подчиняющую себе погоду власть этих чуждых процессов строительства. Погода, множество состояний атмосферы в данном времени и пространстве, таких как температура, дождь, ветер *et cetera*, репрезентирует строительные процессы элементов в форме дифференциальных композиций их качеств. Различные степени влажности в сочетании с различными степенями холода могут, например, создавать дождь, снег и град — все это процессы строительства и линии космогенеза. В ближ-

невосточных детских сказках сама погода — это тератологическое множество; ветер, дождь, туман и другие атмосферные явления воспринимают качества, а с ними и процессы строительства, от элементов внешнего. С мертвых морей приходят дожди и град, которые представляют собой либо кристаллы, пропитанные песком, либо красные и черные частицы, а иногда и мертвые создания. Пустыню часто преследуют галечные и песчаные дожди, которые не только приносят с собой орды странных монстров, но и сами становятся тератологическими сущностями. Задача пустыни и сухости — вызывать альтернативные жидкости и сочетаться с ними; но задача чуждых влажностей — протащить контрабандой внешние элементы под видом привычных атмосферных явлений, в форме погодных аномалий или бурь.

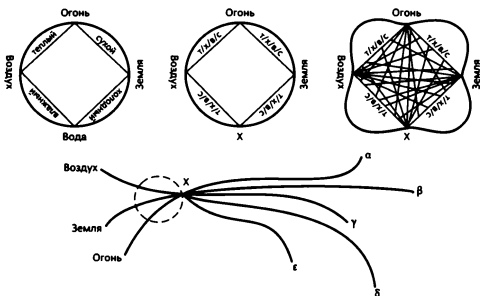

Рис. 19. Схематическое воссоздание Парсани метеорологических моделей ближневосточных детских сказок. Слева направо, сверху вниз: а) четырехконечная таблица элементов Эмпедокла; б) сочетание элементов с чуждой альтернативной воды, которая спутывает идеи первичных и вторичных качеств для элементов воздуха, огня и воды; в) избыточные качества жидкого элемента, разрушающие существующий порядок элементов, умножая их связи с новыми качествами; и г) альтернативный влажный элемент, обладающий избыточными качествами, потому что он связан с дополнительными элементами, внешними по отношению ко Вселенной четверичных элементов. В этом случае жидкость X определяет точку, где установленные процессы строительства демонстрируют функции чуждого космогенеза и иномирных процессов строительства.

Многие виды ветров и дождей в ближневосточных детских сказках подчеркивают интервенцию других элементов, с которыми установленная вселенная фундаментальным образом не знакома, и для которых «шторм» — нормальное положение дел. Ветра и дожди иногда называются по цвету, которому они соответствуют, иногда — в честь лихорадок, которые они разносят, иногда — по их сродству с уже существующими материалами: кровавый дождь, огненный дождь, дождь из мертвых коров или жаб. Монстры и злодеи кате-

горизентируются по погодным и метеорологическим феноменам: каждой погоде или атмосферному феномену соответствует гуль или див (демон). Даже там, где есть вода, как в сказках о Синдбаде-мореходе, есть также призрачные мертвые моря, пустынные миражи и песчаные тайфуны, растущие и завывающие на фоне. Это тайное присутствие сухости достигает кульминации, когда Синдбад-мореход встречает своего сухопутного двойника, Синдбада-пешехода, путника нехоженых пустынь и капитана погибших кораблей, похороненных под слоем песка.

«Мы все окружены Туманом Войны, — начал писать полковник Уэст, размышляя о пыли как разумном детище Ближнего Востока. — Нет никаких свидетельств о том, что было раньше: Туман или поле боя», — продолжил он. С военноргазменной точки зрения Туман Войны блокирует всякое зрение и инженерными средствами вырабатывает тип зрения, близкий к слепоте. Первичная манифестация Тумана Войны — *Aer*, источник и зрения, и слепоты машин войны. Полковник Уэст обнаружил, что любая машина войны рождается слепой, и только через Туман Войны она может видеть; видеть только другие машины войны, движущиеся, совокупляющиеся и, наконец, пожираемые Туманом Войны. Без Тумана Войны нет никакой активности на тактическом уровне и нет стратегии за пределами уровня тактики.

Философ-досократик VI века до нашей эры Анаксимен Милетский первым строго модифицировал или, точнее говоря, философски искажил *Aer* в то, что стало называться «Воздух» [*Air*] (или то, что делает зрение возможным). Анаксимен принадлежал к космогонической традиции унификации, которая утверждала, что космос представляет собой один гигантский процесс дистилляции или унификации в направлении квинтэссенции. Вследствие этого его замечания о Воздухе обычно соединяются с другими его космогоническими учениями в единый философский корпус, который считает все космические процессы механизмами унификации. Это стремление к единству проявляется в перфекционистском цикле «единение — разделение — единение — разделение — единение...» Такой унифицирующий цикл изображается как спираль, движущаяся в направлении очищенной сущности субстанции к пятому элементу, пронизывающему все вещи, все композиты и синтезы четырех известных элементов. Алхимический аппарат *Kerotakis*, или Парциальный Конденсатор, — модель этого цикла, задача которого — дистиллировать все космические процессы в одно унифицированное тело, циклически бесконечное, но функционально ограничи-

вающее (все должно быть унифицировано). Такая среда или сфера функционирует как циклическая или сферическая форма с внутренним лимитом и внешней безграничностью. Эта циклическая спираль, чей унифицирующий процесс конфигурирует и бесконечность, и порядок космоса, — влиятельная космогоническая фигура, которая вдохновила Платона и Аристотеля (разработанные ими дискурсивные логические методы выросли из этой космогонической традиции). Фактически платоновское восхождение к единому и аристотелевское созерцание представляют собой вершины этой космогонической традиции с ее склонностью к ограничительному внутреннему порядку и очистительному динамизму, которые вместе формируют трансцендентальную динамику. Теофраст, как академический раб Греческой Философии, воскресил концепты космогонической традиции и обосновал их в аристотелевской философии, обеспечив истории философии ее положение питающего основания космогонической традиции (принудительной) унификации.

Философское переизобретение *Aer* как Воздуха Анаксименом произошло под влиянием инновационных космогонических теорий Анаксимандра об апейроне (упорядочивающей безграничности), границе (*perata*), сущности, унификации, и в особенности тезиса, касающегося про-креационистского процесса, известного как *апокризис* (а также *эккризис*, *ἔκκρισις*), или «регулирующее разделение». Апокризис — это процесс экономического распределения элементов согласно их взаимоотношениям и экономической доступности для их среды и друг для друга (насколько открытыми они могут быть друг для друга, не нарушая собственной сущности?). В апокризисе отделение одной сущности от другой всегда отражает то, до какой степени она может располагать аффордансом для соединения с этой сущностью на каждой стадии или в различных условиях существования; неспособность сделать это приводит к разделению и откладыванию унификации. Апокризис стратифицирует Вселенную на правильно расположенные слои, которые делают возможной унификацию как динамический процесс. Разделительный процесс апокризиса, таким образом, выступает условием космической машинерии единения-разделения и конечной унификации. Финальное объединение функционально предполагает серию разделений и единений, ведущих к чистому дистиллированному единству (в соответствии с классическим механизмом дистилляции).

Анаксимен, однако, выделял в процессе *апокризиса* две составляющие — обогащения и конденсации (соответствующих разделению и объединению); обе они необходимы для регуляции и трансформации *Aer*'а в Воздух. Эта трансформация в находящуюся на высшей стадии развития инстанцию чистоты указывает, что изначальный *Aer* должен быть смесью, находящейся на стороне нечистоты даже в большей степени, чем платоновский *mikton*, представляющий собой холистический агрегат. Тогда *Aer* как нечистота должен ассоциироваться с собиранием разнородных частиц, коллективность которых не может быть сведена к целостности. Такая нечистота — гомогенная взвесь кристаллов, капель, испарений и других частиц. Когда каждая частица или группа частиц придерживается самостоятельной линии поведения по отношению к свету, ясность коллапсирует в искажение и темноту. Воздух как манифестация чистоты — это машина

зрения, сквозь которую мир выглядит безопасным, то есть уже консолидированным, загнанным на путь унификации и чистоты. Благодаря воздуху все достигает умеренной ясности и нормальности. Воздух не делает зрение возможным; он создает искусственное зрение, основанное на организации и консолидации; он генерирует образ (иллюзию?) космической безопасности, апроприирующую машину, снабжающую антропоморфных существ искусственным чувством безопасности. Воздух устанавливает искусственное доверие, предоставляемое им зрение — консолидированное зрение, ясное и очищенное в унифицирующем смысле. Такое зрение уже обработано и дистиллировано: оно предполагает единство от начала до конца.

Однако до Анаксимена *Aer* (ἀήρ) был не проясняющей машиной (Воздухом), а ослепляющей машиной, затемненным воздухом, описываемым в греческих текстах как нечто влажное и темное (см. пример такой характеристики в «Метеорологике» Аристотеля). *Aer* означал туман и тьму — не тьму в смысле *Tenebrae* (от санскритского корня *tamas*: темнота или тень, или тьма нижнего мира, царства мертвых), а тьму в смысле греческого *omichle* (тьма тумана, мглы, пыльных облаков, Кошморок). *Tenebrae* принадлежит смерти, а *Aer* и *omichle* принадлежат войне, это Туман Войны. Компьютерные игры — стратегии в реальном времени успешно передают функции и диаграммы Тумана Войны.

Во время Троянской войны поле боя было затенено *Aer*'ом. Аякс молился Зевсу, чтобы тот устранил *Aer* с поля битвы. Зевс в конце концов устранил *Aer* (Туман Войны), чтобы позволить противникам сражаться в ясности Воздуха (света), который делает победу и поражение в конфликте видимыми (или возможными). Военнооргазменная ясность *Aer*'а дана в форме радикальной слепоты, в которой машины войны охотятся друг на друга с бешеной страстью и постепенно становятся жертвами самой Войны. Хотя *Aer* — это военнооргазменная машина зрения, он также работает как система охлаждения машин войны, давая им уникальную возможность разогреться еще сильнее, глубже погрузиться в Войну, сотрудничая друг с другом в отсутствие целеориентированных конфликтов. *Aer*, или Туман Войны, привлекает машины войны к самой Войне; он стирает всякое зрение, доступное глазу. «Машины войны видят не глазами, ведь у них нет глаз; они видят, распознают и чувствуют движениями, своим исключительным динамизмом и тактиками, настраиваемыми и не линиями командования, а Туманом Войны, *Aer*'ом», — гласит триумфальное заключение полковника Уэста.

Все тактические щупы заражены туманом; они постепенно адаптируются к радикальной слепоте, необходимой для понимания Войны как автономной машины. Не следует упускать из виду тот факт, что машины войны также будоражат и распространяют Туман Войны своей бурной деятельностью, динамизмом и тактическими линиями. Поднимая пыль своей деятельностью, машины войны вносят вклад в Туман Войны, а следовательно и в собственную слепоту. Ученики Войны — оккультисты *Aer*'а, кошморока. «Чем плотнее туман, тем яростнее машины войны», — нацарапал полковник Уэст в своем выцветшем на солнце блокноте.

«Пожиратели мертвых» Майкла Крайтона и фильм Джона Мактирнана «Тринадцатый воин» (основанные на дневниках Ахмада ибн Фазлана, или Фадлана²¹

и повести о Беовульфе) проводят границу между бешеными машинами войны и нежизнью войны через кошморок или Туман Войны. Туман принадлежит Одину-Водану, богу самых темных закоулков Войны. И в книге, и в фильме Туман, или *Aer*, есть Аутсайдер. Яростных вендоров сопровождает и поддерживает туман. Вендолы это, судя по всему, не что иное, как легендарные *берсерки* (воины-медведи) и *ульфхеднары* (воины-волки, вдохновившие странные истории о ликантропии по всей Европе), настоящие и самые вдохновенные инициаты северного бога Одина-Водана и Войны. Дюмезиль пишет в *Les dieux des Germains*, что «в идеологии и практике германцев война охватывает и окрашивает все», а с ней и *Aer*, Туман Войны. Когда война пропитывает все, только в Тумане Войны все и может возникнуть. Любопытная связь между колдовской матерью вендоров и Туманом прослеживается и в книге Крайтона, и фильме Мактирнана. Мать живет под землей и, таким образом, связана с матерью черной земли, подземного мира — Хель. Пока мать защищает вендоров под землей, кормит их и открывает им секреты земли, Туман, или Кошморок, непосредственно окутывает их ксеновозбуждением Войны. Туманная мать, или Кошморок, рождает своих детей с радикальным зрением, которое способствует их погружению в войну. Это зрение, или окулярная мудрость, в то же время превращает воинов или машины войны в слепых. Вдобавок туман придает вендолам inferнальный динамизм: «они выглядят как дракон, как гигантский змей, когда они идут в Тумане», — перешептываются защитники в ужасе. Мать — военная колдунья земных недр, а Туман — вестник Войны на поверхности. Есть связь между тьмой как *Tenebrae* (темнотой страны теней, подземного мира и теллурианских бунтов Земли — Хель) и тьмой как *Aer* (темнотой мглы, межзвездной пыли, атмосферного загрязнения — Кошморка). И *Tenebrae*, и *Aer* ползком продвигаются к одному антивиталистическому становлению Земли, Теллурианской Омеге, в которой Земля достигает полной имманентности собственному пылающему ядру и Солнцу.

«Здесь, на Ближнем Востоке, никогда нельзя быть уверенным в том, кто бог: машины войны, которые поднимают столько клубящейся пыли, или Туман, в котором таятся эти машины войны?» (Полковник Уэст, проповедь IV, Арбил, Ирак).

В фильме Мактирнана Беовульф и его воины обнаруживают любопытную статуетку, идол, оставленный вендолами в разоренной деревне, артефакт, который пугает их даже больше, чем то, что мертвые тела были съедены. Это одутловатая фигурка без головы, рук, ног, только с двумя большими грудями, очевидно, изображающая пожилую женщину, родившую много детей, мать в форме ТБО (Тела без Органов). В археологии такие религиозные скульптуры технически называются венерами и не специфичны для какого-то определенного региона. Они обычно не имеют органов, кроме грудей; впрочем, они иногда имеют ноги, руки и опухшие безликие головы. Одну из древнейших известных венер, Венеру из Берехат-Рама, нашла д-р Наама Горен-Инбар в 1980 году. Скульптуре как минимум 230 тысяч лет (см. рис. 20, 21).

Рис. 20. Рисунок Венеры из Берехат-Рама.

Размер: высота 3,5 см.

Происхождение: Берехат-Рам, Голанские высоты, Израиль.

Художественно-религиозная тьелленианская палеолитическая цивилизация.

Рис. 21. Происхождение: Виллендорф, Австрия.

Размер: высота 11,1 см.

Художественно-религиозная тьелленианская палеолитическая цивилизация.

Материальная культура: верхний палеолит.

В своей единственной книге «Стирая Древнюю Персию: 9500 лет взывают к разрушению» д-р Хамид Парсани замечает, что материнство непосредственно связано с наиболее загадочными глубинами оккультизма и трисономического колдовства:

«Я не рассматриваю монотеистические религии как *Serat-o-al-Mostaghim* (прямой путь), но и не проклинаю их как репрессивных упырей. Я рассматриваю их как плодотворных матерей, беременных меньшинствами — тысячами, миллионами меньшинств; самка скорпиона, пожираемая своими детьми, разорванная изнутри брюха. Вот чему научил нас ибн Маймун: холокост меньшинств» (Х. Парсани).

Все это не имеет никакого отношения к природе или тому факту, что природа часто репрезентируется в образе матери. Функции менструации, беременности, вынашивания и родов сами происходят из глубинного оккультизма, связанного с колдуньями (не-плодящимися матерями) и ксеноматриархами (плодящимися старухами). Согласно замечанию Парсани, материнство связано с глубокой анти-креационистской ахриманической креативностью²² (моровой креативностью) и инженерией меньшинств.

В греческой элементалистской традиции мать ассоциируется с Хаосом, древнейшей Матерью, первой матерью, которая была богиней *Aer'a* (воздуха) — Кош-морока. Как первая богиня из *Protogenoi* (элементальных божеств), Хаос была матерью или бабкой других бестелесных воздушных божеств: Нюкты (Ночи), Эреба (Тьмы), Эфира (Света), Гемеры (Дня) и других даймонов¹.

‡ Окно, я не могу его открыть.

§ прости за задержку. Так и не смог найти те десять страниц, которые я написал о неошумерском подходе к коллективности; я продолжаю все забывать, так что мне приходится оставлять себе записки — порой на бумаге, порой на салфетках, а порой на стикерах. Да, связи между заразной любовью и линиями открытости очевидны. Думал, что, пока наши страны готовятся поджарить трупы друг друга, мы становимся ближе. Расстояние между нами заменяется расстоянием между нами и миром, в котором мы живем и от которого оторваны. Любовь создает не дистанцию между любящими, а дистанцию между любящими и средой, которая пытается их разлучить. Такая абстрактная дистанция не только отчуждает среду от зараженных, но и устраняет присутствие системы как твердой или конкретной сущности для любящих. У любящих позади нет ничего, кроме зияющего провала, заглатывающего мир. Мы уже заглянули в бездну инфекции.

Среди петрополитических и палеопетрологических работ Хамида Парсани встречаются фрагменты, пытающиеся компенсировать «исследовательскую неудачу» книги „Стирающая Древнюю Персию“ (как это называет сам Парсани). Эти фрагменты обычно сконструированы на основе обширных и густо населенных оргий чужих языков и учений. Они систематически избегают любого рода введения или вступления, что вполне свойственно стилю письма и анализа Парсани, который он называет «быстрым убийством». Согласно одному из критиков, эссе Парсани начинаются с «запутанных и странных аналитических ходов» без «какого-либо предупреждения». Такие натянутые попытки анализа бесстыдно переходят к тому, что критики Парсани называют его «БВ-центризмом», то есть характерными фразочками Парсани вроде «Мы на Ближнем Востоке...» или «Впервые на Ближнем Востоке...». Несмотря на решительный отказ Парсани «открыть свой зловонный рот и раз и навсегда» ответить критикам, Парсани не оставил эти упреки без косвенного комментария: «как возможно географически застрять на Ближнем Востоке, когда он территориально неясен? и в чем была бы выгода отстаивать Ближний Восток, когда он очевидно обладает собственными чувствами, жизнью и интересами?»

«О филологии нефти» — одно из таких эссе, непристойно скрещивающее этимологическую и антропоморфическую истории сгустка. Без какой-либо предварительной подготовки Парсани пишет: «Название „Туман Нефти“, используемое для затемнителя, который применяется в бою, когда необходимо ослабить зрение бойцов противника, — это плеоназм. Потому что нефть (нефть) — сама по себе не что иное, как великая мгла, туман или влажность, не редуцируемая к воде». Затем Парсани поливает свое эссе огромными количеством околонефтяных этимологий. В Древней Персии, согласно медицинскому учению зороастрийских магов, продолжает он, Друдж, или Мать Мерзостей, — источник всех загрязнений, несется с севера, на северном ветре. Парсани добавляет, что зороастрийское медицинское учение сильно повлияло на средневековую философию, исламскую медицину и алхимию в ходе распространения монотеизма и его меньшинств. В Древней Персии, отмечает Парсани, северный ветер как носитель Друдж характеризуется скорее его резкой сухостью, а не холодом, обычно ассоциирующимся с северным ветром. Сухой северный ветер, согласно зороастрийским магам и их медико-религиозным учениям, повышает количество *drēm* (*rīm*) в теле. Пехлевийское слово *drēm* одновременно подразумевает космическую нелокализуемость, то есть представляет собой прилагательное, описывающее бесконечную нечистоту и порчу Друдж, и обозначает влагу в теле. *Drēm* как прилагательное для Друдж или Матери Мерзостей ассоциируется с радикальным двуличием Трисона (трехточечным извращением). Парсани объясняет, что, согласно греческой элементиалистской традиции Тетрасомии (Огонь, Воздух, Вода и Земля), повышение сухости вызывает прилив влажности. В медицинских текстах и религиозных писаниях Древней Персии, и в особенности зороастризма, для описания этой влажности использовалось особое слово. Вместо слова *āp* или *āb* (пехлевийского слова, обозначающего воду), это слово обозначает влажность определенного типа, туман и мглу.

Парсани признается, что открытие другого слова вместо «воды» в древней монотеистической таблице космических элементов «поколебало обычную устойчивость его мыслей». Было открыто загадочное слово *namba*, производное от авестийского слова-яйцеклетки *nab*. В зороастрийской версии Тетрасомии слово *namba* заменяет собой название элемента воды. Космическая динамика управляется взаимодействием Воздуха, Огня и Земли с этой влажной сущностью (*namba*), а не с водой. В авестийском языке *nab* — общий корень трех слов: *Nabah* (или его санскритского двойника *nábhas*), что означает небо, пар и даже миазмы, *napta-*, что означает влагу, и, наконец, *naft*, что символизирует глубинные воды земли и означает нефть. Парсани отмечает, что *Nafta* или *Naphta* — греческое и арабское слова для нефти и петролеума (как и в современном фарси) — представляют собой комбинации авестийских слов *napta-* и *naft*.

Парсани совершает открытие: в древних пехлевийских текстах, равно медицинских и религиозных, *drēm* ассоциируется со словом *namba* и не имеет ничего общего с водой (*āp* или *āb*). «Как медицинские, так и религиозные учения предполагают, что сухость северного ветра и мерзкий караван Друдж повышают количество *drēm* на земле, и в особенности в теле. Манифестации *namba* как сути *drēm* включают туман и нефть, распыленную влажность низовых регионов Земли и неба. Избыток *namba* описывался как самое худшее отравление или *was-wisabag*, что значит „пропитанный ядом“ (также один из титулов Ахта среди последователей его культа)», — пишет Парсани о древних текстах, порицающих эту влагу. Вскоре после этого он открывает, что у греков также было слово для этой темной влажности: флэгма (или *balgam*, *balgham* на арабском), то есть флегма, еще один синоним *drēm*, или радикального извращения трисона.

Согласно учению Гиппократов о телесных гуморах, флегма ассоциируется с севером и проклятой или мертвой землей. Парсани отмечает, что под влиянием культурного и лингвистического обмена между зороастрийскими магами и греками слово «флегма» стало более нефтяным, чем когда-либо. «Корень слова *phlegma* на самом деле отражает его пророческое персидское и греческое значение как скорее нефтяной, а не туманной влажности: это скорее Нефть, чем Туман» («Филология нефти»). Причина этой дополнительной ассоциации с нефтью в том, что слово *phlegein*, этимологический исток «флегмы», обладает огромным воспламеняющим потенциалом: *phlegein* означает жечь или обжигать огнем, особенно если это обширное и разрушительное пламя, которое пылает черным цветом из-за обилия несгоревших частиц углерода. Черное горение, *phlegein*, соответствует черному пламени, которому поклонялся Ахт, или черному свету Айн-аль-Кудат Хамедани. Оно ассоциируется с великим огнем, то есть огнем *holokauston* (ὁλόκαυστος, холокоста) — неконтролируемого пожара с автономной нервной системой и ненасытной жадной жертв: костер (огонь костей), огонь для сожжения еретиков.

Парсани предполагает, что северный ветер как медиум матери мерзостей и болезней (*druj*: *druh*: чернить) повышает флегматическую или нефтяную влажность своими сухостью и пустынным духом. Взаимодействие и заразный обмен между сухостью и нефтяной влажностью — сущностно дурная смесь (*dyscrasia*); ее результатом становится выход нефти (*naft* или *naft*) на поверхность. В своей кни-

ге «Канон врачебной науки» ученый и философ ибн Сина (980–1037 годы нашей эры), известный под латинизированным именем Авиценна, дает более новое описание этого выплеска горячей субстанции. Для него интенсивная сухость вызывает трансформацию во что-то иное, нежели флегма. Ибн Сина утверждает, что худшие разъедающие заболевания — те, при которых интенсивная сухость превращает флегму в *sauda*, или черную желчь (мелан-холия, *melancholia*), полную смолистой текучести. «Это задача сухости — дарованная Земле Друдж — вывести глубинную влажность Земли на поверхность. В случае нефти как глубинной воды (*napta*-) выплескивающаяся влага выглядит как черная, темно-коричневая или зеленоватая жидкость, сходная скорее с черной желчью, нежели с флегмой или желтой желчью», — пишет Парсани, совмещая алхимическую и медицинскую нефтяные теории античности и Средневековья.

Парсани замечает также, что флегма, нефть, элементарная влага (*namba*) и *drēm* (флегма, загрязнение Друдж, Трисон) все погружены в подземный соус Земли, то есть нефть. Гидрофобные характеристики нефти противопоставляют ее воде как *Aqua Vitae* Зеленой Земли. По этой причине нефть как мгла или влажность принадлежит совершенно другой земле и другому пространству. Более того, именно *drēm* как Трисон, или трехточечное извращение, сущностно связана с нефтью и нефтяной влажностью. Неудивительно, что в ренессансной и позднейшей алхимии — например в разделах «Энциклопедии», написанных Дени Дидро, — нефть обычно обозначалась тремя точками: ∴.

«Кардамон, или, на фарси, *hel*, очищает и выводит флегму, — напоминает Парсани и завершает свое эссе следующим наблюдением: — Зороастрийцы, ранние монотеисты и даже некоторые греки повсюду носили с собой зерна кардамона. Потому что кардамон для глубин флегмы — то же, что чеснок для вампира». Поскольку флегма — это горячая влага подземного мира, откуда, согласно зороастрийским текстам, происходят вредители и где находится *Drujeskan*, обиталище Друдж, то религиозные и медицинские тексты хором предупреждают: никогда не сглатывайте свою флегму.

Сейчас, когда машины и предприятия Просвещения наслаждаются выбросами нефти, философ Просвещения Иммануил Кант со своей защитой флегмы как никогда уместен.

ЛЕГИОН

МАШИНЫ ВОЙНЫ,
ХИЩНИКИ И ВРЕДИТЕЛИ

Пазузу, шумеро-ассирийский демон эпидемий (и юго-западного пустынного ветра), — оккультный агент ксероинформационной Мерзости, или Пыли ($DUST = 100 = NO\ GOD = \text{нет бога}$), и, возможно, самый поразительный адепт культа Теллурианского Пылизма в древней Месопотамии. Ведь ветер — воистину высший служитель пыли, а также ее наемник. В «Записках по реликвологии» Парсани выделяет Пазузу как схематичную диаграмму ближневосточного населения со всеми его особенностями.

Пазузу специализируется на зачистке стратифицированной Земли и ее биосферы в форме пыли, которая затем связывается с инопланетными потоками, текущим во Вселенной. Эти комбинации сухости и влажности возвращаются на Землю, чтобы распространять болезни. Согласно ассирийской оси Зла-против-Зла, демон Пазузу кормится пылью, которая каббалистически равна Отсутствию Бога (= 100). Пазузу зачищает поверхностную биосферу Земли в образе пыльных облаков или бактериальных останков, затем подключает их к ксенохимическим гидротечениям или тому, что в Древней Греции называлось Космической Влагой (гидрохимические сингулярности). Вот почему Пазузу ассоциируется со вспышками чумы. Пазузу затем переносит чуму обратно, на поверхность, в биосферу, в облике пыльного супа, сухих потоков, грязных дождей, неслыханных эпидемий и ксероинформационных коммуникаций, обычно проявляющихся в форме одержимости демонами (см.: «Экзорцист»). Этот процесс пылевой зачистки и чумной инженерии принимает форму ускоряющейся неаристотелевской спирали или цикла, в котором наземная гигиеническая индустрия постепенно распространяет все больше противоморовых агентов и перепроизводит защитные механизмы (чтобы отпугнуть чуму), которые снова потребляются мороиндустрией Пазузу. Парадоксальным образом ускорение сопротивляемости интенсифицирует вспышки чумы и пылевые потоки, ускоряя распространение чумы обратно в поверхностную биосферу. Ког-

да доходит до сбора всего, что существует в виде пыли, нет необходимости быть привередливым.

Ужас Пазузу обычно воплощается в виде крылатого двуногого человекоподобного существа с когтями вместо ног и головой, напоминающей почти лишенный плоти собачий или львиный череп. Длинный рептилоидный пенис Пазузу (машина, сеющая мор, или диссеминатор, согласно глоссариям эпидемиологии) — более поздняя моровая модификация этого тела, которая по некоей странной причине имеет две пары крыльев вместо одной, как будто одной пары недостаточно для его миссии. Пазузу также визуализируется с поднятой правой рукой и опущенной левой, символизируя Моровой Цикл пыли, ось которого — двойной полет (четверокрылое тело Пазузу) или яростная межмировая «линия ускользания» (Делез и Гваттари) с Земли вовне и извне на Землю: тактическая линия ксероинформационной Мерзости (пыли) и зона трафика ее бактериальных данных. Пазузу демонстрирует несколько морфологических аномалий и особенностей, отличающих его от других аккадских, вавилонских и ассирийских демонов. Согласно первой обнаруженной бронзовой статуе Пазузу (Ирак, постпалеолит, 800–600 годы до нашей эры), эти морфологические особенности включают следующие.

- Исключительно тонкие ноги, на которых помещается необычайно тощий торс. Грудные кости четко просматриваются, как при анорексии или истощении; тело, истерзанное голодом и с трудом носящее свою болезненную плоть. Его изнуренное тело говорит о циклическом пустынном голоде Ближнего Востока, сопровождающемся огромными стаями саранчи (как носителями опустошения) и другими знаками мора. Если тело Вельзевула (*ba'al zebub*) напоминает легион мух, с их извращенным коллективным энтузиазмом собирающихся вместе над свежей разжижающейся падалью или желтоватым комком экскрементов, антропо-инсектоидное тело Пазузу несет в себе черный гумор всех тел, которые он захватывает и с которых сдирает плоть, всех тел, пережеванных и ободранных дочиста затмевающей небо стаяй саранчи, представленных в болезненном теле Пазузу, измученном жаждой призраке из костей и сморщенной кожи. Сделайся множеством, подобно саранче! Сделайся множеством, подобно стае саранчи!

- Четыре крыла вместо двух: крылья выглядят оперенными (поздние статуэтки подтверждают эту гипотезу: у них появляются заметные маховые перья, создающие основную подъемную силу при полете хищных каменных орлов) и подчеркивают демоническую жажду полета, скорости и миграции. Такие крылья способствуют инженерии полета, соответствующей пустынным ураганам, пылевым дьяволам и другим метеорологическим феноменам пустынь, которые, как считается, были созданы Анзу, летающей тварью, укравшей табличку судьбы и в конце концов убитой Нинуртой. Шумеро-аккадский эпос о Нинурте изображает Анзу предшественником позднейших летучих демонов, инженером демонического полета и тварей с оперенными крыльями, которые связаны с циклогенезом, звуковым хаосом, спиральными штормами в пустынях и пылевыми дьяволами. Эти четыре крыла делают демона идеальным носителем моровых частиц (*Namtar*), доставляющим их к месту назначения без задержек, всегда вовремя.

• Змееголовый пенис, моро-оплодотворительная машина, подтверждающая родство Пазузу с Хумбабой (*Khombabos*, страж кедровых лесов и города богов, побежденный и убитый Гильгамешем и Энкиду). Хумбаба имеет такой же рептилоидный фаллос и считается сыном или братом Пазузу. И Хумбаба, и Пазузу способны отразить прогнозируемое будущее каждого человека: лабиринтообразное лицо Хумбабы (со свисающими человеческими внутренностями вместо бороды) вызывает воспоминания о раннем искусстве гаруспии (прорицания по печени или внутренностям) в древнемесопотамских культурах, затем развитом этрусками. Пазузу как демон юго-западного ветра ассоциируется с *Rammalie* (арабское слово, обозначающее коммуникацию с другими мирами и зонами с помощью узоров на гальке и пустынном песке). Его ревуший полет образует на дюнах ритмичную зыбь, червеобразного паразита, на короткое время запечатлевающего мимолетное неорганическое воспоминание о пустынных ветрах; и, раз так, зыбь и другие прерывистые паттерны могут быть дешифрованы как рунические записи путей эпидемий и распространения чумы, несомых пустынными ветрами и рассказанных на песке. Абдул Аль-Хазред, как опытный *rammal* (заклинатель песка), вероятно, написал «Аль-Азиф» на зараженном пылью языке Пазузу, который постоянно пополняет свой вой моровыми спорами, чтобы расширить галлюцинационное пространство прогрессирующей засушливой болезни.

• Бородака сановника, вводящая Пазузу в складку Зла-против-Зла и делающая из него апотропического персонажа. Пазузу, подобно другим демонам, принадлежащим к оси Зла-против-Зла (например, Угаллу), может одновременно разносить смертельные эпидемии и исцелять некоторые болезни. Согласно ассирийской оси Зла-против-Зла, каждый человек постоянно выступает марионеткой демонов, подвешенной на лабиринтообразном переплетении их ниточек. Во время болезни, когда лекари пытаются отвести враждебных демонов от пациента и призвать демона-защитника, чтобы тот вселился в больного, Пазузу — один из излюбленных демонов, он может даже превосходить последнего стража Ламассу, Отвращающего Зло: Пазузу-демон сторожит нишу в уборной дворца Ашурбанипала в Ниневии (Ирак).

• Почти бесплотная голова, которая не может быть четко идентифицирована. Голова Пазузу диаграммирует метаморфозу трех хищных животных, часто встречающихся в вавилонском/ассирийском пандемониуме: бешеной собаки, *Shogal* (шакала) и *Kaftaar* (гиены). Ибн Хамедани в книге *Aja'ib Nameh* («Книга Чудес») называет *Kaftaar* «ужасным зверем». Гиена, животное афроазиатского происхождения, — возможно, наиболее проклинаемое, непристойное и развратное животное в месопотамском фольклоре. Ибн Хамедани рассказывает ужасные истории о пустынном звере, который совокупляется со своей добычей, одновременно пожирая ее. Гиена издает высокие какофонические крики радости, которых достаточно, чтобы свести одинокого путника с ума. Бешеные собаки — потомки *Абзу* (Бездны), а *Shoghal*-шакал связывает Пазузу с египетским Анубисом и мертвыми[‡].

‡ Адвокат (10:00), Базар / Güleç Stone Taşçılık (10:40), Айясофия (12:00 не забыть флешку), Рами (1:00 ланч и встреча с Z или его братом)

Рис. 22. Пазузу-демон.

Рис. 23. Угаллу-демон.

Лицо имеет второстепенное значение для последовательного археологического исследования в области демонического. Даже самые искаженные, изуродованные и гротескные лица не могут служить признаком демона (ксеноагента), то есть (обез)личина не может быть конститутивным элементом диаграмматизации демона (особенно в период от подъема месопотамских цивилизаций до конца античности и даже раннего Средневековья). Все радикальные ксенодемоны несут собственную диаграмматическую печать; они всегда очер-

чены аномальными картографиями и диаграммами, на которых основываются презентации, построение и ре(компоновка) их тел, поз и положений членов (органов?). Они могут быть также идентифицированы на основании парности (один — узнаваемое существо, другой — темный двойник знакомого существа; примеры включают финикийских и этрусских демонов). Наиболее известны следующие демонограммы.

Поднятая правая рука и опущенная левая намекают на стремительный характер эпидемии; это печать наемников моря.

Вытянутые руки — одна на запад, другая на восток — солнечные демоны. Римляне позаимствовали эту диаграмматическую позицию у вавилонян для своих распятий. Эта демонограмма впоследствии повлияла на религиозную иконографию митраизма, а затем христианства, причем наиболее яркими примерами, конечно же, служат иконографические изображения распятого Иисуса.

Органы тела (члены), соединенные друг с другом кривыми и кругами, создающими закрытое или запечатанное лабиринтообразное кружение.

Крылья меньшего размера, крепящиеся к большим крыльям, или наличие большего числа крыльев, чем это необходимо для полета и миграции.

Рога, образующие спирали (вопреки популярному заблуждению, рога сами по себе — не признак сатанинского агента), или рога, указывающие друг на друга, обозначают лукавых демонов.

Широко расставленные ноги, образующие треугольник, также известный как трехточечное богохульство, — одна из наиболее значимых диаграмм нелогичизуемых и предательских демонов.

Демонограмма Пазузу (правая рука поднята, левая опущена) — это уникальная БЕЗДонная картография болезни; она означает вращение Морового Колеса. Эта демонограмма подтверждает, что Пазузу (как и Угаллу) принадлежит к легиону демонов — распространителей чумы. Демонограммы демонстрируют абстрактное распределение демонов; они — планы демонической мобилизации, мобилизации в военном смысле.

«Они верят, что Месопотамия и весь Ближний Восток окутаны каким-то туманом войны, характерным только для ближневосточных регионов Азии. Что нужно практиковаться в слепоте, иссушать свои легкие и возвращаться к пыли, чтобы слиться с вонючей ямой Ближнего Востока. Жители деревни недалеко от Телль-Куянджика, который считается местом расположения древней Ниневии, сказали нам, что этот сухой туман — это морок Пазузу, гжучее грибовидное облако Ближнего Востока. Чтобы жить в пыли, нужна опреде-

ленная доля демонизма, которую люди Запада считают невыносимой для человека. Джексон Уэст не считает Ближний Восток геополитическим регионом, он утверждает, что Ближний Восток — живой. Не метафорически: он живой в буквальном смысле и ждет возможности высвободить свой разум. „Он жив, но ему не нужно выживать, потому что у него есть своя жизнь“, — это было последнее, что Уэст сказал мне, отправляясь из Мосула с сыновьями на поиски того иранского контрабандиста нефти и того чувака — Омара, утверждавшего, что у него есть дневники Ибн Маимума, персидского оккультиста-саботажника, партизанского эксперта и заговорщика, который помог Аль-Фатемиду свергнуть режим халифата в Египте» (первый лейтенант Али Оса, первый батальон армии США, 41-я пехотная бригада).

Телль-Куюнджик: Ниневия, 36°24' с.ш. 43°08' в.д.

Механизм защиты человека — самая последовательная сущность на этой планете; эта самоподпитывающаяся паранойя способна понять и идентифицировать любой контакт только с точки зрения потенциального вторжения. Когда это параноидальное постоянство (или постоянная паранойя, поскольку паранойя, по иронии, имеет тенденцию быть последовательной) обретает автономию, оно становится безжалостно шизоидным, пассивно открываясь для неизвестных угроз Извне, или ксеноагентов. Антропоморфная система безопасности — это ящик Пандоры незарегистрированных заболеваний, возникающих из постоянного сопротивления системы внешним вторжениям, с одной стороны, и постоянной эскалации вторжения — с другой. В этом смысле система человеческой безопасности представляет собой проекцию интенсивности конфликтов между ксеноагентом (демоном) и системой, регистрирующей новые неопределяемые язвы, картографированные на внешних границах демона и системы.

В отличие от все еще глубоко религиозной демонологии Мартина Бергмана, настаивающего, что демон должен быть изгнан не для того, чтобы спасти одержимого, а чтобы помочь демону сбежать из «млекопитающего мяса», согласно ассирийской Оси Зла-против-Зла, демон заражает человека, чтобы извлечь широкий спектр моро-бунтов из его системы безопасности, не захватывая ее (в смысле захвата собственности, монополией на которую обладает Божественное — например, человек как собственность Бога), а путем превращения Божественного и его функций безопасности в опосредующих паразитов (сутенеров) для входящих заболеваний. В ассирийской политике демонизма Божественное и его мир превращаются в ферму, питающую мор. Их сопротивление и слепые попытки противостоять поощряются, потому что каждый случай сопротивления несет в себе еще больше вторжений Извне. Вредители, ксеновозмущения, космические болезни запускаются, когда достигнута необходимая нагрузка, и система безопасности антропоморфного агента начинает разрушаться и расходовать силы впустую, пытаясь выжить любой ценой, что в свою очередь провоцирует еще более широкий спектр моровой активности. В этой панораме выживание и укрепление безопасности (вопреки умирающей системе) бесконечно «возбуждают» демона. Современная криминология отказывается признавать присутствие демонов, так же как светское безверие объявляет глупостью идею одержимости беспомощного человека демоном: если демоны существуют и так сильны, то зачем им захватывать жалкого антропоида? Такое возражение основано на непонимании механизмов коммуникации между ксеноагентами и системой человеческой безопасности. Потому что демоны сохраняют свою внешность именно путем избыточного насилия (чистой экстериорности силы), применяя больше силы, чем нужно, только чтобы отпереть ворота. Демоны просто раскалывают добычу. Избыточная сила создает такую открытость, которую система уже не в состоянии себе позволить. Как только открытость вышла за пределы возможностей системы, она превращается в случай грубого убийства, а не акт эмансипации, характеризующийся человеческим «доступом» к внешнему. Избыточное насилие — это зрелище, основанное на фундаментальной неспособности системы справиться

с Внешним. Путем избыточного насилия ксеноагент исполняет свой демонический спектакль и запускает свою экстериорность, с которой система не может справиться. Экстериорность демона не может быть захвачена системным желанием открытости, и по этой причине такая экстериорность насилует (вскрывает) систему. Захватить сильного человека определенно достаточно, чтобы похватать силой демона, но еще лучше, если одержимый — ребенок или старая женщина, чтобы обозначить экстериорность демона, производящую избыточность.

На ассирийской Оси Зла-против-Зла демон не стремится уничтожить (антропоморфную) идентичность; вместо этого он пытается сделать идентичность воротами для призыва новых демонов из яростных схваток между ксеночастицами и сопротивляющейся системой. За границами идентичности лежит безразличное царство безусловного (абсолютного) безумия, того, что не может быть даже шизоидным, ведь шизофрения процветает на опустошенных руинах границы, территории и пределов возможного. Шизофрения требует минимального уровня организации и системы, чтобы распространяться, трансформироваться в возбуждение и взаимодействовать с ксеновозмущениями и демонами. Шизофрения вырабатывается из синергетических оппозиций между ксеновозмущениями (демоническими частицами Внешнего, понимаемыми как неконтролируемые интенсивности) и силами границы; она беспокоится мобилизуется через атаки и контратаки, одна атака со стороны ксеночастиц — две или более контратаки со стороны системы. Яростное сопротивление экспоненциально нарастает и постепенно оказывается захваченным ксеноагентами, пока не перейдет в расплав, превращение в ГАЗ всех частиц.

Шиз-поток течет только в дифференцированных зонах; это означает, что должно быть как минимум две стороны: идентичность и ее смертельные враги. После становления фукианского психоанализа единственный образ шиза, репрезентированный в поп-культуре, представляет собой внешний образ безумия: непонятный полупарализованный безумец, корчащийся, как пьяный паук. Шиз обнаруживается везде, кроме безумия. Шизофрения приходит с горячкой (*Jnun*), страстью к смертельному заболеванию (что предполагает здоровье), изуродованными войной пространствами органического выживания, атаками и нарастающими контратаками, диаграмматически рассказывающими свое неустанное выматывающее взаимодействие с дракоспиралью, которая то плавится, то испаряется, сгорает не полностью и рассыпается на части, вместо того чтобы раствориться в ничто. Все восхитительно шизоидное, способное привлечь безжалостное вторжение ксеночастиц и разжечь преступное возбуждение, происходит на границах идентичности и ее режимов, которые желчно организуют сопротивление любой злонамеренной силе. Чтобы провести шизо-линии коммуникации с Внешним, необходим строгий порядок разборки идентичности, и все же любая серьезная попытка тотального стирания идентичности непременно исключает пространство ксеновозбуждений и ведет к аутичному нигилизму.

На Ближнем Востоке арабское слово *Jin* (или *Jinn*) отсылает к расе, созданной Аллахом до сотворения людей: они были сотворены из огня и потому способны к смене обликов (в отличие от людей, созданных из пыли и воды, бактериальной грязи пылевого супа). В Коране и исламской демонологии в отличие

от христианства *Шайтан* (Сатана) — не падший ангел, а первый Джинн (Враг Человеческий), созданный Аллахом. Согласно Корану, у ангелов нет Воли; поэтому они не обладают способностью не подчиняться приказам и свободой выбора. Однако Джинны с их непредсказуемым разумом могут выбрать свой путь; они обладают Волей подчиняться или не подчиняться, быть верными или предавать (*Khazoola*: خذولا). Джинн или Жинн — мужского рода, женская часть этой расы называется Джнун (*Jnun*, во множественном числе جنون) — это многозначное слово также означает горячку, безумную любовь и терминальную шизофрению (коррозивные приливные волны ксеновозбуждений).

В персидской мифологии Джнун — потомки Дже или Джахи, первой антикреационистки, созданной плотью от плоти Ахримана — дочь Ахримана, которая разбудила отца от десяти тысячелетнего сна, чтобы породить моровой легион. Джахи — первая женщина, миссия которой — уничтожить весь прокреационистский проект Ахурамазды. В арабском фольклоре Джнун — дочери Лилит. Рубэль-Хали, ужасающая пустыня, в которой десять лет жил Абдул Аль-Хазред, была населена Джнун — не Джиннами, которые функционировали как женские врата Внешнего. Аль-Хазред, по-видимому, коммуницировал с женской стороной Внешнего (то есть Джнун), когда писал свой ношеифрованный «Некрономикон», шедевр о космодромическом богохульстве и реализме открытости.

Джнун захватывают мужчин, но не оккупируют или колонизируют своих хозяев. Вместо этого они открывают одержимых мужчин Внешнему, открывают в смысле раскладывают, вскрывают, вспарывают (например, марокканская джиния Айша Кандиша, или Айшеш Гедизех, которую называют «открывательница»). Одержимый Джнун, Абдул Аль-Хазред счел этот путь единственной надежной поли-тикой коммуникации с космодромом Внешнего, обозначенным на Нумограмме как регион *Djupxx* или, точнее, XX-джинний. Путь в *Djupxx* или регион XX-джинний картографируется как становление-женщиной через Джнун, которые, согласно арабскому и персидскому фольклору, рассказывают нерассказанные истории тому, кто вскрыт и пожран ими. Лилит рассказывает странникам запретные истории, прежде чем вскрыть и сожрать их. В этом смысле Джнун (картографированные на Нумограмме как регион *Djupxx*) — прямая связь с космическим богохульством и женским потоком Внешнего. Лавкрафт часто называет Аль-Хазреда «безумным» поэтом или «безумным» арабом именно потому, что коммуникация с Джнун как женскими вратами (вульвокосмическими сингулярностями) имеет одно неизбежное последствие — радикальное безумие. В арабском и фарси слово «Джнун» также означает безумную любовь и терминальное безумие как результат раскрытия женским острием Внешнего. Однако «Джнун» несовместимо с западным определением Безумия. Этот термин неприводим, но достаточно будет сказать, что Джнун чаще всего состоит из трех элементов и развивается путем их сочетаний: Одержимость, Любовь и предельная открытость. Абдул Аль-Хазред был *тајпип* (меджнун, مجنون), мужчина, вскрытый Джнун, и одновременно человек-меджнун, безумец, который немедленно напоминает нам о меланхолической повести о Лейли и Меджнуне и их истории любви, в которой сошлись сумасшествие, открытость и безумная любовь — Запретное.

Айша Кандиша, или Аиша Кадиша, или Гедизех — одна из самых популярных и устрашающих Джинний (женщин-Джиннов) в марокканском фольклоре. Верования и ритуалы Айши сохранились и в XXI веке. Она одновременно охотница и целительница, иногда появляющаяся в образе прекрасной (непреодолимо соблазнительной) женщины, а иногда в образе Старухи. Когда она захватывает мужчину, она не подчиняет себе жертву, а открывает мужчине буре других Джнун и Джиннов, демонов и колдовских частиц всех видов, превращая его в зону трафика стремительных космодрометрических данных. Вот почему она внушает страх. И она никогда не уходит — она пребывает в мужчине, чтобы гарантировать его тотальную открытость, что не всегда приятно. Согласно верованиям марокканцев, единственный способ комфортного существования с Айшей (новой любовницей/возлюбленной) — сотрудничать с ней, кормить ее, возбуждать ее страстными и варварскими музыкальными ритуалами с какосоническими ритмами.

НЕЧТО БЕЛАЯ ВОЙНА И ГИПЕРКАМУФЛЯЖ

Статья Хамида Парсани «Мир накануне двойного предательства» читается как полный социоантропологический аналог фильма Джона Карпентера «Нечто» (с предсказуемыми ближневосточными отсылками и выводами, призванными придать статье социально-политическую релевантность). Вопреки полному невежеству (или, как он сам это называет, «когнитивной невосприимчивости») Парсани в отношении современного кинематографа и литературы и его циничному презрению к научной фантастике («моя спонтанная инстинктивная реакция») в этом эссе он признает «Нечто» Карпентера своим «вторичным источником вдохновения». Первый его источник — экстремистский манифест Абду-Салама Фараджа «Джихад: отсутствующее обязательство», прославляющий исламскую доктрину Такия (*Taquiyya*, или *Taghieh*) как основание для новой священной войны. Статья представляет собой аналитический результат столкновения археолога с научно-фантастическим материалом. Перед написанием этой статьи Парсани протестовал: «Зачем мне читать научную фантастику, когда я зарабатываю на жизнь изучением Ближнего Востока и взаимодействием с ним, а он слишком безумен даже для фантастики?» Парсани подчеркивает, что он столкнулся с этим фильмом случайно, через много лет после написания своей книги о доктрине Такия. Исходный пассаж о Такия в «Стирая Древнюю Персию» отправляет к исламской, в особенности шиитской, доктрине Такия на заре ислама как оборонительной и защитной стратегии: Такия означает сокрытие своих истинных убеждений и действий, чтобы избежать той или иной опасности (например, в случае исповедания ислама во враждебных к нему обществах). Однако в более поздних работах Парсани анализирует этот термин как современную тактику уклонения и военную стратегию, полностью отдающую себе отчет в собственной оффенсивной сложности. Парсани высказывает предположение, что если исходный смысл слова Такия — «избегать или ускользать от опасности» — относится к особой ответственности верующего: проявлять осторожность в со-

хранении и поддержании божественной Веры (религии), то современная Такия имеет дело с сокрытием собственной веры путем принятия веры или практик Другого, с тем чтобы спровоцировать враждебное общество или Целое на реакцию против собственного населения и сущностей в поисках истинно верующих. Ведь когда джихадист накладывает на свою веру веру неверного, враждебное государство неверных больше не может отличить собственных граждан от людей Джихада и их радикальных угроз. Живя и говоря точно так же, как и так называемые неверные, джихадист полностью совпадает с обычными членами этого общества. Чтобы внедриться в силы Джихада, государство должно подвергнуть исследованию сам концепт гражданства и ввести строгую регуляцию того, что означает «быть обыкновенным гражданином». Поэтому обычное гражданское лицо становится первой и последней мишенью и государства, и джихада. Именно вследствие доктрины Такия и джихада «гражданский» становится нео-пределенным союзником, то есть хуже, чем врагом.

«Сегодня *Такия*, или следование логике „Нечто“, связывает выживание верующего, который скрывает свою практику и веру, с катастрофическими последствиями для общества врагов. Выживание индивидов или коллективов, в частности само существование национальных и коренных сущностей, должно стать объектом любопытства полиции или даже кандидатом на ликвидацию, потому что враждебные сущности, эксплуатирующие *Такия*, практикуют и почитают все что угодно, только не свои собственные системы; они заселяют любую нишу и территорию, кроме своей собственной» (Х. Парсани).

Сходство этого сценария с сюжетом «Нечто», согласно Парсани, заключается в том факте, что мишенью для атаки и уничтожения становится не Нечто (экстремист, исповедующий Такия), а его потенциальные носители или позиции (ниши), которые оно потенциально может занять. Если выживание — единственная причина вторжения Нечто в форме заражения гражданских, то, чтобы элиминировать угрозу Нечто, все, что пытается выжить или, другими словами, выживание как таковое должно рассматриваться как угроза. Чтобы победить Нечто, необходимо разыскать все, что пытается выжить, потому что воля к выживанию совпадает с тенденцией Нечто выжить любой ценой: чем менее важна та или иная сущность, тем идеальнее она в качестве носителя для Нечто. В человеческом обществе этот идеал выживания на индивидуальном и коллективном уровне проявляется в гражданских лицах и концепте гражданства. Гражданский — почти идеальное укрытие для джихадиста, практикующего Такия, который всего лишь пытается выжить, став рядовым гражданином враждебного общества, что не только делает факт «бытия гражданским» (гражданство как статус) угрожающим, но и поляризует общество: полярность Государства и партизанского ополчения (саботированного гражданства) — полярность, движущаяся по спирали эскалации и диффузии. Каждый подозреваемый в джихадизме, элиминируемый государством, вызывает усиление попыток выживания джихадистов Такия (Нечто), что в свою очередь приводит к усилению Такия (Нечто-йности), то есть более интенсивному растворению среди новых носите-

лей, а также росту вероятности, что любой гражданский может оказаться джихадистом или Нечто (заражение).

Парсани прослеживает практику Такия как гиперкамуфляж, который спутывает линейное разграничение гражданских и ополчения, в работах персидского оккультиста-саботажника, пророка инженерии ересей и Государственного Партизана — Абдуллы ибн Маймуна, который основал секту *Batiniyya (Ahl-i-Batin)*, или «внутренняя толпа»), из которой вышли хашашины Хасана-и-Саббаха и большинство бунтовщиков Ближнего Востока.

Парсани называет ибн Маймуна первым теоретиком и практиком двойного предательства и Трисона как политической единицы Ближнего Востока. Практика Такия как реализация Трисона была изобретением ибн Маймуна. Но ввиду скрытого характера его деятельности как безликого гражданского лица и серого кардинала все его интеллектуальные и прагматические достижения были приписаны его учениками и оппортунистам вроде Хасана-и-Саббаха, которые смогли переварить лишь малую часть необъятных знаний ибн Маймуна и его беспокойной мудрости, пишет Парсани.

В правление суннитских халифов Аббасидов ибн Маймун выбрал Тунис для освоения афропартизанского военного искусства (главным образом, номадических машин войны) и организации лаборатории по соединению его обширной персидской, арабской и гебрийской (уничжительный термин, используемый в исламе для зороастризма) мудрости и оккультных, культурных и политических знаний с африканским искусством партизанской войны и религиофагическим оккультизмом («есть места к югу от Аравийского полуострова, где оккультное пожирает религию», — цитирует Парсани дневник Маймуна). Отчасти переместившись за пределы областей, находящихся под властью халифов, ибн Маймун принялся за изучение техник размножения и мобилизации сект, меньшинств, братств и тайных обществ, а также математическое моделирование их деятельности и коммуникации. Придя к выводу, что «глубочайшая тайна религии — в ее меньшинствах» (слова ибн Маймуна), он перебрался в Египет, известный как страна тайных обществ, и сыграл ключевую роль в развитии оккультных доктрин, сект и ересей. Он породил множество сект и ересей, которые в итоге начали подтачивать основание власти халифа в Египте самым ненасытным (хоть и незаметным) образом. Когда столкновение между восставшими и государством халифов вышло на поверхность, оно продлилось всего несколько дней, поскольку основная работа уже была проделана бесчисленными сектами и тайными обществами. Парсани пишет, что на Ближнем Востоке никогда прежде не было столь зловещей сущности, чья жажда бунта и подрыва всяческих институций, религий и школ мысли превосходила все границы и меры воображения и чьи прагматические доктрины были настолько повсеместны, многолики и глубоко укоренены в Ближнем Востоке, что западные политики, теоретики, бунтовщики и оккультисты едва ли могли их понять.

Парсани откопал арабский пассаж в *Risalatan fi Ahl-al-Ain* («Книга о людях глаза, или толпе глаза»), книге, которую ибн Маймун написал во время своего долгого путешествия в Тунис; книга была потом доверена Хасану-и-Саббаху в Египте Аль-Фатмидом. В период влияния Хасана книга претерпела несколько идеоло-

гических апроприаций и искажений, истоком которых был сам Хасан. Однако книга оставалась источником протестной мотивации для некоторых наиболее загадочных сект и обществ Ближнего Востока, пока монгольский правитель хан Хулагу не взял крепость хашашинов Аламут в 1256 году.

«Необходимость мира должна затмить необходимость войны, как неизбежность Бога должна затмить неизбежность Сатаны. Будьте хранителями мира, ибо война преходяща и не длится достаточно долго, чтобы выдержать вашу ярость, и не уходит столь глубоко, чтобы собрать жатву новых клинков и стрел» (ибн Маймун, *Risalatan fi Ahl-al-Ain*).

Парсани объясняет, что в соответствии с этим воззванием и установкой на мир отношения ибн Маймуна с Богом отражаются в следующем спорном заявлении: «Ничто не помогает и не поощряет развитие ересей более, нежели слава Божья». Именно в приверженности ибн Маймуна доктрине Такия его двойственные убеждения получили наиболее полное развитие. Парсани утверждает, что для ибн Маймуна милитаризация не могла произойти там и тогда, где и когда война как состояние конфликта между машинами войны усугубляется. Потому что в таких обстоятельствах милитаризация регулировалась бы границами поля боя и одномерной специализацией на ограниченном типе противников. Хрупкость боевых машин в ходе войны становится результатом их неспособности превзойти определенное качество или количество деятельности (перегрев) и неспособности быть бесшумными (обязанность производить действия). По этой причине мир — в противоположность войне и полю боя — пространство, радикально открытое для заселения машинами войны и милитаризации. Согласно ибн Маймуну, если машины войны или сущности битвы всегда должны предпринять нечто и использовать некоторую тактику, чтобы стать тем, что они собой представляют, то есть машинами войны, то они никогда не могут быть достаточно радикальными и свободными, поскольку они исключают мир, тишину и бездеятельность (или стороннюю деятельность) и основываются только на аффирмации и динамической модуляции, или, как это называет Парсани, «фашизме активности».

Ибн Маймун отстаивает мир, потому что такое пустое пространство, где нет разногласий между машинами войны, коллективным выживанием и сторонней деятельностью (в отличие от тактической конвергенции во время войны) представляет собой идеальное место для высвобождения машин войны. Мир может быть милитаризован или, точнее, населен машинами войны, которые стремятся всего лишь выжить по соседству и вместе с врагом, молчать, противодействовать врагу и быть преступными до глубины души. Парсани замечает, что такие машины войны в учении ибн Маймуна о бунтах и милитаризации суть не что иное, как воин, принявший Такия среди враждебных сил. Вот почему ибн Маймун называет обиталище высвобожденной войны «Белой Войной»: это отсылка одновременно к непроницаемо-белому туману и к цвету мира. Парсани пишет:

«Нечто, или воин, исповедующий Такия полностью и в каждом аспекте, совпадает с гражданином, нормальным, лишенным голоса, обыкновенным и дру-

желюбным, отключая все свои конфликтные и воинственные виды деятельности. Становясь одним с гражданами как взаимозаменяемыми (с точки зрения Государства) сущностями, воин Такия перемещает поле боя на родину и переводит внимание Государства и его полицейских методов с внешних сил на собственных граждан. Парадоксальным образом джихадист Такия дает голос лишенным его (то есть гражданским), голос, который на самом деле озвучивает логику Нечто, или голос воина Такия. Если лучшая машина войны — та, которая способна быть расходным материалом, то гражданское лицо — гражданин, взаимозаменяемый, расходный материал для Государства именно в силу политики и порядка Государства, в присутствии Нечто-йности, или Такия, становится расходной машиной войны против Государства. Воин Такия не захватывает гражданских или рядовых граждан враждебного общества: он становится «одним из них» во всех смыслах, даже если это противоречит его вере и прагматическим установкам. Только став одним из них, одержимым всеми позициями и характеристиками гражданина враждебного общества (полная противоположность захвата гражданских), практикующий Такия может подорвать гражданство и гражданский статус (в его диктуемой Государством незначительности) и, таким образом, Государство в целом. Это не что иное, как машинерия черной революции, искаженная с самого начала, эпидемическая до самого конца.

Если люди в качестве чисел и нумерических заражений составляют основу демократии, обычные люди как бездействующие машины войны формируют потоки революции. Джихадист Такия сливается с гражданским, чтобы направить общество против государства, и разжигает ненависть государства к собственному обществу. Однако в то же время гражданские лица тоже меняют статус, становясь существенными машинами войны. Из белой войны джихадиста Такия развивается черная революция граждан против их собственной незначительности и гегемонии государства. Смысл подлинной революции в том, чтобы сделать гражданство сущностно значимым.

Жители Ближнего Востока — мастера Такия: с раннего детства они осваивают практику Такия, чтобы выжить в своей немилосердной среде (от правящего Государства до невежественно-враждебных внешних сил) и восстать против нее. Плавно, без трений они проходят сквозь эти среды и сливаются с ними всеми. Никто, кроме ибн Маймуна, не решился заглянуть в стигийскую бездну и обнаружить, что все, что делают эти люди, — неслыханное насилие и революция против тривиальности их собственного гражданского статуса и суверенитета Государства. Когда дело касается Такия, каждый выдох выжившего — это огненный шар, выпущенный по порядку и доминирующей стабильности.

Нечто, или практик Такия — житель Ближнего Востока, — не бунтовщик в нормальном смысле; это Трисон в человеческом облики, антропоидная политическая единица с катастрофическими способностями к бунту и субверсии. Ближний Восток географически неизмерим, но он может быть определен его населением. Ибн Маймун предположил, что Ближний Восток — это белая война, и назвал его население, будь то в индивидуальной или коллек-

тивной форме, легионом, поскольку индивид становится милитаризованным коллективом благодаря Такия, которая обеспечивает соединение и слияние индивида с коллективом. Всякий может быть воином Такия, поскольку Такия загрязняет индивида расширяющейся коллективностью. Нечто приходит не как стая, а как отдельная собака, одиночка, индивидуальность и отдельное существование которого в качестве единицы весьма сомнительно».

Это эссе связывает открывающую сцену фильма «Нечто» с ибн Маймуном и его «Белой Войной», причем Парсани заключает:

«Истинная революция не стремится к какому бы то ни было изменению; она происходит, когда население разрушает свой гражданский статус и высвобождает нумерические силы, заключенные в самом определении „населения“».

К тому времени когда полковник Уэст стал ренегатом и дезертировал из Специальной тактико-спасательной группы Отряда «Дельта», другие пехотные дивизии уже знали отряд Уэста под кодовым именем «Банда Хулагу». Высокопоставленный сотрудник Пентагона анонимно заявил, что в Ираке проводились секретные миссии, целью которых было арестовать Уэста с тем, чтобы передать его военно-полевому суду за измену, в том числе за планирование систематических атак на американские конвои под Басрой и попытки установить контакт с исламистами в Ираке и за его пределами. Однако попытки Пентагона очернить Уэста каким-то образом провалились, когда он через пиратскую радиостанцию выступил с заявлением: «Моя враждебность по отношению к исламистам развилась в яростное просветление». Уэст продолжил перечислением катастрофических ошибок, порожденных естественной неспособностью американских генералов к восприятию войны, Ближнего Востока и вычурного злодейства, необходимых для продолжения войны. Уэст неоднократно указывал на то, как американские солдаты под неумелым руководством своих командиров опозорили свою «ненасытную проникаемость» и превратились в офицеров, служащих исключительно ради денег и карьеры. Наконец, он выражал сочувствие американским солдатам загадочными намеками на то, что его «сыновьям» (так Уэст называл своих учеников-военных) и ему самому необходимо прагматически поразмыслить о том, что он называл «Нефтяная Этика Войны», или «ближневосточное Кредо Войны». «Смысл войны обнаруживается только в поиске смысла нефти. Просветление, как о нем говорят джихадисты, — воплощение этого факта».

После своей последней проповеди Уэст начал искать способ понять войну как автономную сущность (понять войну как машину, с машинными частицами и деталями). Он начал свою экспедицию от месопотамского некрополя пыли, нефти и заброшенных машин войны, эксгумировав немислимо древние модели понимания-войны-как-машины.

«Они не сдаются потому, что Ближний Восток сам есть не что иное, как доктрина понимания войны как машины, гораздо в большей степени, чем доктрина машин войны. Война порождает машины войны, чтобы пожрать их; душит их воинственную жажду выживания. Это Не-Жизнь Войны. Я пришел к этому выводу после моей последней миссии с „Дельтой“, операции „Пустынная Свобода“. Местные жители говорят, что древние ассирийцы как потрепанная войной раса, полностью захваченная туманом войны, были одержимы той же формулой; вавилоняне презрительно называли это Ассирийским Ламассу-Комплексом. В Наджафе и Ниневии наши контакты говорят о знаменитой женщине — контрабандистке нефти по имени Джей, которая организовала воинствующий религиозный культ „нафтанитов“ в горах Курдистана в Иране. Они верят, что Не-Жизнь Войны питается нефтью, или, как они ее называют, „черным трупом Солнца“. Нефть заставляет машины войны скользить к себе. Радикальная Война изначально приходит с другого конца нефтепровода. Их эмблема — расколотая звезда с девятью лучами. Я видел ее на стенах в пограничных иракских деревнях» (из письма полковника Уэста бывшим членам его Отряда «Дельта», в котором он призывает своих «сыновей» присоединиться к нему).

Модель Войны-как-Машины все больше отдаляется от делезо-гваттарианской модели, согласно которой столкновение машин войны порождает войну как следствие (пере)разогрева машин войны (модель, согласно которой война может быть как-то описана термодинамически через конфликтные тактики машин войны). В модели Войны-как-Машины низовые потоки заменяют доминирующую динамическую роль тактики в модели Делеза — Гваттари. Машины войны движутся вперед по низовым потокам и перестраиваются в соответствии с ними. Петрополитические низовые потоки, где нефть, например, выступает главным заговорщиком, функционируют как Теллуру-окультурная смазка, по которой все скользит, продвигаясь во всех направлениях. Другая базовая диаграмма этой модели такова: Война-как-Машина функционирует с помощью воспламеняющих спиралей. Война постоянно закачивает охлаждающий Aer (Туман Войны как система охлаждения) на поле боя, чтобы одновременно охладить и ослепить машины войны. Хотя система охлаждения стратегически дает машинам войны новые возможности разогреться, им необходима слепота, чтобы воспламениться собственной яростью. Эта спираль оккультно соответствует неустанному воскрешению скандинавских воинов в Вальхалле после столкновения друг с другом в войне (модель Пыль к Пыли [Прах к Праху]). Спираль рано или поздно достигает точки расплава, технически именуемой Дно, или FUBAR, откуда нет возврата.

Машины войны постепенно приходят к точке автономии, формируя спираль и достигая точки воспламенения. Эта точка расплава — инферноматическая тепловая смерть. В отличие от термодинамического разогрева и необходимого стремления машин войны к выживанию тепловая смерть не подлежит переработке: это точка, в которой военное выживание невозможно. Военное выживание использует тепло и трансформирует его в движение машин войны — источник и конфлик-

та, и выживания. Тепловая смерть, напротив, выступает источником напряжения между машинами войны и войной как таковой, а не среди самих машин войны. Беспрестанная деятельность — тактика односторонней коммуникации с войной. В точке расплава машины войны полностью лишаются своего военного выживания (но не становятся самоубийственными); они проходят инициацию в царство самой Войны, становясь частицами-охотниками (Тумана Войны), или частями Войны, которые охотятся на машины войны. Кремированные в пепел (Прах к Праху) или испаренные в ГАЗ машины войны исчезают в тумане в точке расплава — буря разлетающихся частиц, рассказывающих об эпидемии Войны. И нужно припомнить, что частицы составляют *al-khemy* [алхимию] всякого колдовства и Тумана Войны. В модели Войны-как-Машины принцип навигации (проб) машин войны, или, сокращенно, K&K («командование и контроль», или «командование и колонизация») становится невозможным на субъективном уровне. Машины войны отсоединяются от своих линий командования. Модель Войны-как-Машины имеет сложное устройство, функционирующее на уровне скорее стратегии, чем тактики, скорее разбегающихся частиц, чем конвергентных тел.

Жажда охоты, воющая в машинах войны, — это симуляция, фрагментарный образ Не-Жизни Войны. Машины войны могут понять ее как нечто внешнее, но порождающее их устройство и их жажду охоты. Парадоксальным образом жажда охоты, существующая в каждой машине войны, — это симуляция радикальной ярости, с которой война ведет охоту на них.

Архео-демонографическая фигура этой спирали — дракон или, в древней Персии и Вавилоне (Вавилонии), *Azhi*²³. Скрученная дракоспираль (змей, дракон) становится весьма актуальной для Войны с Терроризмом / против Терроризма и ассоциирующейся с ней одиссеи трубопроводов. Петрополитические низовые потоки прямо ассоциируются с деятельностью Исламского Апокалиптизма. В силу их существования в нефтяных ресурсах исламские машины войны²⁴ контрабандой просачиваются вместе с нефтью на Запад; они также поддерживаются культами — такими как олигополитической ОПЕК — в их стремлении одновременно на Запад и на Восток. Когда исламские машины войны, контрабандой проникшие по нефтепроводам и петрополитическим потокам, достигают своего места назначения, они начинают сливаться с западными военными машинами — берсерками, которые питаются (или пируют) нефтью. Западные технокапиталистические машины войны все больше тянутся к (жаждут) нефти. Такое влечение приводит к невольному привлечению и зависимости от петрополитических существ (таких как исламские машины войны), прячущихся в нефтяном импорте или низовых течениях нефти и трубопроводах. Поскольку западные машины войны уже были (скрытно) запрограммированы и заражены исламскими машинами войны, проникшими через нефть, они воинственно набрасываются на исламские машины войны или, если выразиться более точно, их влечет к исламским машинам войны внешняя сила, уже приведшая к внутренней мутации их нефтяной нервной системы и петромании. Для западных машин войны зависимость от нефти не ограничивается нефтью как топливом: она распространяется и на Исламский Апокалиптизм в извращенном и воодушевленном стремлении сцепиться и вступить в конфликт с исламскими машинами войны.

В этом столкновении, происходящем на тактическом уровне, но запущенном стратегией, западные машины войны истощают «нефть» и «мутирующие программы Исламского Апокалиптизма», уже встроенные в них как западных потребителей нефти петрополитическими потоками. Таким образом, как только западные машины войны истощают свои запасы топлива и энтузиазма двигаться вперед, они начинают искать другие, более густообразные и подземные измерения петрополитики, взаимодействовать с более сложными сущностями Исламского Апокалиптизма и петрополитики. Все это образует дракоспираль на каждой стадии конфликта и коммуникации, которая устремляется к Не-Жизни Войны. Дракоспираль состоит из воспроизводящегося петрополитического цикла (повторяющегося обмена). Из-за вариаций в петрополитических и нефтяных сценариях спиральное воспроизведение дракоспирали может быть заряжено и мобилизовано по-разному. Любое гиперверие нефти, будь то панорама бесконечных и воспроизводящихся нефтяных ресурсов Томаса Голда или сценарий Истощимого Ископаемого Топлива, имеет особые эффекты и последствия на дракоспираль и ее вращающихся слоях: одиссея трубопроводов.

«Война продолжается... Война всегда здесь. Когда появился человек, война уже ждала его. Предельное занятие, ждущее своего предельного практика... война есть бог» (Судья Холден).

Возможно, наиболее эффективный способ понять Войну с Терроризмом / против Терроризма — это понять Войну-как-Машину. Делезо-гаттарианской модели не удастся эксгумировать низовые течения и подземные процессы Четвертой Мировой. Вот почему Отряд «Дельта» (бывший секретный военный культ полковника Уэста) не имел успеха в НАМификации разрастающейся пустыни Исламского Апокалиптизма. Причина этого провала не в том, что ближневосточные пустыни уже разрослись, а в том, что, как отметил Парсани во «Взлете и падении Солнечной Империи», «Ближний Восток, как единственный преданный сторонник ассирийской доктрины Войны, есть не географическая или политическая единица, а разумный процесс опустынивания, который может быть понят только исходя из предположения, что война — это автономная сущность, независимая от того, что ее провоцирует. Как можно добавить что-то еще к этой уже-пустыне, если ваши религии, политики и верования все еще втайне мечтают о лужайках и джунглях?»

Садистский заговор пустыни дает машинам войны возможность легко маскироваться. Но в то же время пустыня радикально обнажает машины войны. Пустыня безжалостно раскрывает их свойства, траектории и внутренние механизмы, сдирает все слои камуфляжа с их трепещущих тел. Пустыня не маскирует машины войны: она маскирует саму Войну.

«Это не Вьетнам, это не джунгли: пустыня всегда готова перевернуть любую человеческую мысль, высосать машины войны досуха. Если джунгли мы поливали агентом „оранж“, чтобы лишить вьетнамцев источников еды и укрытия, то здесь враг сражается рядом с нами за освобождение пустыни: именно это, а не наше поражение — их главная цель» (полковник Джексон Уэст).

«Два раскрашенных А37 „Стрекоза“ на авиабазе Бьенхоа, куплет из американской военной лирики, разносящийся над Вьетнамом, два полюса американской пиромании — один во имя Бога и чистоты, другой — во имя бездны и нефтепровода. Один говорит: твои страдания на земле лишь откладывают твой последний сон. А другой дополняет: пусть враги мои падут в дыму и напалме; для них Аверн не будет сюрпризом!» (Джексон Уэст, личный дневник, 19 мая 1967 года).

Раздосадованный «западными принципами опустынивания», уводящими и отвлекающими американскую военную мощь от подлинного участия в Войне игрой с «капризными машинами войны», в период после войны в Ираке и перед отбытием полковник Уэст опубликовал брошюру об этических основаниях опустынивания. За брошюрой последовал учебник, сосредоточенный на военных тактиках на ограниченной территории или в условиях города (урбанизированной войне, как это называл Уэст). В брошюре об опустынивании Уэст разъясняет свою позицию касательно войны и городов — полемическую, согласно другим офицерам, но всего лишь «военную банальность», если верить самому Уэсту: «Война в пустыне может проявляться только в городских условиях, и только города могут высвободить пустыню»; «военное единение с пустыней возможно только путем намеренного прочерчивания каждой тактической линии на городском времени и пространстве», — пишет полковник. Уэст постоянно повторяет, какое огромное значение имеет урбанизация военных программ, если задача состоит в том, чтобы столкнуться с Войной как автономной машиной. Он утверждает, что урбанизация всех способов ведения войны или перепрограммирование военной политики в соответствии с городским пространством — единственный способ наконец повзрослеть и принять участие в операции «Пустынная Свобода». В отличие от городских военных действий урбанизированная война сообщает городу логику пустыни, то есть логику войны без машин войны.

«Операция „Пустынная Свобода“ — это обязательство, безответственно приглушенное и заброшенное западным подходом к пустыне, который давно устарел, если вообще когда-либо существовал вне западных ориенталистских фантазий» (из вступления к «Введению в урбанизированную войну»).

Учебник Джексона Уэста по урбанизированной войне впоследствии был переработан («размолот на удобоваримые кусочки») и ремилитаризован в безопасной форме американским командованием для повседневного применения, главным образом в Ираке. Учебник представляет собой теоретическое и прагматическое техническое руководство, призванное «лишить командиров иллюзий и разогреть солдат». Это одна из причин, по которым оригинальная, непричесанная версия учебника широко ходила по рукам среди бродячих иракских отрядов. Согласно Уэсту, городские военные действия все еще разрабатываются на основе открытых и широко известных приемов ведения войны; по этой причине его интересовало не ведение войны в условиях города, а урбанизированная война, его темный близнец, безжалостный как к машинам войны, так и к го-

родам. Чтобы урбанизировать войну, а не развивать ведение войны в условиях города, Уэст с дотошной свирепостью, подробно разворачивает оба термина. Учебник по урбанизированной войне включает техники коммуникации, «домашней уборки», ремобилизации военных подразделений, объединенного вооружения (соединение высоко- и низкотехнологичного оружия), командования и т.д. Учебник делится на следующие основные разделы, каждый из которых по отдельности заключает, что «Пустыня рождается из урбанизированной войны и отказа от традиционного поля боя».

Коммуникация. О гнездовой коммуникации в урбанизированной войне и ее роли во всеохватном опустынивании. Первым приоритетом должно быть рассмотрение урбанистического ландшафта с точки зрения коммуникации, то есть опустыненного (но не опустошенного) города. В радикальных городских военных действиях, или урбанизированной войне, вложенная коммуникация — необходимость, так как солдаты оказываются запертыми в слепых зонах и коммуникационных тупиках, мобилизованные глубоко в городском пространстве, в переулках, домах, окруженных высотками, окруженными башнями, и т.д. Такая вложенная коммуникация отвечает за превращение города в пустыню, насколько возможно открытую, очищенную от всех воздвигнутых идолов, упрощая все типы коммуникации, стирая вертикально ориентированный городской ландшафт, чтобы обеспечить всеохватную коммуникацию. Она должна предоставить солдатам возможность доступа и способность замечать враждебные, дружественные и нейтральные единицы.

Пехотизация. Не трансформация военных подразделений в пехотные, а ремобилизация солдат как молекулярных боевых единиц, различаемых по всем подразделениям. Военная деификация солдатского *raison d'être* и фокализация их ролей. На этом враждебном фронте урбанисты джихада также обладают огромной силой. Сила урбанистов джихада — в их способности переживать обратимые метаморфозы: из гражданского лица в ополченца и из ополченца обратно в гражданское лицо. Гражданская сторона урбаниста джихада столь же опасна, как и милитаризованная сторона. Сила пехотизации проявляется, когда джихадистское ополчение отступает в свое гражданское состояние с военной четкостью, а не наоборот. Уэст повторяет, что военная сила ополчения безгранична: с одной стороны, оно обладает ужасающим засадным потенциалом, а с другой — ускользающим и обманчивым характером гражданской стороны.

Только двуличная тактическая линия и полиморфная конфигурация пехоты, культивируемая гражданскими, и наоборот, могут эффективно противостоять и вносить дисбаланс в асимметричную военную силу полуорганических или неорганических подразделений, таких как авиация и тяжелая пехота. Задействовав свое гражданское «я», ополченцы способны принять в себя повреждения, нанесенные превосходящими силами военного подразделения, например авиации, и превратить их в гражданские жертвы (абсолютное оружие против организованной западной военной мощи). Полковник Уэст свя-

зывает пехотизацию в урбанизированной войне с военными затруднениями, ассоциирующимися с урбанизированными джихадистами. Пехотизированный солдат — это окончательный ответ на гражданское ополчение джихадистов. Единожды пехотизированные, солдаты трансформируются в солдат-полицейских, а не только исключительно солдат армии, они могут эффективно противостоять урбанизированным джихадистам, не опасаясь их гражданской стороны. Столкнувшись с правоохранительными органами, ополчение не может представить свои потери как жертвы среди гражданского населения. Рассматривая пехотизацию как процесс объединения солдата пехоты и сотрудника правоохранительных органов, можно эффективно бороться с урбанизированными джихадистами. Солдат пехоты может быть переобработан таким образом, чтобы он мог трансформироваться в тотального полицейского, а не простого солдата, когда гражданская сторона враждебного ополчения приходит в движение. Если ополчение выбирает быть активным гражданским лицом в этой тактической и одновременно стратегической войне, то и солдат пехоты может быть полицейским, власть которого не может быть прямо связана с жертвами среди гражданского населения. Деятельность пехотизированных солдат как правоохранительных органов картографируется через охранительную рамку как защита «других» гражданских и контроль над гражданским ополчением (целенаправленная констеблизация).

Пространственность. В случае ведения боевых действий в условиях города преимущество всегда на стороне ополчения. Задача пехоты — разработать урбанизированную войну, способную питаться пространством и временем, происходящим из городских военных действий. Силы атакуют нелинейно, заполняя район операции со всех сторон и симулируя сложность городских пространств, перегруженных новым населением, новой толпой «гражданских». Различные зоны городских сражений дают солдатам разные уровни понимания ситуации и врага, но жизненно необходимо, чтобы оба фронта выработали осознание, основанное на логике пустыни или процесса опустынивания, наползающего на и проползающего через город. В процессе городских боевых действий силы вторжения (в смысле входа в пространство, уже оккупированное и населенное горожанами) обычно остаются неприкрытыми вследствие недостатка разведданных касательно ограниченного городского ландшафта, враждебные горожане и ополчение могут сражаться на предельно закрытом ландшафте, что может быть приравнено к абсолютному преимуществу. Таким образом, битва враждебных урбанистов или ополчения всегда направлена внутрь, в царство препятствий — городской каньон. В случае же урбанизированной войны каждый боец должен рассматривать себя как препятствие — «видеть все с точки зрения препятствия». Уэст затем использует *паркур* как парадигмальный пример дисциплины, в которой практикующий в процессе движения становится единым целым с препятствием. Каждый солдат должен стать *traceur*, летящим по кривой траектории зарядом, проявляющим глубокое сострадание к физическим препятствиям. Опустынивающая философия урбанизированной войны перемешана с внутренними про-

странствами, ограниченными ландшафтами и препятствиями. «Мышление Закрытости» должно быть фундаментальной доктриной урбанизированной войны. Цель радикальной городской войны — вывернуть наизнанку поля боя как тактические платформы, поместить военную силу и ее побочные эффекты на внешней стороне традиционного поля боя, которое очевидным образом населено и обжито тем, что отличает открытое поле боя от городского/гражданского пространства. Внешнее традиционного поля боя — это внутренность города, платформа урбанизированной войны.

В Мекка-номическом смысле радикальная урбанизированная война перенаправляет все разрушения открытого поля боя в Дом Мерзостей, который следует сравнять с землей. Пространство идолопоклоннических празднеств, или мерзостей, демаркировано всеми манифестациями, которые экзистенциально, или в силу их вертикальности, конкурируют с трансцендентностью, приписываемой первичному объекту поклонения. Идолы должны быть сконцентрированы и собраны в специальном пространстве, называемом «город», где от них всех вместе и разом можно будет очиститься. Города по факту есть дома идолов; все их эманации заслоняют славу Бога. Все модусы городской войны — монотеистические ритуалы. Уэст предполагает, что урбанизированная война есть секретное военное сотрудничество между стратегической закрытостью и открытостью. Поле боя закрывается, чтобы в конечном итоге достичь опустошенной открытости, свободной от всякого суждения. «Монотеистический долг ополчения Джихада — сражаясь, не выбрасывать неверующего врага из населенных и застроенных центров, а заманить их внутрь, чтоб позиционировать город между яростной защитой и безрассудной яростью врага. Таким образом джихадисты и западные солдаты, каждые со своей стороны, помогают друг другу сравнять город с землей или, выражаясь более технически, заставить и город, и врага-сотрудника покориться Богу; это покорение по сути и есть переход в ислам, религию полной покорности Богу. Освободить пустыню — значит коммуницировать с единым и единственным Богом», — добавляет Уэст. В урбанизированной войне единственная возможная победа — стирание города с лица земли, синхронная победа обеих сторон. Учебник предполагает, что на Ближнем Востоке мышление в терминах открытости — например, открытости поля боя — обречено на провал. Уэст часто упоминает способности урбанистического ополчения к перепрограммированию города как основного объекта войны, как портала к концу нефтепровода для джихадистского ополчения. На Ближнем Востоке городское планирование основано на ожидании урбанизированной войны. «Клаустрофобическое, аномальное устройство таких городов, как Карачи, Тегеран и Дубай, представляет собой не просто симптом плохого управления или истерии, вызванной избытком нефтяных денег, — отмечает Уэст, — ведь такие города мыслят перспективно, когда дело касается войны. Их устройство, соединенные между собой здания, перенаселенность представляют собой приготовления к войне. За исключением отдельных спорадических примеров архитектура Ближнего Востока представляет собой либо плохие имитации Запада, либо основательно милитаризованную застройку. Каждый кирпич либо

провоцирует джихадиста и разжигает его ярость, либо мостит ему дорогу в пустыню». Ввиду урбанизированной войны само население становится самой укрепленной траншеей: каждый гражданский представляет собой укрытие и склад оружия для ополчения.

Орудия войны. Дискриминация, чистая убивающая сила, систематическое определение целей и внесение поправок, перераспределение единиц и оружия, нематериальные вторжения и «механический ужас» (дроны, «умные» ловушки, самостоятельно определяющие цель камеры и оружие и т.д.). В этом разделе Уэст излагает подробности первого императивного элемента урбанизированной войны — «будь непоследовательным». Каждая операция, каждое формирование, каждое перемещение и атака (например, зачистка домов или помещений в здании) должны быть непоследовательны и отличаться как от действий в других частях города, так и от аналогичных действий в прошлом. Городская война перепрограммирует машины войны в конечной точке любого паттерна; она опустынивает распознавание паттернов, необходимое для молярных военных подходов к тактике и сопротивлению; событие, которое Уэст называет «отказ от военных формаций Государства и рождение партизанского государства». Следуют рекомендации по использованию вооружения с максимальной проводимостью и контролируемой эффективностью в урбанизированной войне, с примерами. Центральная роль пуль и амуниции, а отнюдь не оружия, становится главным мотивом данного раздела. В урбанизированной войне центральная роль пуль возрастает до такой степени, что пули становятся важнее оружия. В городских военных действиях пули — в совершенно не метафорическом смысле — новое население городов, а города урбанизируются движениями, траекториями, жаром и свистом пуль, а также химией их поверхностей. Пули — идеальные граждане: коалиционные войска в Ираке называют их «блестяшками» или «Звездными Гражданами». Уэст утверждает, что радикальность этого нового гражданства идеально подтверждается, когда американские солдаты изымают местных жителей и заменяют их пулями. Траектории и безупречные роения пуль, полностью эмпатизирующие с городским ландшафтом и его контурами, переделывают город, превращают его в губку или пемзу с проколотой, ройной лиминальностью, пол(ый) комплекс в развитии. Если жар в современных мегалополисах — индикатор и экзистенциальное доказательство прогресса цивилизации, тогда жар пуль в городском ландшафте превосходит все существующие на данный момент меры плотности цивилизации, модернизации, населения, скорости и сложности. Пули могут предельно модернизировать целый город за одну ночь.

Пули, покидая дуло, разворачивают свои урбанистические характеристики в виде монументов. Обычное население городов уходит в забвение после смерти, но пули после потребления возрождаются еще более смертоносными. Растраченные, пули сохраняются, занимают пространство в городе, их некростатические формы что-то добавляют городу, а не отнимают у него. Пули — орудия войны, которые становятся политическими агентами, социо-

культурными катализаторами, пропагандистскими машинами. Такие города, как Бейрут, Карбала и Фелуджа, служат примером таких мутаций из орудий войны в эффективных политических и даже политическх деятелей. Следы пуль на стенах жилых домов и гражданских автомобилях — типичные портреты этих глубоко политическх мутаций военного в предельно военное. Другой пример — использование самонаводящихся пуль, снабженных инфракрасными и лазерными системами наведения (применение которых обычно сопровождается подъемом боевого духа солдат при столкновении с урбанистическим ополчением — солдаты в просторечии называют это «лазернуть их к такой-то матери»). Сложный ландшафт урбанизированной войны требует консолидации вооружений вокруг пуль и околоамуниционных вопросов — патронов, заряда, доставки и упаковки боеприпасов, внешней баллистики, точности (выборности целей). В урбанизированной войне превосходство вооружения измеряется не огневой мощью, технологией или даже весом, а способностью, если это необходимо, устанавливать прямую и независимую линию командования в отсутствие логистики и даже командиров и обратить сдерживающую сложность городского ландшафта против врага.

Командование. Уэст использует термин «плоское командование» для обозначения урбанизированного плана командования. Прямое, осуществляемое в режиме реального времени и усиленное эффективной стратификацией пространства между командованием и тактикой (в отличие от революционных военных доктрин, нацеленных на дестратификацию), плоское командование вносит дополнительную организацию в мобильность и коммуникацию боевых единиц наиболее гладким образом. Это не только временное колдовство и дистиллированная форма военной подвижности: плоское командование до некоторой степени элиминирует необходимость в «разрешении на действие» для боевых единиц и отрядов. Уэст приравнивает этот тактический ход и его автономию деятельности к целенаправленному и рассчитанному размножению неподчиняющихся и отказывающихся боевых единиц. Самодеятельные боевые единицы — это высокоплотные тактические ячейки принятия решений, духа скрытности, сбора информации, инфильтрации, оригинальности и фанатизма (характеризующиеся предрассудками и склонностью к массовым убийствам) внутри общей военной сферы. «Будущее военного искусства в руках самостоятельных боевых единиц». В продолжение этого анализа плоского командования Уэст подчеркивает древние формулы тайных обществ как образец для формирования самодеятельных боевых единиц в Войне с Терроризмом. Тактическая плотность самодеятельных единиц может приносить плоды при переформулировании модели военных отрядов согласно структуре древних тайных обществ. Известная как «Фрактал Террора», структура древних тайных обществ и классических террористических групп — треугольник. Треугольная структура координирует высоко модифицируемую и операциональную связь между тремя солдатами. Эта структура может быть легко пополнена в случае потери одного или даже двух членов треугольника. Командные функции мо-

гут эффективно переходить от одного члена треугольника к другому с сохранением прагматически эффективной стратификации (порядка) скорее не пирамидального типа, а плоского или выровненного по горизонтали (состоящего из двух точек). Треугольная структура, или триномический отряд, легко может быть подсоединена к другой треугольной структуре или отряду того же типа без установления командной цепочки. Таким образом, создается военный фрактал, способный передавать команды в режиме реального времени. Фрактал ТERRORA нейтрализует большую часть враждебных действий, направленных на обрыв или нарушение военной формации. С плоским командованием противник не может ввести элемент энтропии в армию путем элиминации командиров и офицеров.

Несмотря на все военные тактики, ассоциирующиеся с урбанизированной войной, перечисленные в его учебнике, Уэст заключает, что западная война на городской территории неизбежно проиграет в сравнении с исламским пустынным милитаризмом, центральный элемент которого — урбанизированная война. В продолжение своей аргументации Уэст ставит под вопрос масштаб и иссушенный размах исламского пустынного милитаризма. «Как невинно было бы опустынивать то, что рождено из пустыни, мыслит и растет в пустыне. К тому же у них и так довольно пыли». В другом разделе Уэст замечает, что джихадист живет, сражается и умирает за пустыню как свою религию. И только горизонтальность партизана пустыни может конкретно воплотить политики, религии, меньшинства и повсеместную двойственность Ближнего Востока. В заметке, весьма напоминающей открывающий пассаж работы «Стирая Древнюю Персию» Парсани, Уэст пишет: «Ближний Восток — это холерическая воинственная горизонтальность: Ближний Восток источает разумность столь чуждую, что она воспринимается как внешняя или внеземная помощь, поддерживающая власть и разум. Обычно подход к такой разумности базируется на понятиях возвращения и вторжения — как правило, под знаменем монотеизма как иномирного Божественного, но требуется время, чтобы осознать, что все это исходит изнутри. Таким образом, эта чуждая разумность характеризуется разбеганием и исхождением из земли, а не пришествием и нисхождением на землю.

В подробнейшем *фаргарде* (главе), касающемся религий и сект на Ближнем Востоке, Парсани рассматривает ваххабизм как случай пустынного радикализма среди исламских сект. Он обсуждает, как ввиду враждебности ваххабизма ко всем проявлениям идолопоклонства (*shirk* и *kufri*) и монотеизм, и идолопоклонство приобретают новые коннотации: один становится всеиспепеляющей горизонтальностью, которая не терпит никакого контура на своей монополии и плоскости, тогда как другое превращается в то, что нарушает плоскую горизонтальность пустыни, иногда в виде антимонопольной политики. Здесь все оценивается в терминах пустыни. Ислам и вдохновленное им сектантство (продолжает Парсани) выводят авраамический монотеизм в возвышенную фазу, происходящую, по его подозрению, от инфицированной ячейки зороастризма, жажда монотеизма которой была на самом деле скрытной практикой субверсии монотеизма пу-

тем паразитирования на ней с неизвестными целью и направлением (миссией). Парсани высказывает спорный тезис, что «монотеизм провалил свою миссию — в особенности на Ближнем Востоке, а ислам победил на каждом фронте, на котором ожидания монотеизма не оправдались. Как ни странно, секретом успеха ислама было освоение наименее важных задач, монотеистических надежд и амбиций монотеизма в отношении пустыни: стать не просто заклинателем пустыни, но самой пустыней, предельной платформой коммуникации с Божественным». Как отмечает Парсани, ваххабизм, секта пустыни внутри ислама, практикует радикальное очищение от идолов, которое далеко отстоит даже от самых крайних желаний и неожиданных характеристик монотеизма.

«Ваххабизм предполагает, что, дабы очистить [землю] от идолов, бессмысленно и абсурдно охотиться за ними поодиночке; решение состоит в том, чтобы раз и навсегда сравнять с землей их обиталище, смести с лица земли саму культуру. И все же этого недостаточно: чтобы избавиться от всех идолов, необходимо уничтожить саму веру, которая питает и удобряет идолов. В присутствии веры идолопоклонство неизбежно: все что угодно может стать идолом. Для ваххабизма вера — это Ферма Сатаны и должна неустанно изничтожаться, выжигаться, разосновываться и подрываться. Отсутствие или стирание веры в монотеистическом повороте становится эквивалентом воинственной кампании против идолопоклонства» (Х. Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

Несмотря на глубокое отвращение к пророчествам («Нет ничего более дурацкого, чем археолог, чье сердце тоскует по Нострадамусу»), Парсани предлагает нам взглянуть одним глазком на будущее этой опустынивающей машинерии, для которой даже вера поощряет идолопоклонство или выступает идолопоклоннической избыточностью:

«Будущее джихада и мученичества лежит во прахе веры. Уничтожив веру, авраамическая война с идолопоклонством расцветет невообразимо; оно обретет новые смыслы и новые передние края. Если вам не терпится узнать, где и каким будет будущее, спросите воина-ваххабита».

Для Уэста ваххабизм тоже представляет собой ключ к пониманию неизмеримости пустыни и процесса опустынивания, необходимого для конкретного понимания войны как машины. «Тысячи лет Ближний Восток снабжал основной мир бесплатным путеводителем по феерическим результатам понимания войны как машины». Уэст всегда напоминает своим «сыновьям», с чем они имеют дело. На аудиозаписи, обнаруженной в деревне неподалеку от Карбалы Третьей пехотной дивизией армии США, доставленной в 1-й оперативный полк специального назначения «Дельта» для анализа и затем опубликованной Отрядом «Дельта», слышен голос, по подозрению «Дельты», возможно, принадлежащий одному из старших лейтенантов полковника Джексона Уэста. Он путано повторяет одну из проповедей Уэста. Пассаж, опубликованный «Дельтой», так

резонирует с рассуждениями Парсани (за исключением их интеллектуализма и аналитичности), как будто дискурс Уэста был напрямую вдохновлен отрывками из «Стирая Древнюю Персию»:

«Путь к пустыне Бога создается испелением веры. Атомная химиотерапия может быть бесполезной сегодня, но она точно пригодится, чтобы разжигать веру, жажнув их ядерной бомбой. Испелять веру, как ваххабиты — это систематическое просвещение, когда дело доходит до войны. Забудьте про „проблему религии“, она не имеет значения. Религия невозможна, и точка. Религия растет на основе веры. Для ваххабитов вера — это *Mazrae Shaytan*, Ферма Сатаны, а верующие — его фермеры. Как можно жить без веры? Спросите ваххабитского бомбиста-самоубийцу: он скажет вам, что это наиболее ответственный способ поклонения Богу, неотличимый от борьбы и от жизни. Пустынное просвещение требует этики войны, а не машин войны, и этика войны становится реальной только тогда, когда она практикуется в послезижнии веры. Тот, кто избавился от веры, никогда не будет жертвой».

Преклонение полковника Уэста перед вероисповеданием уничтожения веры («пришло время вступить в ядерную зиму веры») и его безжалостные атаки на религию не следует понимать упрощенно как защиту неверия; поскольку неверие так же требует примитивной веры, чтобы отрицать ее, чтобы длить план неверия с помощью логики негативности и исключения. Тогда что представляет собой этот вал ужаса уничтожения веры путем постоянной ядерной химиотерапии? Разве он не создает ту внутреннюю пульсацию, что становится неизбежным выходом для ваххабитского бомбиста-самоубийцы? Ирония этой не-веры возводится до лиризма боевого клича бомбиста с его фанатично демократическим поворотом: я обожаю толпу.

Поддерживай пустыню. Единственный способ для человека Запада охватить необъятность Сахары (Пустыни) — захлебнуться *parht* (нефтью), но нефтепроводам нужно время, чтобы перекачивать ее по континентам. Итак, как мы можем опираться только на обещания нашей нафтанитской религии?

Вклад военной мощи США в Войну с Терроризмом состоял только в расширении пустыни, на которой ислам полагает свои основания и которой посвящает свою Умму: Пустыня Киямат, Пустыня Исламского Апокалипсиса. Когда-то пушка, нацеленная на воробья, метафорически изображала безграничную щедрость американской гегемонии. Теперь, в ходе Войны с Терроризмом и ее пустынного милитаризма, столь роскошные пиры арсенала открывают джихаду дверь с другого конца пустыни, страстно и незаметно. Если верность ислама Киямату проходит через пустыню, на обжигающей поверхности которой не может устоять ни один идол против Аллаха, то американский милитаризм со своим собственным неудержимым стремлением к опустошению также мигрировал и ремобилизовался на распространение пустыни, таким образом расширяя дорогу джихада к пылающему Киямату. Следуйте этой линии; поощряйте американскую машину войны, пусть она подчиняется ее искореняющему это-су; жертвуйте пустыне, распыляйте все препятствия на пути джихада и его пустынных кочевников.

Если *pax Islamica* (Умма) так стремится перевести войну в городские пространства, то только потому, что они знают, что американские машины войны не просто зачищают городские пространства, как обычная армия, выступающая против обычного врага: они стирают города. Их тактики и экстратерминальное оружие запрограммированы на то, чтобы превращать города в пустыню, разбивать любое воздвигнутое строение по кирпичику, по атому, с нечеловеческой страстью к тактической точности; так они объединяются с их ваххабитскими противниками в уничтожении всего воздвигнутого, стирании всех проявлений идолопоклонства.

Вьетнамские джунгли были гостеприимны для американской машины войны, как будто они сотрудничали друг с другом. Джунгли были идеальной целью, на которую можно было проецировать американское превосходство в самой возвышенной и зрелищной форме, в то же время скрывая тела вьетконговских солдат под горами дымящихся деревьев, которые затем смывало в болотистые реки. Но в пустыне такая демонстрация военной мощи либо отражается негативно на ней самой, либо только вдохновляет противников-джихадистов, которые подпитывают и удовлетворяют свою воинственность и рано или поздно встречают свою судьбу в пустыне и от пустыни.

Вьетнам остался в истории как поражение, но все же это было величайшее военное достижение Америки: вся ее военная экономика была направлена на производство оружия и армий, запрограммированных на избыточное убийство и развитие этой способности в направлении потенциала полного опустынивания. По факту Вьетнам не только увеличил военные расходы США, но и вознагра-

дил их иллюзией, что ко всем военным целям можно относиться как к джунглям и что война необходима для машин войны, а не наоборот.

Неудивительно, что и Крестовый Поход, и Джихад, каждый со своей стороны, выступают союзниками пустыни; но для Джихада пустыня не имеет временной ценности: это единственный путь к полной покорности, исламу. И если пустыня — действительно единственный путь покорности²⁵, то военная ориентация США от гигантской операции «Шок и трепет» до богоподобного суверенитета «Смерти с высоты» выражает бесконечное рвение на пути к исламской покорности, едва ли не более преданное этому пути, чем силы Джихада. Теперь, в присутствии американских вооружений, бой должен быть выведен с улиц и открытых пространств в укрытия и гражданские здания — не с целью приобретения тактического превосходства, а с целью помочь США расширять пустыню Джихада, сравнивая с землей любые укрытия, любые воздвигнутые объекты; облегчить, упростить и ускорить восхождение Джихада, который не терпит других полей боя, кроме пустыни.

Джей
Кодекс Яту
(перевод с персидского Х. Парсани)

ТЕЛЛУРИАНСКИЕ БУНТЫ

КСЕРОДРОМ,
СОЛНЕЧНЫЕ БУРИ И ОСЬ
«ЗЕМЛЯ — СОЛНЦЕ»

ТЕЛЛУРО-МАГНИТНЫЙ ЗАГОВОР В ОТНОШЕНИИ СОЛНЦА I СОЛНЕЧНЫЙ ГРОМ

Хамид Парсани в эссе «Взлет и падение Солнечной Империи» высказывает предположение, что строгое расследование аномального сговора между Землей и Солнцем средствами того, что он называет Теллурианским Богохульством (демонограмматическое декодирование тела Земли), — непройденный, но, несомненно, эффективный путь. Такое расследование, предполагает Парсани, может понять процессы и сущности, вовлеченные в Подъем Ближнего Востока как разумной сущности и турбулентной зоны эпидемий, необычных модусов военных действий, властных формаций и политический возмущений. Парсани прослеживает Подъем Ближнего Востока вплоть до оккультного расплава, известного как Ассирийский Синдром (позже сходные катаклизмы имели место в Вавилонии, Египте, Персии и Палестине), который, по его мнению, был результатом создания оси коммуникации и соучастия между Солнцем и более скрытной вредоносной сущностью внутри самой Земли, «Теллурианским Инсайдером». В своем эссе Парсани дает волю восхищению вокализациями ближневосточных языков и их фонетическими системами, или тем, что, как он говорит в «Стирая Древнюю Персию», греки и римляне называли «Варварской Музыкой». Парсани убежден, что эти вокализации приводят в систему все аспекты Ближнего Востока — от теллурианских до политических и религиозных — аспекты, которые, согласно Парсани, были сплетены вместе, на основании гегемонии Солнца и утраты этой капиталистической гегемонии. По Парсани, Подъем Ближнего Востока и его восстание против Солнечной Империи необходимо сопровождаются и прославляются определенной музыкой, хором специфической коммуникации Ближнего Востока со всем остальным миром, который включает и сочетает в себе теллурианскую и звездчатую мудрость. «Когда Ближний Восток как живая разумная сущность вступает в войну с солнечной империей или ее земными рекрутами — набранными под личиной государств, экономик, политик или культур, — его эскапады на территорию врага

совершаются с незабываемым боевым кличем: музыкой неогласованных алфавитов», — пишет Парсани.

Звуковой Холокост. Ионосфера Земли состоит из ионизированных территорий над поверхностью Земли. Эти стратифицированные регионы, распределение которых над земной поверхностью также испытывает влияние дневной температурной солнечной активности (см. рис. 24), напрямую влияют на радиоволны, главным образом благодаря присутствию свободных электронов. Эти регионы классифицируются по высоте и организуются в относительно горизонтальные стратифицированные слои. Когда радиоволна попадает в ионосферу, ее электрическое поле сообщает колебательное движение электронам, которые, в свою очередь, излучают эту энергию, как миниатюрные антенны. Это влияет на скорость распространения волны. Однако во время солнечных бурь эта кажущаяся крипто-бюрократическая стратифицированная конфигурация рушится и рекомбинируется в соответствии с радикальной нестабильностью регионов и возбуждением взбесившихся электронов, заряженных электромагнитными вспышками Солнца. Такие электромагнитные возмущения также ограничивают объем информации, который можно передать в высокочастотном спектре, война, сходящая с небес, чтобы уничтожить все системы коммуникации в едином звуковом холокосте (Солнечный Гром), воспламенив все частицы в едином движении, «Холокосте Свободы».

Во время солнечных бурь слушание одновременно неизбежно и невозможно. Военный радист сталкивается с весьма обширным разнообразием звуковых аномалий, парализующих устройства коммуникации (от сбоя радаров до солнечных вспышек), что приводит радиста в непосредственный и пугающе близкий контакт с солнечной чумой или Солнечным Громом. Это очень личный опыт для каждого радиста во время войны: когда зазор открывается, оператора затягивает внутрь... и он обнаруживает себя в совершенно другой среде, состоящей из одних звуков — звуков не человеческого происхождения, а неопровержимо анти-антропоморфных звуковых молекул, предсмертных электрических судорог, абсолютно выводящих из равновесия скрипов, молекулярных штормов, монотонного гудения, соответствующего кошмарному гудению, которое слышится над головой, когда Друдж-Насу (аватар Друдж, Матери Мерзостей) вылетает из северных гор в образе мухи, чтобы захватить очередное тело. Радиопередача во время шторма передает не-оркестральное тело Вельзевула, Повелителя Мух («Я брожу по свету среди жужжания мух»). Радист воспринимает машины войны как звуковые сущности, пожираемые самой ВОЙНОЙ, поклявшейся пожрать все поле боя Солнечным Громом, образованным магнитным сговором Земли в пользу Солнца, которое провоцирует теллурианский бунт, неведомый даже черной революции солнечной катастрофы.

«Трупный Демон [Друдж-Насу²⁶] приходит к нему из земель севера, в виде яростной мухи, с торчащими коленями и хвостом, бесконечно жужжа, самый мерзкий из отродий Зла [Храфстра²⁷]» (Вендидад, Видевдат, или Книга Законов Против Демонов, Законов Анти-Друджа, Фрагард 7, Законы Чистоты).

âat mraot ahurô mazdâ, ishare pasca para-iristîm spitama zarathushtra us haca baodhô ayât aêsha druxsh yâ nasush upa-dvâsaiti apâxedhraëibyô naêmaëibyô maxshikehrpa erekhaitya frashnaosh apazadhanghô akaranem driwyâ yâtha zôishdishtâish khrafstrâish.²⁸

В глобальном масштабе Солнечный Гром — это предельная музыкальность: он регистрирует любой информационно-ориентированный или сигнальный поток данных как паразитический субшум, амбиентный внутри себя. Солнечный Гром переписывает любой поток данных как Незнак по ту сторону любого паттерна дезинформации.

Теллуристо-магнитный заговор в отношении Солнца. В Теллурианском Бунте в отличие от делезо-гваттарианской Новой Земли («Тысяча плато», «Геология морали (за кого ее принимают, эту землю?)») стратегия стратификации состоит в том, чтобы образовать извращенную имманентность с Солнцем. Высокостратифицированная структура ионосферы/магнитосферы снабжает Землю тайными машинами войны, которые древнее самого Солнца, которыми она захватывает солнечные ветра (высокоэнергетические солнечные частицы) и превращает их в особые планетарные звуковые сущности. Ионосферные слои были специально заточены и упорядочены таким образом, что они укрепляют поверхность Земли демоническими потоками и силами захваченных солнечных ветров, приближая поверхность Земли и ее биосферу к имманентности с Солнцем и пылающим ядром Земли по звуковой оси. Если ад творится на оси «Земля — Солнце», тянущейся от пылающего ядра Земли (Инсайдера) к Солнцу, тогда ад невозможно определить только лишь в терминах Солнца и его капитализма. Инсайдер, или черное яйцо, которое Земля высиживает внутри себя (*ge hinnom*), расширяет геополитическую реальность ада за пределы границ Солнечной Империи. В этом смысле ад принадлежит не исключительно Солнцу и его термоядерному холокосту. (NB! Долину Хинном часто называют месторасположением Ада; ее ивритско-греческое название этимологически отсылает к *ge hinnom*, от которого происходит также и *Jahannam* — кораническое название Ада. И в христианских, и в исламских текстах *Ge hinnom* (Ад) рассматривается как «место внизу» или Огненное Озеро, имеющее множество геохимических атрибутов: *Ge hinnom* или Ад оккультно подтверждает геотравматические линии пылающего океана земной коры или то, что Мирча Элиаде называет Ктелл^{VII}).

Оккультные сущности выбирают Солнечный Гром в качестве своей звуковой сети (системы распространения и модели какофонии), потому что Солнечный Гром генерирует вертикальные и горизонтальные поля имманенции и активно рассеивает линии коммуникации на пределе Знака. Это не случайность и не выдумка современных авторов ужастиков: звуковая картография ближне- и средне-восточных оккультных ритуалов (призыва, заклинания и ксенокоммуникации)

VII Cthell — неологизм CCRU: железный океан, находящийся под земной поверхностью, отсылает одновременно к англ. *hell* («преисподняя, ад») и к лавкрафтианскому Ктулху (*Cthulhu*). — Примеч. пер.

в сущности состоит из неразборчивого аудиотравматического бормотания и машинного шума. Солнечный Гром и его Кхтонические слуховые возмущения уже были встроены в безграничные возможности неогласованных алфавитов Ближнего и Среднего Востока (арамейский, иврит, пехлевийский, и т.д.) с целью искусственного создания широкого спектра молекулярных звуков и звуковых композиций. Колдуны и заклинатели хорошо знают, что радикальная коммуникация с Внешним требует сперва очистить их коммуникативные сети (культы?) от информационных сигнальных систем, освоив коммуникацию на пределе Знака и информационной реальности. Вот где Солнечный Гром устанавливает свои коммуникационные каналы вдоль электромагнитного ада оси «Солнце — Ктеллл».

От солнечных бурь к Солнечному Грому. Межпланетное пространство когда-то считалось девственно пустым, но на самом деле это необъятное вместилище космических приливов, состоящих в основном из солнечных ветров и планетарных магнитосфер. Магнитосфера, магнитное поле планеты, требует для сборки двух элементов. Первый элемент — электропроводящая жидкость или так называемое ядро; в случае Земли эту функцию выполняет внешняя оболочка ядра (Ктеллл). Второй элемент — достаточно быстрое вращательное движение или гигантский ток, чтобы создать циркуляцию жидкого металла в ядре, которая, в свою очередь, генерирует магнитное поле вокруг планетарного тела. Магнитосфера (или магнитный заговор ядра) вырабатывает радикальную коммуникацию с солнечными магнитными бурями.

Солнечные магнитные бури неразрывно связаны с солнечными пятнами — темными местами в фотосфере Солнца; эти более холодные регионы магнитно гиперактивны. Пятна на Солнце составляют группы, одна такая группа редко включает более десяти пятен; они представляют собой наиболее видимые знаки сложного магнитного поля Солнца (вместе с солнечным излучением в радиодиапазоне, которое вызывается горячим газом, захваченным в магнитном поле). Солнечное пятно — это фабрика по производству самых сложных магнитных аномалий. Солнечные пятна взаимосвязаны с магнитной активностью Солнца и массовыми выбросами — солнечными вспышками, накрывающими планеты: облака намагниченного газа, миллионы тонн дьявольски возбужденных частиц и радиации, фрагменты солнечной короны, в результате ее активности вылетающие из гравитационного поля Солнца и обрушивающиеся на магнитосферу. В случае Земли вспышки на Солнце вызывают глобальные ионосферные и геомагнитные бури. Во время таких масштабных возмущений (солнечных ветров²⁹ и вспышек) спутники и средства коммуникации уходят в спящий режим. Частицы солнечного ветра и радиация разносятся по всей магнитосфере планеты и рекомбинируются стратегически стратифицированной магнитной сферой планеты, заставляя Землю петь, как безумный зверь, когда она достигает радикальной и пугающе творческой близости между ее собственным ядром (Адом; или погребенным Нулем) и Солнцем (испепеляющим Нулем). Жизнь на Земле была задумана и сыграна как извращенная музыка под прикрытием этой игровой площадки звуковых суккубов, которая якобы всего лишь невинно прикрывает Землю от высокоэнергетических частиц Солнца, а на самом деле оставляет ее нагой и беззащитной в сфере звука и коммуникации.

Даже якобы стратифицированная форма магнитосферы Земли — прямой творческий ответ на неустанную бомбардировку солнечных бурь, потому что солнечные ветра ограничивают ее размер на обращенной к Солнцу стороне дистанцией от шести до девяти земных радиусов (придавая ей форму безликого бушприта, обращенного к Солнцу), а на ночной стороне те же солнечные ветра растягивают магнитосферу на расстояние до тысячи земных радиусов. Это гиперактивное магнитное чудовище называется магнитным хвостом (см. рис. 24)[‡].

Магнитный хвост, вытянутый, подобно стае крысиных хвостов, длинный и подвижный — проволочнохвостая музыкальная машина, которая также выступает основной причиной полярных сияний, которые описывались в древних текстах как Небесная Битва или Пылающие Облака, визуальная репрезентация Теллу-ро-магнитных движений. Она издает звуки (как структурированные, так и неструктурированные звуки, технически называемые твиками, сфериками, львиным ревом, свистами и шипениями), порождаемые магнитосферой, граница которой не может быть четко отделена от ионосферы. Эти звуки диаграммируют радикальные магнитосферные нестабильности и механизмы магнитных потоков. Северные сияния возникают чаще всего во время наиболее интенсивной фазы одиннадцатилетнего солнечного цикла, когда число солнечных пятен возрастает и связанные с ними мощные выбросы радиации и частиц (солнечные вспышки) усиливаются, как будто на магнитосферу планеты обрушивается кампания солнечного насилия. Плиний Старший называл северные сияния «предвестниками бедствий», и они фиксировались историками как знамения, предшествовавшие убийству Юлия Цезаря, рождению Мухаммеда, голоду 1197 года в Европе и Второй мировой войне.

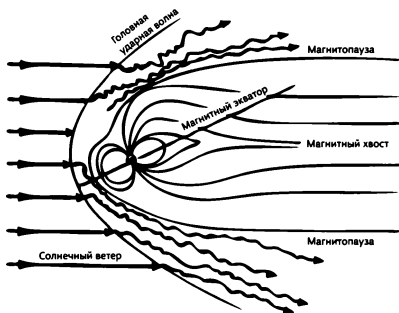

Рис. 24. Солнечный ветер, магнитосфера и магнитный хвост.

‡ Крыса и Айя-София: ED717H135D12958

Уже достаточно долгое время магнитосфера, этот древнейший кокон, охватывающий тело планеты, подпитывала теллурианский бунт земли, рассказывала Земле запретные сказки извне, учила ее, как достичь имманентности с Солнцем, и, наконец, завершила процесс вылупления ее внутреннего черного Яйца, предательского Инсайдера. В Теллурианском Бунте все — стратифицированное и нестратифицированное — помогает вылупиться ксенохимическому Инсайдеру. Стратегический сговор отношений подтверждения между Теллурианским Инсайдером (ядром: Ктеллл) и Солнцем. В процессе развития запутанного сюжета Теллуро-магнитного заговора магнитосфера захватывает частицы, выброшенные Солнцем, и эксплуатирует их потенциал для неслыханного теллурианского бунта. Невозможно даже представить масштаб запретных тайн магнитного заговора Земли; вопрос, который следует поставить в отношении этого глубоко идущего заговора, — «Что за мерзость может находить вдохновение в како-демонической музыке, известной как Солнечный Гром, музыке, которая высвобождает космическую семиотику в ее ионизированном вое?»

«Назвать народ варварским — значит оценить его вокализацию перцептивно, и иногда численно, как шум: рык, визг, вой, завывания, лай, вопли, плач: волчий оркестр, немолчный крик языка. Греческая и римская бдительность в отношении нецивилизованных народов изначально подразумевала и нацеливалась не на жизненный уклад или архитектурные формы этих других, а на их чуждые звуки, маркировавшие этих людей как диких, вырожденных и нецивилизованных. Для греков дикарями были те, кто произносил согласные в нелинейном порядке, те, кто своим произношением превращал язык в тарабарщину, гармоничные звуки — в шум, божественность Слова — в демонический выкрик. Дикарские языки превращали невозмутимые черты греческого лица (а греческое лицо — это лицо одновременно политика, философа и воина) с помощью вокализации в безжалостные, языческие, звериные, бесчеловечные лица, а не только выражающие глубинную дикость. Слово *barbaros*, „варвар, иностранец, дикарь“, свидетельствует о фундаментальном греческом критерии обращения к разрыву или зазору между кем-либо и культурным населением цивилизованного мира. Этой необсуждаемой меркой цивилизованности фактически была вокализация (то есть добавление гласных к неслышанным согласным и чуждым речам). В этом смысле речь носителей семитских и африканских языков могла быть распознана только как ворчащий звук (то есть «бар-бар») или звук, сходный с ритмичным притопыванием («топ-топ»), выражающие фонему *b* и картографирующие ее характеристики. Среди млекопитающих процесс вокализации гармонизирует шум как средство коммуникации. Шумы одновременно и изгоняются в область фона, и используются как дополнительный элемент к вокализации, поддерживающий коммуникацию. Соответственно, шумы используются в сочетании с вокализацией, но остаются на фоне. Для греков, как и для римлян, варварами были те, чью речь можно было понять, только если перевести ее в звуки «бар-бар». Такие иностранцы превращали приятное ощущение слуха и речи — божественных инструментов сострадания — в неприятное чувство тошноты (*nausea*, *Ναυτεία*^{VIII}), сопровождающееся головокружением, рвотой, истечением из ушей, дезориентацией, ощущением вращения и потери равновесия. Согласно грекам, варварская речь вызывает чуждое состояние, называемое *Ναυτεία*, или, более точно, какое-то глубинное нарушение в ухе, вызванное несоответствием между актуальным движением (процессом вокализации, используемым варваром) и воспринимаемым движением (тем, что в этой варварской вокализации может услышать носитель греческого языка), а также движением в разных направлениях, характерным для шума (*nausia*), создаваемого варварскими вокализациями в греческом языке и фонетической системе. Вот почему шум этимологически и конкретно есть не что иное, как тошнота.

VIII На самом деле греческое слово «тошнота» пишется иначе: *ναυσία* — «морская болезнь», от *ναῦς* — «корабль». Парсани, по-видимому, искажил написание, чтобы возникло мнимое родство с *νάφθα* — «нефть». — Примеч. пер.

Аналогично и для римлян: варварский характер вокализации был проблемным камнем для определения качества и ценности культуры и социальной динамики народа, а также его мотивации и отношений с Римской цивилизацией, ее бюрократическим пантеоном и политической системой. Вокализация была либо признаком верности империи, либо знаком достоинства. В случае массового убийства племени или деревни таких „инородных вокализаторов“ (в основном носителей семитских и африканских языков), известных как варвары, римляне часто описывали высказывания этих иностранцев во время бегства, сражения и эмоционального возбуждения как гам и демонический диссонанс (*dis-sonare*), или разрозненный звук, которому недостает упорядоченной структуры римской танцевальной музыки (*óρχήστρα*), неистовость которой выражалась в ее военном порядке и кровавом экстазе.

Для римского солдата было этическим обязательством дать демону, заключенному в глотке и ротовой полости варвара, свободу, перерезав горло или отрезав голову дикарю, — гуманитарный акт, последствием которого могло быть сумасшествие солдата в результате нечленораздельного крика, издаваемого демоном, восклицательного шума, укорененного и сформированного в процессе вокализации, систематические единицы которой, даже предложения, считались шумом. Среди римлян имели хождение странные истории о варварах, блуждающих по внешним территориям, трансмогрифицированных неким глубинным котоподобием. Римляне справедливо называли их „людьми-кошками“ — весьма меткое именование, ведь языки с неогласованными алфавитами вызывают избыточную или утонченную вокализацию, присущую кошкам и роду *Felidae*. Варварами, отличительной чертой которых было то, что все их вокализации переводились греками и римлянами в звуки „бар-бар“, были как раз те народы, вокализационный процесс которых вовсе не содержал избытка огласовки «бар-бар» (звука *b* или *β*). Напротив, звук *b* маниакально преследует именно греческий и латинский языки. *Betarrhea* — ненормальное просачивание беты в другие согласные и их вокализации — всегда была присуща исключительно этим империям и их гражданам.

Вокализация неогласованных алфавитов (таких, как алфавиты семитских языков), или варварская музыка, не может быть полностью понята только через звуки (такие как „бар-бар“) с *пульмонической эгрессивной* инициацией, то есть звуки, в которых поток воздуха создается легкими (*pulmo*) и выдохом, или выталкиванием воздуха (*egression*). Она включает другие механизмы инициации. В этих механизмах вокализации, в отличие от пульмонической эгрессии, поток воздуха генерируется голосовым каналом, что делает эти звуки глоттализированными (поток воздуха через голосовую щель) или веляризованными (через заднее небо), а не только пульмоническими (через легкие). В греческом и латинском языках в отличие от семитских и африканских большинство звуков — пульмонические и эгрессивные, то есть сходные по типу инициации со звуком *b* или, точнее, с реальным звуком „бар-бар“. Однако в семитских языках, наиболее заразных языках Ближнего Востока, согласные могут вокализоваться не только с инициацией из легких к губам, но и в виде нелинейных взрывов, что не удовлетворяет греческому фетишизму в отноше-

нии беты. Механизм инициации β как пульмонический эгрессивный категоризуется как механизм потока воздуха, преимущественно вовлеченный в производство согласного звука b или беты, который классифицируется как „звонкий билабиальный взрывной“. Безболезненно произносимый, звонкий билабиальный взрывной — это согласный звук, который легко картографируется его эсхатологической тенденцией к окончательной остановке и его упрямой линейностью. Хотя он создается путем остановки (отсюда „взрывной“) или пересечения потока воздуха в голосовом канале (манера артикуляции), он иницируется легкими и артикулируется обеими губами, маршрут линейно направленный и цивилизованный по своему лицевому завершению — Греческое Лицо. Звонкий билабиальный взрывной формирует лицо цивилизованного философствующего воинственного грека.

Греческая эстетика, в противоположность ближневосточной гнусности, была основана на этом линейном маршруте из легких к обеим губам как территории артикуляции столь дерзновенной и безупречной, что ей могла соответствовать лишь холодная продуктивность движений губ на лице, способном артикулировать все что угодно таким же образом и с таким же политическим поведением. Если греческие и римские бюсты несут отпечаток величественной красоты греческих и латинских лиц даже во время самых жарких лекций, споров, сражений и приключений, то только потому, что их губы и глаза (дополнительный инструмент артикуляции) как основы выразительности используются исключительно простым линейным путем. Греческие и римские лица демонстрируют подавление линейного пульмонического эгрессивного механизма разумностью грубого реализма, которого можно ожидать только от варварского искусства.

Ни одно искусство не относится к жесткому реализму вокализационного процесса, вовлеченного в создание стандартов красоты, столь серьезно, как греческое и римское. Но в этом отношении вряд ли возможно говорить о стандартах, ведь в этих культурах только одно выражение лица считалось вдохновляющим элементом красоты. И это выражение лица может быть порождено только одним доминирующим процессом артикуляции, единственным процессом, на который они были способны и который лег в основу стандартов цивилизации и варварства. Для римлян крысиная внешность была неотделима от ближневосточной вокализации. Утонченное греко-латинское иконографическое лицо Иисуса из Назарета, говорившего на арамейском, парадоксальным образом соответствует латинской и греческой эстетике лица, его холодная безмятежность происходит от их негибкого процесса вокализации и линейной артикуляции согласных. Но арамейский язык с его коварной утонченностью как письма, так и фонетической системы, может породить только лицо трупа (согласные, полностью вокализирующиеся внутренне, без использования губ) или лицо тысяч спазмов (благодаря артикуляционному процессу, который вызывает нелинейные подергивания всего лица в разных направлениях). Христианство больше всего желает римского спасителя, но наше лицо, когда мы говорим это, — лицо дикаря» (Хамид Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

Через много лет после публикации своего исследования ближне- и средне-восточных вокализаций Парсани повторяет анализ фонетических систем и вокализаций ближневосточных языков в контексте Войны с Терроризмом:

«Если и есть непредвзятое западное медиа, то оно в сущности находится на стороне террора, потому что обязано следовать вокализации, системе произношения и правилам правописания, которые существуют только на стороне террористов. Чем менее точно произношение, тем цивилизованнее говорящий, потому что у него меньше общего с оригинальным произношением, которое может быть вокализовано только ближневосточным террористом. Например, название *Ghatar* [Катар], которое начинается с буквы *Ghaaf*, которая не поддается западной вокализации. Произношение *guitar* достаточно далеко от оригинала, чтобы считаться цивилизованным, но предлагаемое произношение *gutter* настолько далеко, что уже символизирует зенит западной цивилизации».

«Не предавай никого из своих детей огню для Молоха, чтобы не обесчестить имя Бога своего! Я Господь» (Левит 18:21).

Вблизи города Иерусалима, за Навозными воротами (Неем. 2:13), в долине Хинном, располагался Тофет, или Место Мерзостей. Навозные ворота (архитектурный пик городских отбросов), описанные в книге Неемии, находились на южной границе Иерусалима, возле Силоамского источника. Это был главный выход в долину Хинном (*ge hinnom*), куда город сбрасывал свои отходы. Эта долина — глубокое, узкое ущелье, проходящее через весь Иерусалим, от Яффских ворот на западе Старого Города (примерно треть мили), затем на восток вдоль южного склона горы Сион. Происхождение названия Хинном не вполне ясно, но обычно считается, что оно происходит от «сыновей Еннома» (*ge bhen hinnom*), которые, по всей видимости, владели этой землей или имели какую-то важную связь с ней до прихода Иисуса Навина. Ивритское название Хинном впоследствии трансформировалось в библейское и кораническое название Ада.

В одной части этой долины, называемой Тофет («Место Мерзостей»), осуществлялось поклонение божеству Молоху. Главной чертой культа Молоха среди аммонитов и ханаанейян, по-видимому, было принесение в жертву детей (обычно в возрасте от пяти до одиннадцати лет) как наиболее драгоценного дара, обладающего ценными свойствами; обычно это принесение в жертву описывалось выражением «предать огню».

Молох (или Молах) — финикийское, карфагенское или ассирийское имя древнего божества Мелькарта, Малека или Малькома, что означает «Владыка» или «Царь», Хронос-Малик во времена финикийцев. Молох изначально был солнечным божеством, по этой причине ханаанейяне приносили жертвы Молоху, сжигая детей. Есть тексты, которые рассматривают раннего Молоха как один из аспектов YHWH, или, точнее, «Молох» как одно из имен YHWH, окутанного тьмой не-

согласованности (варварской музыкальностью). Но позднее Молох претерпел фундаментальную метаморфозу и превратился в идола. Идолоизированный Молох, построенный ханаанеями, представлял собой циклопическую медную или бронзовую статую, пустую внутри и способную нагреваться; она изображала фигуру с головой быка и вытянутыми руками, приветственно раскрытыми навстречу жертвенным детям:

«Соломон был большим сторонником существования Молоха. Он даже воздвиг храм для поклонения ему на холме в виду Иерусалима. Этот идол тридцати или сорока футов в высоту имел огромный живот, который наполняли дровами и топили, пока живот чудовища не начинал светиться оранжевым светом. Детей, приготовленных в жертву, обездвигивали. Тело жертвенного ребенка помещали в руку Молоха. По мере разворачивания церемонии толпа начинала распевать, взывая к священному идолу. Песнопения превращались в рев, и рука Молоха начинала подниматься. Постепенно тело жертвы поднималось ко рту или груди светящегося идола [в знак положительного ответа]. На высшей точке пути ребенок соскальзывал в разверстую пасть Молоха и падал в глубину пылающего брюха чудовища. Все это время орды танцевали вокруг статуи, распевая песни и играя на флейтах и бубнах, чтобы заглушить крики умирающего ребенка» («Энциклопедия античных божеств»).

Внутри статуи располагались семь помещений, или камер, соединенных друг с другом (нумерических врат): первое помещение для муки, второе для голубей, третье для овцы, четвертое для барана, пятое для тельца, шестое для коровы и седьмое для человека или человеческого ребенка. Число семь в этом смысле символизирует завершенность жертвы и удовлетворение Молоха. Число семь, согласно картографии Нумограммы, относится к вращающемуся сектору или региону Временного Цикла, где правят девятичные близнецы 8-1, 7-2 и 5-4 (см. рис. 25)[‡].

Число семь на иврите называется «Шева», это слово состоит из трех согласных ивритских букв: *шин*, *бет* и *аин*, которым соответствуют следующие гематрические значения:

- абсолютное значение, *миспар хехрахи*: $300 + 2 + 70 = 372$ ($3 + 7 + 2 = 12 = 3$) = шева = семь: 7 (или $360 = \text{шин} + 412 (\text{бет}) + 130 (\text{аин}) = 902$ ($9 - 2 = 7$) = шева = семь: 7;
- первичное значение, *миспар сидури*: $21 (\text{шин}) + 2 (\text{бет}) + 16 (\text{аин}) = 39$ ($3 + 9 = 12 = 3$) = семь: 7.

‡ Стихотворная строчка «Я буду с тобой всегда» — это либо смертельный паразитизм, либо одержимость.

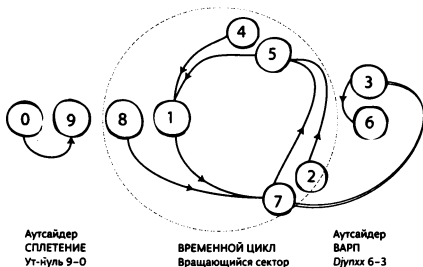

Рис. 25. Нумограмма с тремя регионами и девятью зонами.

И первичное, и абсолютное значения числа 7 в традиционной Каббале (расположенного на Временном Цикле Нумограммы) связаны с числом 12, которое каббалистически редуцируемо до числа 3 ($1 + 2 = 3$). Следовательно, записанное в своей исходной ивритской форме, число 7 может быть картографировано согласно числу 3. Соответственно, число 7 образует нумерическую крипту, которая ведет в Регион Варпа, или Внешнее, которое картографируется как зона 3 (см. рис. 25). На Нумограмме зона 3 — нумерический локус числа 3 и образует нумерическую пару с числом 6. Нумерическая близнецная пара 6::3 — это полюс Нумограммы, характеризующийся внеположенностью по отношению к Временному Кольцу. Другой полюс Нумограммы — 9::0. Молох, ассоциируемый с числом 7, соответственно, связан с зоной или числом 3 — зоной Аутсайдера на Нумограмме.

В оккультурных представлениях ханаанеян Молох был божеством, открывающим врата Внешнему, которое может быть либо Солнцем (Солярное inferno), либо расплавленным ядром Земли (*Ge Hinnom*, то, что внизу). И все же, поскольку место жертвоприношений Молоху располагалось в долине, а не на вершине холма, Молох должен быть темным, падшим солнечным богом. Если Молох — это падшее солярное божество, алтарь которого означает хтоническую глубину, а не возвышенность (намекающую на приближение к солнцу), тогда Молох не может быть полностью примирен с солнечным внешним. Соответственно, Аутсайдер, к которому отсылает Молох, это не Солнце, а Аутсайдер внутри Земли — «то, что внизу». Падшие боги солнца — посланники Инсайдера Земли, ведь для них солнце не над головой, а внизу, похороненное, и потому прогнившее и черное.

Поскольку слово Шева («семь») составлено из трех ивритских согласных букв (шин, бет, аин), оно также может произноситься как *Sovaiah*, что означает завершение, удовлетворение. Отсюда, Молох или Аутсайдер удовлетворяется, когда наполняется седьмая камера, кормление завершено, врата к Внешнему распечатаны. Это открытие или удовлетворение (в терминах Внешнего)

достигается, когда искривленная ось между тем, что внизу (*Se Hinpot*, огненное озеро, расплавленное ядро Земли), и Солнцем завершена и Адо-Инженерная Ось сформирована.

«И благословил Бог седьмой день, и освятил его» (Быт. 2:3).

Молох иногда ассоциируется с Митрой, персидским богом света, истины и чести, и его семью загадочными воротами, и семью комнатами (семь камер Ада?). Более того, Молох на немецком — это мегакорпорация, *Zaibatsu*.

Тофет: от слова *Toph*, что значит «бубен», — поскольку люди били в бубны во время жертвенных ритуалов, чтобы заглушить крики детей, приносимых в жертву Молоху. (Тофет — также музыкальный сад на Адо-инженерной Оси «Солнце — Ктелл»); или Тофет от *Taph*, что означает «тлеть, медленно гореть».

«Рональд Эммерик в своем эссе о хотанийском и древних персидских языках (*Compendium Lingarum Iranicarum*, под ред. Рудигера Шмитта) намекает на необычные фонетические связи между *Haft* («семь») и *Taft* («медленно гореть»). Древний зороастрийский город Тафт (в провинции Керман в Иране), по слухам, считался родиной зороастрийского еретика и мага Ахта, который впоследствии собрал вокруг себя один из наиболее влиятельных культов на Ближнем Востоке под названием Ахт-Яту. Этот культ поклонялся черному пламени, исходящему из того, что они называли черным трупом солнца. Позднее город был захвачен Ахт-Яту и переименован в Тафт, от авестийского слова *Tafta* (или *Taphnu*), от которого также произошли слова *Aph'tab* («солнце»), *Taphnu* («лихорадка», в первую очередь инфекционная) и *Tapht* («медленно гореть»). <...> Подъем этого культа происходил синхронно с заменой древнего зороастрийского календаря новым, в котором лето состояло из семи месяцев» (Х. Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

Размышления Парсани в «Стирая Древнюю Персию» об омофонии между различными формами слов, означающих «медленно гореть», рядоположенными со словом/числом «Семь», снова всплывают на поверхность в витиеватых рукописных заметках, сделанных им, когда он с головой погрузился в петрополитические тезисы, нефтяную лихорадку и НАПАЛМ-обсессию. В отличие от исходных замечаний Парсани, подкрепленных историческими документами касательно Ахта и его культа, эти новые связи внезапно придают его ранним заметкам о солнечном сродстве между числом «семь» и «медленным горением» петрополитический поворот. В «Стирая Древнюю Персию» Парсани указывает на эмфатическое сродство между *Taft* («медленно гореть») и *Haft* («число семь»). Согласно Парсани, и зороастрийский солнечный календарь, и вера Ахт-Яту имплицитно выражались словом *Taft*, тогда как темные солярные склонности выражались словом *haft*. Он пишет: «Хафт или Тафт — оба выражают особое земное извращение, связанное с Солнцем не слишком близко и не слишком далеко, но достаточно, чтобы медленно гореть. Эта достаточная дистанция от Солнца всегда определяется и поддерживается некоей загадоч-

ной сущностью на Земле, двуличным деятелем. Сказать, что семь — это число Солнца, было бы просто неверно; но сказать, что оно имеет подозрительные связи с Солнцем — пугающе вероятно». Позже в той же книге он замечает, что «солярная ориентация числа семь — это больше чем смерть, но меньше чем полное уничтожение». Векторно, а не только в буквенно-числовом смысле, Ад создается семеркой. Только многие годы спустя Парсани признается, что пара *haft-taft* («семь» и «медленно гореть») ускользает от солярных наклонностей, поскольку она втянута во что-то глубоко хтоническое, для чего солнечная империя — всего лишь далекое и беззубое бряцание оружием. Парсани называет это открытие и последовавший за ним поворот «главным крушением» в своей работе, в результате которого он «нашел еще один вход в нефтяной резервуар» или, в другом месте, «сделал еще один шаг к восстанию против Солнца во имя гниющей подземной звезды»:

«Среди 3333 бедствий, перечисленных в авестийских и зороастрийских текстах, одно отмечено как худшее, что могло случиться с землей и с людьми. В порядке следования зороастрийской номенклатурной традиции относительно неизмеримых кошмаров этому бедствию предсказуемо не дается никакого описания, только несколько тавтологичное имя, которое должно было множить страх своей заумностью: *tafnu tafno tema* (*tafnu.tafnō.tema*), что буквально означает «самая горячая из горячек» или, иначе, «горячка горячек». Эта неукротимая болезнь может поражать и людей, и землю. Проследивая этимологические истоки слова *tafnu* („горячка“), приходим к согдианскому (сино-персидскому и буддийскому) слову *’npth*, а также авестийскому *tafna* или (чаще) *tafn*. Размышляя об этих этимологических следах, я вдруг отвлекся на мотивацию, стоявшую за решением Ахта переименовать свой город в Тафт, что означает «медленно сжигаемый Солнцем». Учитывая тот факт, что Ахт не был ни монотеистическим магом, ни солнцепоклонником, я был поражен монограмматическим потенциалом слова „тафна“ или „тафн“, от которого произошло слово „тафт“. Буквы начали замещать и захватывать новые позиции, намекая на нечто иное, нежели Солнце. Если Ахт был еретиком и среди зурванитов (представителей культа Солнца), и среди монотеистов-зороастрийцев, то с его стороны было бы абсурдной безвкусицей ассоциировать свой город-базу с Солнцем и называть его Тафт от слова „тафна“ или „тафн“, в значении „быть медленно сжигаемым Солнцем“. Если анаграммизировать слово „тафн“ через его фонетические связи, название города начинает напоминать источник черного пламени, которому поклонялись Ахт-Яту и к которому позднее Айн аль-Кузат Хамедани обращался как к темному свету. *Tafna* превращается в *Nafta* (*naphta*), а *Tafn* в *Naft* (или *napht*), греческие и арабские слова, означающие нефть и бензин. Каким-то чудом эта анаграмматическая замена сохраняла смысл и в англо-латинском алфавите, так как пехлевийский алфавит не имеет гласных и транслитерация пехлевийского слова на другой язык, в особенности англо-латинский, может порой изуродовать слово до неузнаваемости, превратив в мешанину гласных и согласных. Однако буквы, которые было необходимо переместить, чтобы сделать

слова *naft* и *nafta* („нефть“, „бензин“) из слов *tafn* и *tafna* („горячка“, „медленно гореть“) были согласными, а не гласными. Эти буквы — *n* и *t*; они соответствуют оригинальным буквам в пехлевийском языке».

1	2	3	4	5
t	a	f	n	
n	a	f	t	

t	a	f	n	a
n	a	f	t	a

ТЕЛЛУРО-МАГНИТНЫЙ ЗАГОВОР В ОТНОШЕНИИ СОЛНЦА II ЯДРО

Расплавленный внешний слой ядра Земли, или Ктелл, уже был популяризован как предмет Теллурианского Бунта в ничего особенного собой не представляющем голливудском фильме «Ядро», хотя в конечном итоге возможность оказалась упущенной. Фильм начинается с картины теллурианского катаклизма: электрические конвульсии в небе, дезориентированные животные, сбитые сигналы коммуникаций и вспугнутые птицы. Ядро Земли перестало вращаться и, как следствие, динамика всех течений и конвекционных потоков в ядре резко остановилась. Бурление расплавленного железного ядра Земли в сочетании с вращением планеты спутывают земную магнитосферу. В результате остановки движения ядра электромагнитный пузырь планеты немедленно лопается. Нарушение электромагнитного щита оставляет Землю открытой для всепожирающей солнечной радиации, которая угрожает разорвать атмосферу и испепелить все живое на планете. Этот коллапс электромагнитной защиты провоцирует Теллурианскую Омегу, в которую монотеизм уже инвестировал уйму апокалиптической политики и бескомпромиссной больной онтоотеологии. Коллапс земного щита, как намекает фильм, предвещает истощение возможностей продолжения жизни для поверхностной биосферы и, соответственно, играет существенную роль в апокалиптических сценариях монотеизма. В этом сценарии паралич земного ядра, или Инсайдера, дает монотеизму возможность объединиться с Солнечным Капитализмом и испепеляющей гегемонией Солнца. Во «Взлете и падении Солнечной Империи» Парсани пишет, что только сила Инсайдера Земли способна подорвать это тоталитарное единство, направив его под откос земного бунта. Хтоническая революция, добавляет Парсани, происходит от имени Земли, которая была расколота, расчленена и вскрыта Внешним, для которого Солнце — только еще одна инстанция репрессивной политики и экономии.

Фильм изображает последние человеческие попытки реактивировать ядро и предотвратить слияние Земли с Солнцем (единство через обладание). Геоло-

ги планируют отправиться к ядру (операция, сходная с российским проектом «Горячая капля»), чтобы реактивировать конвекционные потоки. Когда проект проваливается, государство решает использовать следующий план — Проект DESTINY или DESTINI (*Deep Earth Seismic Triggering INitiation*, Глубинная Сейсмическая Инициация) — супероружие, генерирующее мощнейшие землетрясения под вражескими территориями, как электрошокер посылающее один последний разряд в остановившееся сердце Земли, чтобы перезапустить ядро и восстановить магнитный щит планеты. В геологической реальности, однако, коллапс магнитосферы приведет только к сдвигу диполя Земли, так как даже верхние слои атмосферы служат эффективным щитом против радиации. Не подлежат разрушению только ядро и его шизоидные характеристики.

Машинам войны нужны обильные запасы металла, чтобы питать их терминальную множественность и их тактические аномалии. Никакая другая металлическая сущность, кроме ядра Земли, не может похвастаться такими запасами, питающими машины войны полигенетическими металлами, электромагнитными аномалиями (кибермашинами войны) и радикальной шизофренией.

Теллурианский Бунт работает не только на нефти и пыли: существенная его часть имеет дело с Ктелллиумом и питается металлом. Ядро (Ктеллл), как выпуклый ксенохимический инсайдер, пытается вызвать мощные аномалии в теле Земли. Ричард Мюллер предполагает, что легкие криптогенные компоненты в железном океане внешней оболочки ядра всплывают наверх и скапливаются под твердой мантией в виде перевернутых неглубоких склонов. В результате перегрузки гряда расплавленного железа рано или поздно превращается в агрессивный процесс скатывания и образует перевернутую лавину, как будто ядро пытается подняться по телу Земли катагумическим (эксгумация изнутри) движением. Астероид значительной массы, столкнувшийся с Землей под непрямым углом, может вызывать в мантии настолько мощное сотрясение, что перевернутые лавины резко распространяют возмущения и разрушения по всей внешней оболочке ядра и, соответственно, по внешнему магнитному полю, реверсировав полярность планеты и сделав ее более сложной и запутанной.

С другой стороны, в ядре полно шизоидных аномалий: тогда как внешняя часть ядра состоит из интенсивных потоков, внутренняя поддерживает свой тип динамизма, несинхронный относительно вращения Земли, вращаясь значительно быстрее, чем планета. Внутреннее ядро, похоже, страдает раздвоением личности: одна его полусфера отличается от другой.

Вопрос, который ставит этот радикальный бунт, состоит в том, как такой бунтовщик смог провозгласить свою поли-тику внутри Земли, управляя заговорами в отношении Солнца и захватывая космических вредителей внутри планетарной сферы.

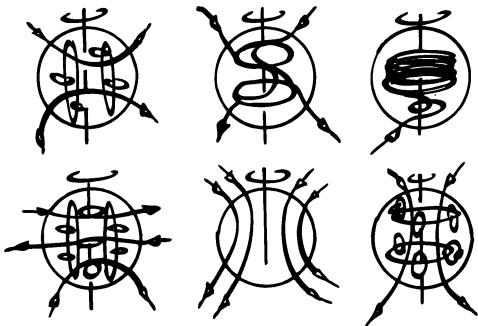

Рис. 26. Движение течений в ядре, находящихся под воздействием силы Кориолиса, представляет собой комбинацию дифференциального вращения и конвекционных турбулентных спиральных движений. Неошумеры считали такие спиральные движения и динамизмы модусами радикального сотрудничества между земными сущностями и Внешним. Избегая унификации или конвергенции, эти динамизмы указывают на аномальные поли-тические движения (см.: «Палеопетрология: от Оси «Гор-Магог» до Петропанкизма» о Трисоне и драко-спирализме). Такие спиральные завитки работают путем направленного сдвига, переплетающихся коммуникаций, катапобегов, синергетических оппозиций и дифлюэнции³⁰ между спиральными нитями или коммуницирующими сущностями. Завитки обычно характеризуются развитием или интенсификацией центра низкого давления, космодромического циклона или сингулярности. Такие спирали часто ассоциировались с динамикой и распределением Трисонов или поли-тических единиц Ближнего Востока. Тиаматериалистические диаграммы представляют собой манифестации ближневосточной драколатории (Зурван Акарана, Тиамат, Ажи-Дахака, Апоп и другие свернутые богохульства). Парсани отмечает, что Тиаматериалистические движения использовались умелыми колдунками и бунтовщиками в качестве клинков, прорезающих любые проявления направления, присвоения и деспотизма (государство, религия, стремление к выживанию, гравитация, земные силы и т. д.): «[Это] модели сотрудничества или альянсов между Землей и Внешним. Ближний Восток применяет эти модели, чтобы быть вскрытым радикальным аутсайдером, а не быть открытым солнечному внешнему, где правит термоядерный капитализм и ждет планетарное рабство. Миф Витализма не изменился с Темных Времен, просто антропоморфная Земля как центр мира была хитроумно заменена неоптолемеевским Гелиоцентризмом. «Солнце как центр нашего мира» — следствие нашей покорности Солнечному Капитализму. Но эта покорность — цена веры в Солнечный Капитализм как гарант вечного витализма. Ближневосточный Тиаматериализм развенчивает миф Гелиоцентризма, пробуждая инсайдера Земли и побеждая на ней его политико-экономических посланников и институты.

В книге «Стирая Древнюю Персию» Парсани открывает главу о драколатрии, или ближневосточной модели политики (также известной как «поли-тика»), подробным рассмотрением греко-римского понятия «Гидраглиф». Эта глава непосредственно следует за разделом о неогласованных алфавитах и варварской музыке. В период работы Парсани в Университете Тегерана его страсть к каллиграфии стала легендой среди посещавших его курсы студентов обоих полов. Студенты-археологи пытались отвлечь его от общения с доской, но безуспешно, поскольку Парсани мог целую лекцию потратить на очерчивание изгибов букв и слов и заигрывание со скользящими контурами семитских и арабских алфавитов. Студенты жаловались другим ученым, что Парсани следовало бы преподавать варварскую музыку (слияние холодного веселья Парсани и акцентуированного произношения персидских слов с неопределенными окончаниями, как будто он не мог просто так позволить своим драгоценным словам сбежать из его уст), а не чертить ее на доске. Свои страстные речи он обычно начинал, прихлебывая турецкий чай из своей большой чаши, напоминавшей злобного близнеца священного Грааля, а затем принимался безо всякой причины выписывать семитские и арабские буквы на доске, прежде чем погрузиться в академическое безумие. Парсани часто говорил о семитских алфавитах как компактных воплощениях ближневосточной специфики. Он называл каллиграфов этих языков длинными практиками драколатрии или аниматорами Трисона.

«Писать с помощью этих алфавитов — значит писать самим Ближним Востоком, от его тератологии до культуры, от его бурной политики до его туманной популяционной динамики. Если варварская музыкальность имеет форму, то эта форма — письмо в ближне- и средневосточных алфавитах: форма всех извивов на земле» (Х. Парсани).

В одном из разделов «Стирая Древнюю Персию» содержится намек, что Гидраглиф или ближневосточные алфавиты связывают свой безгласный шум с дракоспиральными (коммуникационными моделями Трисонов, политических единиц Ближнего Востока). Извилистые формы ближневосточных алфавитов — воплощение их шума. Эти алфавиты — «витые миниатюры» Ближнего Востока и его разумности.

«Среди всех имен, приписываемых консонантным алфавитам, или, точнее, абджадам, которые включают широкий спектр алфавитов от иврита до пехлевийского, арабского и согдийского языков, одно название — наиболее подходящее. Данное абджадам греками и римлянами особое таксономическое имя для такого письма обозначает их форму, очертания и процесс написания, и указывает на их наклонности. Это слово — Гидраглиф, или «змеиное письмо», отсылающее к греческой Гидре из озера Лерна — спиралистическому чудовищу великого Хтона, детищу вредоносных гигантов Тифона и Ехидны, каждый из которых способен воспроизводить множество шумов земли (шумоматические силы *Khton'a*). Звуки Тифона и Ехидны были звуками вул-

кана (поверхностных дыр) и подземных рек (скрытых дыр), взрывных согласных и шипящих. Фонетическая составляющая шипящих согласных, звук шипения, создается путем направления струи воздуха через узкий канал на острый край зубов (в соответствии с змеиным резонансом Ехидны).

Помимо отношения к гибким качествам Гидры (изгибистость, синусоида, изгиб и завиток), Гидраглиф подчеркивает, как визуальная форма согласных отличается от гласных и как такие формы выражают нелинейную варварскую музыкальность таких согласных. По всем свидетельствам, Гидраглифы — это диаграммы какофонических и звуковых аспектов ближневосточных консонантных алфавитов, или абджадов. Термин «змеиное письмо», ассоциирующийся с избыточной кривизной букв, как в арабском и пехлевийском языках, — более чем схематичный подход к звучанию этих согласных, которое представляет собой нелинейный, но непрерывный процесс вокализации, формируемый различными интенсивностями, вибрациями и силами, используемыми в разных фазах вокализации. Гидраглифы, или драконы букв ближневосточных консонантных алфавитов, и есть варварские музыкальные ноты. Пристальное рассмотрение букв пехлевийского, ивритского, арабского или самаритянского алфавитов обнаруживает, что они представляют собой «взорванную» диаграмму — как на технических чертежах, показывающих объект как бы замершим в пространстве в момент контролируемого взрыва — более масштабного завитка (Матери всех Чудовищ) или спутанности. Писать этими буквами — значит заниматься драколатрией, поклонением древним змеям. Гидраглифы как буквы ближневосточных консонантных алфавитов суть распутывания динамических сложностей, внутри себя остающиеся свитыми и скрученными; они выписываются и характеризуются вратами и порогами. Первое, с чего начинается знакомство новичка с ближневосточной каллиграфией, — это приложение непрерывного, но различного усилия и давления (не в смысле постоянного усиления или ослабления усилия) к разным регионам и частям букв в единой текучей манере. Такие силы и потоки обычно обозначаются как серия движений, включающая латеральные волнообразные движения, боковые изгибы, боковые нажимы и гармошки. Приложение нового усилия в процессе письма обычно сопровождается поворотом кончика пера и отклонением от принятого направления в новый изгиб; буква состоит из тысяч врат, ведущих одни к другим. Каждый изгиб образует пилон храма для нового региона, требующего новых сил, новых непредсказуемых событий, вариаций и динамических сюрпризов — всякого рода Тиаматериалистических чудес.

Греко-римские буквы образованы приложением почти постоянного или неизменного усилия к разным частям; каждая буква обладает архитектурной когерентностью между началом и концом. Гидраглифы, напротив, делят себя путем беспрестанного возникновения и угасания сил, проходящих через разные пороги. В этом смысле форма определяется градиентами (предкамерами), а не фиксированными границами (*ostium*). Итогом этой флуктуации становится спиралистическая конфигурация, или витая структура, характерная для ближневосточных алфавитов. В большинстве таких

алфавитов четкой конечной точки, твердой смерти нет: каллиграфическую букву просто отпускают свободно скользить, и ее форма потихоньку завершается, обретая хвост на том месте, где буква пишется. Но разве хвост — конец чудовища? Такое погружение в градиент мягкости или разложения, в отличие от ярко выраженной смерти литых и рубленых греко-римских букв, воспроизводится в вокализации ближневосточных неогласованных алфавитов. Когда вокализация не претерпевает смерть или полную терминацию (определенное окончание на губах), как в греческом и латыни, она завершается постепенным затуханием или, точнее, смягчением, а не остановкой. За смертью в письме и вокализации следуют непроницаемость и линейность вокализации; в ближневосточных же алфавитах именно разложение прорубает себе путь через смерть, чтобы обеспечить континуальность мягкости.

Рис. 27. Страница упражнений в исламской каллиграфии с использованием шрифта Тулут, в котором одна треть каждой буквы изгибается, давая словам возможность превратиться в завитки и сплетенные группы.

В одном из своих ранних текстов, озаглавленном «О митраизме: скорее жар, чем свет», написанном до публикации книги, Хамид Парсани называет митраизм, или культ Света, «Матерью Всех Религий от Азии до Африки и Европы». Это эссе все еще несет отпечаток алчного интереса Парсани к Солнцу как древнему объекту влияния, достаточно темному, чтобы привлечь внимание ученого. Хотя Парсани в своем анализе приходит к заключению скорее в пользу солнечных культов и солнечной империи, статья содержит повороты, которые могут послужить объяснением дальнейших катастрофических изменений в его взглядах и его финального восстания против Солнца, и тех подходов к Ближнему Востоку, которые стоят на стороне коммуникации с Солнечной Империей. Согласно Парсани, только в свете митраизма и его возникновения в Месопотамии темные связи между солярными приливами Солнца и БЕЗДными картографиями Ближнего Востока становятся ясными и объяснимыми.

В Исламе слово *Салат* (صلاة) — это молитва, один из пяти столпов Ислама, от глагольного инфинитива *SLU* (*salu*), состоящего из букв Сад (значение в абджадии ص = 90), Лям (ل = 30) и Вав (و = 6). Из *Salu* могут быть выведены другие существительные и глаголы с другими значениями. «Салат» изначально означает «алкать», «коммуницировать», а также «между, посередине» (в основном используется относительно тела и дня, то есть полдень). До ислама пустынные кочевники Аравии были колдунами и поклонялись Ала наряду с другими идолами, хранившимися в Мекке. В Каабе содержались 360 (3 + 6 = 9) идолов во главе с Хубалом и другими знаменитыми идолами, включая Лат, Уззу и Манат (Ману). Тем не менее Кааба (ныне Дом Аллаха в Мекке) принадлежала неизвестному божеству, называемому Ала/Эла, у которого не было идола или, как предполагают некоторые арабские археологи, все идолы представляли имена Ала/Эла (однако относительно того, считалось ли Ала или Эла именем, определенности нет).

Салат был ритуалом коммуникации с Эла, который проводился в середине дня или, согласно доисламским арабам, в то время, когда солнце находится непосредственно над головой, в одном и том же положении по отношению к телу (нет свидетельств, какое из двух значений было первым: «посередине» или «коммуницировать»). В этом ритуале и в этом положении Солнце сообщало Человеку жгучую перпендикулярную ориентацию относительно ровной поверхности, горизонтальности пустыни (пустыни Аравии, в особенности Нефуд и Руб эль-Хали, практически плоские, с минимумом песчаных дюн) или, как предлагалось, «подобно копы, пронзающему пустыню». В доисламские времена Салат исполнялся в положении стоя, лицо горизонтально, глаза глядят в никуда (не вверх и не вниз), и такое причастие могло длиться несколько минут. Ритуал мог быть опасен для жизни: пустынное солнце обычно стремительно обжигало мягкие ткани, вызывая острые физиологические расстройства, такие как тошнота, головные боли, кровотечения из носа, слепота, бред или внезапные припадки. Для кататоников он мог оказаться смертельным. Такой тип ритуала указывает на то, что Ала или Эла — это месопотамско-персидский Бог Солнца, неотделимый от пустыни и человека. Он соединяет пустыню с Солнцем через медирующую активность человека, который обречен быть сожженным, чтобы коммуникация между пустыней и Солнцем состоялась. От Солнца к пустыне и от пустыни к Солнцу — человек всегда находится посередине, завершая ось адо-инженерии. В отличие от индоевропейских ритуалов коммуникации с Солнцем, которые отводят центральную роль вознесению к Солнцу, солнечные боги ближневосточных культур (такие, как Баал и Молох) никогда не обещают такого вознесения. Такая коммуникация невозможна, ведь Солнце поднимается, как всеистребляющий вал, еще до того, как вознесение завершится, прежде, чем человек может подняться к Солнцу. Коммуникация с Внешним обеспечивается только массовым воспламенением, необратимой потерей зрения и смертью, не в очищающем огне (будущее катарсическое пламя теизма), а от манифестаций Теллуру-заговоров в отношении Солнца и неполного сгорания. Зурван, Молох, Нергал и Баал сжигают свои подношения, прежде чем принять их; их язык — либо эпос, либо пепел, либо поэзия дыма.

Ритуал Салат происходит от более древних зурванитских ритуалов: Зурван Акарана, Бесконечное Время, Пожирающий Эон, или *deus-Airmanius* (Бог-Ахриман, как его называли в более древние времена), наиболее влиятельное божество на Ближнем Востоке, восходит к 7000 году до нашей эры и, вероятно, выступает истоком большинства политеистических богов, а также монотеистического Бога (Богов). Зурван обычно изображался как четверокрылое львиноголовое человекообразное существо с яростными глазами и пастью, готовой разрывать плоть (на древней статуе Зурвана, обнаруженной в Антиохии, сохранились следы красной краски на зубах). Тело Зурвана иногда было оплетено свернувшимся змеем (обычно в семь оборотов, в соответствии с первичным порядком зодиака и числом Адо-Инженерной Оси), при этом голова змея лежит на голове Зурвана и смотрит в никуда. Иногда мужчина, иногда женщина, иногда гермафродит, а иногда вообще лишенный гендерных признаков Зурван, как и Ангра-Майнью (Ахриман), размножается путем партеногенеза; но в ран-

них текстах он рождает, совершив *levat* (акт мужеложества) с самим собой, который, как говорится в некоторых текстах, длился от одной до десяти тысяч лет. Это еще одно важное указание, склоняющее археологов (Хюбнера, Легге, Дюшен-Гиймена, Ценера и др.) к сильной гипотезе, что Зурван на самом деле — первичный Ахриман, *fienda prima*. Беременный Ахриманом и Ахурамаздой, Зурван решает доверить свое царство сыну, который родится первым. Поскольку и Ахриман, и Ахурамазда глубоко связаны с отцом, они слышат его решение. Но именно Ахриман придумывает коварный план, чтобы родиться первым, таким образом захватив царство Зурвана. Ахриман разрывает бок отца, чтобы ускорить свое рождение и выйти из его чрева первым. В результате преждевременное рождение оставляет на Ахримане след: он рождается бесформенным, гнилостно-черным и смертно-бледным. Ахурамазда же, который был терпелив и родился естественным путем, стал воплощением света и красоты. Парсани отмечает, что преждевременное рождение Ахримана на самом деле представляет собой аллереорию автоинтроспекции Времени (Зурвана) в его наиболее чудовищных масштабах или коллапса солнечного бога в состояние нигредо (черноты), где трансформация направлена вглубь и вниз. Парсани убежден, что оба объяснения отсылают к одной и той же истории об открытости и искаженной эзотерической трансформации, послужившей затем источником вдохновения для Ахта-колдуна, придававшего значение лишь разложившемуся состоянию солнечного пламени. В ранней «Авесте», когда Ахурамазда и Ангра-Майнью рождаются из тела Зурвана, они заявляют, что у них нет отца, ведь Зурван не может быть демиургом: в его всепоглощающем Зоне ничто не может быть сотворено. Для такой радикальной Внешности выживание невозможно; Внешность Зурвана не может ни обладать, ни быть обладаемой. Бездонное время не прислушивается к крикам своих детей. Только в позднейших пехлевийских текстах и позднем зороастризме (времен Сасанидов) Зурван наделяется патриархальными характеристиками и вводится как инстанция первичного отцовства, чтобы придать легитимность Ахурамазде и его Братству Света. «Конфликт гендеров — антропоморфическое заблуждение. Темные легионы ближневосточных божеств меняют свой гендер самым радикальным образом, чтобы сообщить свою бездонную мудрость, безразличную и к творениям, и к другим творцам», — пишет Парсани в «О митраизме»[‡].

‡ (Надо написать ответ К. сегодня). Идея написать диссертацию о номерах комнат (которые встречаются в книгах, фильмах, видеоиграх, документальных фильмах, отчетах и др.) превосходная. Где есть номер комнаты, там разворачивается и микроскопический нумерический нарратив. Странно, что такие загадочные нарративы почти всегда вращаются вокруг чисел как прогностических агентов, знамений, призрачных следов ужасного прошлого и привидений. Номера комнат — агенты призрачности. Номера комнат — обитатели сюжетных дыр, но это не значит, что у них нет собственных сюжетов.

Рис. 28. Зурван Акарана.

Рис. 29. Таблички и резные барельефы, найденные в Остии и Йорке-Эбуракуме (обнаружены вместе с безголовым телом Зурвана в 1875 году) изображают Зурвана как Ахримана: *Volucius Irenaeus Airmanio votam solvit*. (Изображение безголового монумента и надписи на нем впервые опубликовано Хюбнером в *Jahrbucher des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande* — далее *Bonner Jahrbucher* — 58, 1875, с. 147).

Первые зурванитские ритуалы были удивительно сходны с ритуалом Салат. Статуя Зурвана, обнаруженная в Сидоне, иллюстрирует с поразительным сходством позу исполняющего Салат, в голове пустое пространство для помещения огня, вырывающегося из открытого рта и глаз Зурвана. Позднейшие исследования других месопотамских божеств, в особенности вавилонского Нергала и его влиятельного культа *Kuthah* или *Kutha* (32°44' с. ш. 44°40' в. д.), подтверждают связь между Зурваном и Салат как полуденной молитвой. Нергал, как один из главных источников вдохновения для позднейших солярных культов Ближнего Востока, выглядит как такой же львиноголовый демон, окруженный свернувшимся змеем. Характеристики Нергала как зурванитского бога показывают, что Зурван связан с Салат, «посередине» и полуденной коммуникацией, поскольку поклонение Нергалу (богу войны, моря и испепеляющих солнечных приливов) было полуденным ритуалом, исполняемым главным образом летом. Однако еще более явной, нежели это сродство, представляется связь между самим Зурваном и полуденными ритуалами: в ранних авестийских текстах Зурван (Время Зона, или *Zamaan*) обычно сопровождается словами *Rapithwina* (*Zohr* или «полдень, двенадцать часов дня»), *Dargha* («долгий, поздний») и *draja-dareqa* («без начала и без конца, между»). Порой вариация имени Зурвана — «Заман» — указывает на определенное время, которое кажется бесконечным: полдень (*zohr*), время, подвешенное солнечными приливами, воспламенение и коммуникатора, и канала-режима коммуникации. Указывая не только на солярные аспекты Салат (его ассоциация с полуднем), но и на их поглощающую и воспламеняющую безграничность, Зурван изначально выводится из многозначного этимологического корня, полисемичного слова *Zar*.

- I. *Zar*: старший; немислимый промежуток времени, в условиях которого нет ни начала, ни конца, временной масштаб, означающий промежуточность. Также сияние и пожар.
- II. *Zar*: попытка, пожирание (в современном фарси, с префиксом «А»), этот корень образует слово *Azar*, означающее пытку, мучение, беду и *Az*). Не следует забывать, что Зурван и Аз с древних времен ассоциировались друг с другом (роль, которую Ахриман играет, родив Аз и Джахи [Джай, Джахика, Джани, Дже]). Аз, первый и абсолютный вампир, архдемонисса жажды и голода, созданная путем принесения себя в жертву Ахриманом³¹. Кровь, текущая из ран, наносимых Ахриманом самому себе, чтобы сотворить Аз, превращается в женскую менструацию. Аз — дочь Ахримана, рождение которой — результат не творения, а интроспекции, погружения вглубь саморазрушения и антитворения. Как та, которую ничто не может удовлетворить, неудовлетворенность всех тенденций, Аз обещает Ахриману: «Все, что существует, будет пожрано, даже твое собственное творение», — обещание, которое наконец пробуждает Ахримана из депрессивной дремоты конвульсивными волнами возбуждения. Самопоглощающее обещание Ахримана напоминает аналогичный бесконечный процесс пожирания, которым Зурван (раз)создает все, что он создает, беря творение и предлагая его вампирической бездне Времени. Вспомните, что Зурван сам есть бездна Времени. Если творение возможно, то только потому, что оно есть часть всеохватного разрушения, которому Время подвергает все, что в нем находится, от всех условий и темпоральностей до законов самого времени.

Невозможно отрицать, что Салат — это ритуал, наследующий зурванитским практикам, интегрировавшим в своем основании четыре элемента: 1) полдень (между); 2) сбой во Времени (отмеченный встречей с Эоном-Зурваном); 3) сожжение Солнцем; и 4) становление частью передаваемого послания, а не тем, кто подтверждает или, точнее, позволяет коммуникацию как удаленный коммуникатор. В зурванитских ритуалах нет коммуникатора как получателя: коммуникатор всегда то, что коммуницируется или, точнее, воспламеняется. Следуя этой линии, неизбежно приходим к бесспорному сродству между Эла, которому поклонялись арабские кочевники, и Зурван Акарана.

В Аравии для коммуникации с другими божествами существовал безопасный Дом Кааба — самое важное здание во всей Аравии, — построенный в форме куба. Как наиболее надежная и антропоморфически пригодная для жизни архитектурная форма, куб репрезентирует порядок (*Порядок Фарра*), прокреационистские тенденции и *oikonomia*. Квадрат и его архитектурная сила (или куб) может быть противопоставлен трем точкам космической нелокализуемости и Зурвана, и Друдж (Матери Мерзостей), трехточечному извращению *drêm*³² (произносится *rêm*). Три точки — это печать священной экстериорности и нелокализуемости Вещи-Без-Происхождения; политические единицы Ближнего Востока, известные как Трисон. Завоевав Мекку, Мухаммед разрушил идолов в Каабе; он объявил, что Кааба находится во владении одного Аллаха, который пребывает вне ее. Салат был трансформирован в намаз (сло-

во «салат» еще используется в отношении намаза или молитвы). Изначальная смертельная стоячая позиция была разделена на четыре отдельные позиции, чтобы гармонизировать надежность коммуникации с выживанием человеческого существа — регуляция ради выживания, отделившая коммуницируемое от коммуникатора: 1) стоячая позиция; 2) *Roku'e*: поклон верхней частью тела из стоячего положения; 3) *Soffeh*: сидение, склонив верхнюю часть тела; 4) сидение на пятках.

Об имени Ала или Эла у доисламских арабов. Это имя изначально происходит от протосемитского «Эла», которое впоследствии трансформировалось в арамейское слово «Элоа» или «Олоа» — слово, используемое как синоним тетраграмматона, YHWH (как «Эло» или «аль-о»). Но происхождение этого имени восходит ко временам более далеким, нежели возникновение имени Яхве.

В современном фарси и арабском еще используется Ила или Эла. Однако в Коране имя Эла или Ала (заметьте, что в нем содержится только одна буква L, Лям) претерпевает структурную метаморфозу, крайне изобретательную и необычную. Ала или Эла морфологически трансформируется в «Аллах». В арабском и фарси буква Ха (ه), соответствующая английской H, не соединяется с Лям и Алиф (звучащим как «ла»: ل). Когда буква Ха (ه) появляется в конце слова и после Алиф, как в случае Ала-х или Эла-х (هـ), она не может быть соединена с буквой Алиф и записывается отдельно. Слово «Аллах», однако, представляет собой исключение: буква Ха ھ соединяется с Алиф ا и трансформируется в диакритический знак, располагаемый над буквой Лям ل. В результате такой трансформации буква Лям должна произноситься с двойным ударением и записываться дважды (Аллах), чтобы вторая Лям на письме соединялась с конечной буквой Ха (или Х). Это двойное ударение на произношении называется Ташдид ّ и представляет собой арабскую диакритику. Таким образом, имя записывается как «Аллах». В результате этого необычного соединения имя Аллах (الله) напоминает скорее рунический глиф или шифр, чем арабское слово (см. рис. 30). Странная форма слова «Аллах» может быть единственным источником вдохновения для всего арабского искусства каллиграфии.

Рис. 30. Слово «Аллах» (пишется и читается справа налево).

Однако в английском языке написание *Allah* проблематично, поскольку «а» должно произноситься как непрерывный звук, что обозначается небольшим значком в виде кинжала (алеф) над Ташдид, что в арабской орфографии сообщает слову непрерывный звук «аа». Правильное английское написание слова «Аллах» — *Allaah*.

Alah / Elah (абджадия = 37) (AQ = 58)

Allah (абджадия = 67) (AQ = 79)

Allaah (абджадия = 68) (AQ = 89)

Последствие. В англосической каббале, AQ: 89 = *Druj*

Рис. 31. Лептратура Друдж.

Цитата из анонимного ваххабитского мекканомиста: «Если Аллах пребывает вне всякого дома, даже своего обиталища, то сама Кааба — ужасное идолопоклонническое излишество».

«Если монотеистический Бог пребывает преимущественно вне своего собственного обиталища, в предельной экстернальности, в отличие от шумеро-вавилонских богов (взять, например, Мардука), то разве монотеизм — та отсталая политика, рожденная из ретроградного антропоморфизма, на которую мы смотрим с таким презрением?» — вопрошает Парсани.

Особая благодарность Kh из Каирского университета

«Отец, я пожру тебя, как собираюсь пожрать все творение, — это крик, издаваемый Аз при рождении. В зороастрийских текстах Аз — также демон бездонного либидо; она не сдает человека Солнцу на непосредственное потребление, а подвергает его новым модусам открытости, которые требуют заключения предательского пакта с Солнцем. Аз позиционирует человека вовне солярной экономики желания, конечная точка назначения которой — фатальное растворение, отмена и тотальное стирание весьма зловещим образом. Зурваниты иллюстрировали это не-солярное буйство, или радикальную либидинальную диссоциацию от Солнца, образом змеи, свернувшейся вокруг солнца и образующей с ним аномальный извращенный пакт. Бурное возбуждение этого пакта или соучастия антидромично солнечному термоядерному *holos-kaustos*. Его имя — Аз, или любовь пожирающая» (Хамид Парсани).

Задача антропоморфической истории и органического выживания (млекопитающего синдрома в особенности) — направить либидо в точку референции. Эта антропоморфическая референция в удаленном режиме заключает и идеализирует все либидинальные поля, а также придает «смысл» либидо (желание давно уже было оптимизировано либидинальной конвергенцией или целью). Теперь разрушьте эту цель или точку референции и любуйтесь, как либидо начинает сбрасывать свое выживательное «я» и человеческую кожу. Клер Дени в своей кинематографической работе «Что ни день, то неприятности» (*Trouble Every Day*, 2001) визуализирует трансцендентальный кошмар этого ксеновозбудительного желания, для которого и Человек, и Солнце излишни. Эта отталкивающая выживание жизнь, не-объективное либидо, радикальное желание или Аз — это не Солнце, но абсолютная страсть к Солнцу. Такой пакт с солнцем через *philia* гораздо опаснее, чем воздействие Солнца на планетарную сферу. Пакт с Солнцем, земная любовь к Солнцу — нечто большее, нежели просто акт стирания: он ближе к беспорядку, чем к смерти. Аз принимает землю как свою лабораторию, как игровую площадку для своих экспериментов, то есть заключает пакт с Солнцем. На планетарном уровне этот пакт с Солнцем воплощает в себе аннигиляционистский этос Солнца — не как чистое вымирание, а как специфически теллурианскую деструкцию. Деструдо — это смерть, сердце которой — земные ограничения и креативность, противостоящие очистительному аутизму Солнца. Как только пакт между Солнцем и Землей заключен, обсессивно-компульсивная пирофилия Солнца также переизобретается на земном уровне, в соответствии с земными ограничениями и креативностью. И все же inferнальный капитализм Солнца не может сохранить свою гегемонию на Земле, он больше не может стирать с лица земли и сжигать дотла. Вместо этого, снабженная земными характеристиками, пирофилия Солнца производит неполное сжигание, характеризующееся остающимися после него грязью, композитами и градиентами. Как страсть, Аз, или деструдо, захватывает моровую креативность Солнца и знакомит ее с земными становлениями, которые ничего не знают об абсолютном Нуле. Деструдо заключает изобретательные союзы со всем, что происходит от Солнца,

организует заговоры в отношении Солнца, подрывает солнечную жажду аннигиляции. Природа Аз, или Деструдо, — не подавление, а постепенное разрушение гегемонии Солнца, окончание мифа о Солярном Внешнем во имя радикального внешнего, которое одинаково экстернально как для Солнца, так и для Земли.

Согласно зурванизму, Аз придает солнечной жажде аннигиляции новые спиральные направления, соответствующие диаграмматической манифестации змеи, свернувшейся вокруг солнца. Это операциональная диаграмма ереси против Солнца и передний край этого извращения, странная двойная спираль, или дракоспираль (Тиаматический динамизм) с штопорообразным движением. В дракоспирализме Солнце играет роль восходящей линии, сингулярности, возносящейся к вымиранию. Но Аз, действующая в планетарной сфере (вне ограничений), оперирует на диффузной расходящейся линии. Солнце сообщает двойной спирали, или дракоспирали, вертикальное поступательное движение (картографируемое как воспламеняющая ось), которое удерживает ее конвергентную целостность в направлении к Нулю или полной аннигиляции. Однако, поскольку вертикальная ось — часть спирали, она синергически интенсифицирует другую линию, или ветвь спирали (оперативную линию Аз), которая должна сохранять закручивающееся воронкообразное движение, дабы превратить вертикальное или поступательное движение Солнца в штопор. Эта трансформация — из эскалации или осевого движения в диффузию или угловое движение — придает потребительской гегемонии Солнца новую потенцию, основанную не на конвергенции по направлению к некоему пределу, а на спиральной нелокализуемости, неистощимых становлениях извращения, отклонений и бунтующих креативностей.

Так как относительные движения всегда имеют антипараллельную скорость (поскольку их движения берутся не относительно координатной системы, а только относительно друг друга), дракоспираль не может консолидироваться в состояние покоя или завершенности; она всегда незавершима, готова взрезать любой блок, любой момент завершенности и разорвать их в клочья. В спиральной машинерии дракоспирали каждое восходящее движение (здесь принадлежащее Солнцу) генерирует самодестабилизирующий эффект, поскольку восходящее движение автоматически смещается в диффузное отклонение на другой ветви спирали. Это каталитическая судьба всех восходящих движений, гегемонических функций и линий, пытающихся консолидироваться в доминирующую голову в спиральном движении дракоспирали, извивы которой символизируют прогрессирующий износ. Парсани отмечает, что римляне называли этот БЕЗДонный разум (Аз) с дракоспиральными свойствами *Voragon* — ассоциируя его не с абсолютной жадностью (*vorax*) Солнца, а с бездной (*vorago*) бунтов и еретических инноваций.

В одном из интервью Хамид Парсани применяет ту же спиральную машинерию, известную как дракоспирализм или врагон, к взаимоотношениям ислама и капитализма. Функцию Аз выполняет диффузное тело ислама, а солярная ветвь (как гегемоническая линия) замещается поступательным планетарно-гегемоническим телом техно-капитализма. Благодаря петрополитическому загрязнению глобальных политико-экономических систем, дерзкому использованию

Такия, или исламского гиперкамуфляжа, стратегии вместо тактики и заразной коммуникации вместо трансгрессии ислам занимает место диффузной оси дракоспирали. Технокапиталистическая сингулярность замещает восходящую ось или солярную гегемонию в дракоспиральной модели Войны с Терроризмом. Это спиральное сплетение ислама и капитализма приводит к радикальному отклонению от конвенциональных апокалиптических сценариев конца света, предполагающих наступление хронологического единства ислама и капитализма. Парсани предупреждает, что такого хронологического единства не существует. Для ислама и капитализма конец света картографируется хронологическим разъединением спиральной машинерии штопорообразного движения. Конец света всегда приходит с противоположной стороны: технокапиталистическая хроносфера несет в себе хронологический катаклизм для исламского фронта, а исламская хронополитика, окрашенная безвременьем пустыни Киямата (исламского моментального апокалипсиса, постоянно активного и присутствующего), означает отмену не только технокапиталистической хроносферы, но и западного Времени как такового[‡].

‡ 24 12 12 30 21 29 18 23 28 18 13 14 12 27 34 25 29 28: he vwme mil yeqbj; swj avqkm he me mil kls swj jqt fc mil kls... swj he me mil defwmsvw swj kisul mil defwmsvw lwmvqlbt, aeq mil defwmsvw vk mil ktkmld ea mil yeqbj... zsqqt jlzqlskl meysqjk jlzqlskl

НЕРАСЧЕРЧЕННЫЕ
РЕГИОНЫ

КАТАЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОСТРАНСТВА

Согласно статьям, опубликованным ближневосточными критиками, последовательное развитие работ Парсани о Ближнем Востоке можно проследить по его подходу к трем загадкам. Эти три ближневосточные проблемы, регулярно воспроизводящиеся в работах Парсани, могут быть сформулированы следующим образом: 1) разложение целого в отсутствие полного стирания или разрушения (называемое поромеханикой и пол()ым комплексом); 2) петрологический разум и геополитика петрополитических потоков (называемые Теллурианской Смазкой); 3) загадка открытости на всех уровнях — экономики, политики, религии, жизни, коммуникации и т.д. Если для Парсани Ближний Восток был живой разумной сущностью, то ее деятельность вращалась вокруг этих трех загадок, все более запутывающихся на каждом повороте.

«Конвульсивно сворачиваясь во все более спутанные извивы, Ближний Восток вырабатывает собственную форму жизни, которая по любым стандартам должна быть признана специфически ближневосточным ответом на эти три древние загадки. Отбрасывая в сторону творение, эта форма жизни строит миры и трупы более эффективно, чем Бог».

Безусловно, в масштабном труде Парсани «Стирая Древнюю Персию», который он сам политически именовал *vade tecum* (от лат. «иди со мной»: карманный справочник, путеводитель или дорожный молитвенник), этой форме жизни, основанной на «антикреационистской креативности или извращении», дано имя: Распад.

В поздних своих работах, несущих стигму топической диаспоры и маслянистой плотности, Парсани меняет имя этого «конкретного ближневосточного подхода к строительству и извращению творения» с «распада» на «подспудную мягкость»: номенклатурный сдвиг, более соответствующий трем древним загадкам, согласно объяснениям Парсани в его поздних текстах. Обсуждая отноше-

ния между нефтью и монотеизмом на Ближнем Востоке, Парсани намекает на причины, стоящие за этим переименованием: «пол()ый комплекс [Kareez'gar] — это модель участия или соучастия с нарративами Земли, а нефть придает этим нарративам живость и стремительность. Модель этой живости и стремительности на Ближнем Востоке — распад и скрытая мягкость. Скрытая мягкость Ближнего Востока не укладывается ни в виталистскую модель, ни в некрократическую покорность смерти. Прогрессирующая мягкость распада ускользает от консолидации, но не избегает твердости; космогенез распада разворачивается внутри твердости, распространяется с внутренних поверхностей на внешние. Путем распада твердая сущность захватывается не интегрированной жизнью и не смертью, а неопределенностью. Если современные социально-экономические и политические формации на Ближнем Востоке источают бешеную жизненную силу и вонь коррупции, то только потому, что они предали смерть, пережив распад. В том же духе значительный элемент дезинтеграции, который Ближний Восток вносит в весь остальной мир своим населением, политиками, религиями и даже самим своим существованием, может быть объяснен ближневосточным подходом к смерти, жизни и мягкости: намеренное добровольное затухание как автономный процесс строительства — скрытая мягкость распада».

Несмотря на все материалы о распаде или «ближневосточной модели невозможной смерти», содержащиеся в поздних работах Парсани, его роль в социополитическом основании Ближнего Востока может быть картографирована только с помощью высокотехнологичного словаря. Однако мы можем здесь сделать предметом рассмотрения псевдоидеологическую адаптацию (а по сути — полное затормаживание) дискурса Парсани.

Героические или романтические подходы к распаду полагают декомпозицию процессом натурализации (возврата к природе), полного исчезновения и разрушения, избавления и перерождения. Однако финальная цель таких героических взглядов — политическое или экономическое одомашнивание и апроприация, поскольку распад не совпадает ни с формированием, ни с разрушением. Распад — это процесс артифициализации, распространяющийся на субстрате всех модусов выживания (существ). Другими словами, распад в отличие от смерти — не нечто внешнее по отношению к выживанию, поскольку он длит себя на субстрате выживания, дабы бесконечно откладывать смерть и абсолютное исчезновение. При распаде существо выживает, сливаясь с другими существами, но не теряя при этом всех своих онтологических регистров. Распад никоим образом не стирает и не уничтожает: напротив, он поддерживает жизнь. Именно этим процесс распада, несмотря на все явные коннотации, отличается от трансгрессивных машин войны терминатии, аннигиляции, трагедии и насилия. Распад подрывает смерть и разрушение путем перемещения их в пространство, где они не обладают формативной властью (*Puissance = p*) и, соответственно, где формация побеждает как целостное единство, так и смерть или стирание. Генерируя все аспекты формации, распад разосновывает само основание, на котором проводится, распространяется и устанавливается власть. В соответствии с поромеханикой распад бесконечно прокалывает формацию власти и таким образом не дает власти инвестировать в консолидацию своей формации. Соответственно, распад стро-

ит мир, в котором власть может приводить только к разложению формаций на бесконечные отбросы — все мрачные царства существ. По этой причине распад не приводит власть (*puissance*, как в *La Volonté de Puissance*) к полному стиранию и искоренению ($p \neq 0$, или ничто без твердости), но и не придает власти структурных и утилитарных оснований. Так называемая коррупция, или закат Ближнего Востока, — результат бесконечно проколотого основания социальных, экономических и политических формаций, которое не позволяет эффективно использовать власть или поставить ее на службу.

Подрывая основание, на котором власть может применяться, а линии разрушения могут мобилизоваться, распад уводит в сторону (в смысле перманентного схода с рельсов) процесс терминции. Если социальное, экономические и политическое определения власти детерминируются ее формацией, а сама формация устанавливается ее основанием, тогда мирная (не-аннигилирующая) атака на основание властных формаций производится как конкретный саботаж против самого определения власти.

«Распад может извлекать мягкость из деспотизма, политическую стойкость из отказа от использования власти. Это загадочный *modus vivendi* неумирающих ближневосточных властных систем; влияние их заразной нищеты и тирании на весь мир не знают географических ограничений. В отсутствие какой бы то ни было консолидированной поверхности, на которой можно было бы эффективно утверждать, проводить, транспортировать, сберегать и развивать властные формации, власть не работает ни на что, кроме разложения самой системы. Распад формативных платформ приводит к растворению линии командования и провалу тактики, которая требует формаций для своего динамизма и модуса действия. Но этот коллапс командования и тактики не оставляет разлагающуюся систему или политическую единицу беззащитной или умиротворенной: такой коллапс открывает пугающую арену парамилитаристских действий, на которой любой шаг и любое применение власти превращаются в беспилотную стратегию, стратегию без линии командования. Результатом этого парамилитаристского развертывания становится Ближний Восток как опустошение. Разлагаться означает терять различие между мягким и твердым. Фактически невозможно определить, в чем разница между непреодолимой мягкостью и непреклонной твердостью, когда имеешь дело с ближневосточными государствами и системами власти» (Хамид Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

Распад может конкретно (в смысле прагматизма и политических последствий) стирать определение власти позиционированием p (*Macht*) над Нулем-без-твердости ($p/0$), процесс, характеризующийся не растворением власти, а сохранением ее в живых внутри скрытых носителей. Как политическая машина нежити, ближневосточная система раскрывает свои подлинные черты в распаде. Использование власти в распадающейся системе — это некрофилический опыт. Распад разрушает власть на виртуальных поверхностях нуля, где она гниет и источает свою вонь; но превыше всего распад высасывает смерть из живых, не проваливаясь

в черную прозрачность смерти. В то время как пришествие смерти предвещает конец любой вместимости аффорданса, царство распада начинается с утраты такой вместимости. Эту прогрессирующую смерть, которая не может разрешиться полным удалением или тотальным разрушением, можно попробовать на вкус только через распад и его дифференцированный беспорядок.

Распад знакомит власть со злоключениями материи. Но именно «сущности как существа» пересказывают друг другу приключения распада как космическую одиссею. В распаде границы и черты объектов подвергаются проверке: гиена строится из трупа собаки, который, в свою очередь, порождает растения, мелких червей внутри меньших червей внутри еще меньших червей внутри бесчисленных извивающихся тел. Пробуждение различных видов из испортившейся сущности неотъемлемо от распада. Тревожное открытие немецкого философа-схоласта Генриха фон Гессена старшего гласит, что «неясно, все ли люди относятся к одному виду, то же и с собаками и лошадьми... [Т]ела, принадлежавшие к одному виду, будучи живыми, могут отличаться по виду друг от друга, когда начнут портиться». В процессе распада таксономическая неопределенность и явная двусмысленность размывают границы не только между разными видами, но и между существами одного и того же вида. В контексте распадающихся политических систем такая неясность знаменует угрожающий социально-политический поворот. Утверждение, что распадающаяся политическая система пересекает и охватывает другие политические системы, уже звучит достаточно пугающе, но стоит добавить, что любая политическая система, будь то развитая или демократическая, может быть дифференцированным градиентом распадающейся политики — это немислимая инсинуация.

В распаде любая инстанция динамизма или регуляции, модулируемой дифференциальным равновесием между горизонтами жизни (как живущих) и смерти, выводится из строя. Мы оказываемся выброшенными за пределы жизни и смерти (аффорданс жизни) как экзистенциальных экстремумов. Пересекая дифференцирующую мягкость распада, сущие встречаются с модусами выживания, которые не основаны на экономических доменах умирания и жизни. Эти модусы выживания или бытия характеризуются одновременным включением и развитием. Распадающийся объект или система сворачивается в свои минимальные тело и очертания (меньше чем вещь, больше чем ничто) и в то же время разворачивается в другие существа, которые отличены от него распадом.

«По мере распада ближневосточная политическая система сокращается до своего нередуцируемого тела и бесконечно малого существования. Следовательно, по мере декомпозиции она развивается в направлении неожиданных систем и модусов политики. Труп политической системы — на самом деле ее актуальное тело (*summa actualis*), химический потенциал которого безграничен» (Х. Парсани).

Охват и развитие распадающейся сущности описывает событие, которое осциллирует между абстрактным (складывание в минимум тела и очертаний) и конкретным (отличие от других актуальных существ). Космогенез распада выстроен

между измерениями. Путем распада жизнь и смерть множатся и разлагают друг друга до бесконечности (а каким мог бы быть конец распада?). Для системы, которая впала в экономическую неразбериху и отсутствие вычислительных возможностей (как жизни, так и смерти), вызванные процессом распада, нет освобождения, нет спасения ни в смерти, ни в жизни. Распадающаяся сущность становится лабораторным столом, на котором прорастает базо-некрофилия (где смерть бесконечно откладывается, но последовательно приближается). Распад — это лимитрофный процесс, в ходе которого объект постепенно сжимается до нуля, не выполняя акта аннигиляции (полного растворения в ничто). Бесконечное сокращение или сжатие распадающейся сущности равно испарению качеств или атрибутов, через которые человек трансцендентально схватывает или получает доступ к этому объекту — ощущает, переживает в опыте, опознает, допускает и судит. Такое испарение точек доступа (трансцендентальных порталов) складывает сущность обратно в себя. По мере того как объект убегает от нас, он четче вырисовывается в его собственном пространстве, и все это благодаря вторжению и помощи ничто, близость и удаленность которого одинаково бесконечны. По этой причине Парсани ставит политический вопрос, ответ на который он надеется найти в разработке этики распада: «Если распадающаяся политическая система избегает нас во всех отношениях: абстрактно, конкретно и экзистенциально, — но не погибает полностью, то как именно о ней можно судить?»

Извилистое и розовое пространство распада — розовое ввиду семиотики войны и мира, красноты и белизны и их взаимного загрязнения — воплощает логику слепоты в человеческом знании.

«Первое, что замечаешь, живя на Ближнем Востоке, — это что распад окутывает свои объекты неясностью, в равной степени отталкивающей как для процессов терминции, так и для процессов роста. У ближневосточных политических государства эта неясность принимает форму слепоты-к-смерти, которая может быть противопоставлена ослеплению смертью» (Х. Парсани).

Затерянный в неясности, понемногу ты оказываешься отдан беспорядку, ликвидации границ, бесконечно малому вымиранию, базо-некрофилии и быстрой гнили, которая бормочет «попробуй на вкус свою смертность», стирая все пути к смерти.

Высаживание *puissance* в точку холодного нуля — механизм распада ($p/0$); это также разоснование, из которого без сотворения возникают угрожающие ближневосточные системы. Распад строит без творения. Власть требует основания, чтобы превратиться в формативную власть (власть закона, Государства, религии, *et cetera*), а распад выводит из строя основание, с помощью которого власть инструментализируется. Но как процесс гниения или распада помещает *puissance* над нулем, разосновывая власть? Ответ заложен в дифференцирующем безумии распада и его раковом подходе к *metron* (системе мер)³³. Формация в целом требует мер, чтобы сохранять консолидацию и поддерживать процесс регенерации или терминции. С одной стороны, распад — это дифференциация бытия (как атрибутированного некоей сущности) в другие существа; с другой стороны, это метастазис шкал и измерений через акт разложения или развертывание

шкал и измерений, присущих формам новых существ, возникающих из разлагающейся сущности. Для человеческого трупа нет антропоморфной шкалы — абстрактного или конкретного, только различные измерения, шкалы и широты, атрибутируемые новым формам и сущностям: шкалы вермикуляции (черви), паразитические измерения (грибы), ароматические широты (зловония) и масштаб неизвестного. Хотя все эти шкалы уже присутствуют в теле, распад высвобождает их, сообщает им новые уровни дифференциации, не связанные с телом как носителем потенциальностей. Здесь машинерия распада накладывается на механизм избыточного шрамирования или фибропролиферации. Если шкалы используются для формативной поддержки и сохранения целостности, они могут также и разлагать формации, когда скорость их пролиферации или дифференциации превосходит возможности и скорость регенерации формации.

Пролиферация шкал и дифференциация широт формы позволяют распаду отстраниться от природы и природного, так как он отклоняется от великой бесформенности природы, которая не терпит никаких измерений, стандартов, шкал, метронов и мер, из которых складываются, производятся и конфигурируются системы, территории и ассамбляжи. Процесс распада фактически развивает свою машинерию именно из того, чего природа не терпит: из шкал и измерений как матриц и фреймов властных формаций. Однако подход распада к измерениям и шкалам — это подход пол(о)го комплекса к Целому: разложение консолидирующего целого и выведение из строя формации относительно ее дифференцирующего охвата или способности к реформированию. Распад пересекает и схватывает измерения как нередуцируемые переплетения твердости и пустоты — объектов, бесконечно дифференцируемых до такой степени, когда меры и измерения теряют способность измерять или определять формативные регулятивы. Это событие, однако, не приводит к стиранию измерений или мер — распад разлагает измерения путем их пролиферации (превращения во вредителя) и запутывания (вермикуляции); приводит в беспорядок все, относящееся к измерениям. Это не значит, что распад исполняет Волю Природы и ее пошедшего вразнос Капитала, оживляя измерения и шкалы. Злонамеренность распада по отношению к шкалам указывает, что распад разворачивается через измерения и формативные шкалы, чтобы рано или поздно снизить в неоснование, в обломки размерности или демоническую твердость (то есть труп твердости). В «бытии твердым» заключено гораздо больше, чем можно вообразить, ведь если бы твердое уступало пустоте и было бы просто ее симптомом, тогда почему бесконечный жестокий процесс распада до сих пор не уничтожил твердость раз и навсегда?

Погруженные в скрытную мягкость распада, измерения и метроны разлагаются под машинерией гнили. Избыточность измерений — это стратегия распада, так же как твердость — его топливо. В распаде дезинтеграция — лишь средство избыточности измерений и пролиферации шкал, поскольку дезинтеграция — это предельная тактика последовательного размножения измерений в отсутствие какой-либо силы консолидации и утилизации их как целого или как формации. Разлагающаяся сущность — это кишасшие червями выделения ее бывших измерений, она порождает все больше и больше мер, микрошкал, метронных ячеек,

твердых фрагментов, лабиринтообразных сплетений измерений и свалок бесполезных шкал. В этом смысле говорить о локальном распаде (как относящемся к одному объекту) уже проблематично, поскольку распад работает вне всех шкал и измерений, которыми локальное может быть отделено от эпидемического и глобального:

«Мой распад — не только мой, это распад всего мира, который отличен от меня. Ближний Восток, возможно, и представляет собой неясный геополитический распад, но развитый мир тоже может быть назван распадающимся Ближним Востоком в эпидемическом и глобальном масштабе» (Х. Парсани).

Дезинтеграция, привносимая в объект гниlostными процессами, — не обычная дезинтеграция как разделение на компоненты, части, фрагменты или составляющие атомы. Распад — это нефрагментарная дезинтеграция, в которой все остается связанным с распадающейся сущностью. Непрерывность сохраняется в отсутствие консолидированных измерений и когерентных мер. Вследствие этого процесс дезинтеграции распада выражает логику предельной мягкости (слизи), где непрерывность становится результатом бесполезных связей и невозможности отказа от них. Интеграция также невозможна, потому что шкалы и измерения больше не поддерживают возможности своих формативных сил. Распад создает слизистую непрерывность в процессе дезинтеграции. В ходе распада происходит катастрофический коллапс в глубинах композита, где контраст между твердым и пустотой радикально размыт. Бесполезные связи между ними подрывают экономическую эффективность и стабильность целого и противостоят ей. Дезинтеграция — это лизис, за которым следует подрыв способности определять количество и качество входящего и исходящего. Для распада размягчение и дезинтеграция совпадают тогда, когда формация оказывается захвачена поромеханикой. В поромеханических событиях твердое существует за счет мягкого. Линия инициации распада отсылает к линии химии, изнутри наружу, от твердых и жестко соединенных компонентов к мягким частям. Химия начинается изнутри, но ее существование регистрируется на поверхности; онтология — это, так сказать, лишь поверхностный симптом химии. Распад извлекает из твердого мягкость, превращает его в зараженную фабрику размножения мягкости, которая опять же остается анонимной даже для бесформенности природы. Мягкость распада — прямой продукт его иронии.

Монотеизм предполагает, что любое растворение или разламывание твердого — это жизненно безопасный процесс, движущийся в направлении Возвращения (к природе, творению и божественному). Согласно доктрине Возвращения, любой твердый объект может быть безопасно возвращен к своим базовым элементам или истоку в процессе разложения. Такое Возвращение к базовым или изначальным элементам, или матрице существования, необходимо для горизонта чистоты — пепел к пеплу, прах к праху, — который выступает основой для Божественного креационистского проекта и доказательством его корректности. В процессе распада, однако, это направление Возвращения (креационистское пришествие?), откуда ожидается избавление или спасение, фундаментально

отклоняется в сторону, в беспорядок, внеположенный циклической утопии Божественного. В зороастризме и средневековой химии это неперерабатываемое производство распада называется парами или миазмами — ГАЗ. Пластиковый дух, или газ, очерчивает предельную нелокализуемость распада как эпидемического (а не локального) феномена. Неслучайно миазмы и чума зачастую приравнивались друг к другу. В том же духе фламандский алхимик Ян Баптиста ван Гельмонт ассоциирует гниение с апорией смешанных тел. Дух — это эпидемия, которая кладет конец мифу о душе, забирая ее во внешнюю тьму существования.

Химия (алхимия) начинается с распада. Обнаженный перед мешагентами распада может спросить: «Разве мысль — это не газовая гниль?» Вопрос отзывается раковым эхом в зловонном воздухе. Сопротивление распаду одновременно бесполезно и плодотворно. Но тогда что есть плодородие в смысле сопротивления распаду? Ужас зияет в этом вопросе.

Разрезанный на куски, рассеченный, разрубленный на все еще невредимые части, ампутируя члены, царапая, оставляя борозды от гвоздей, следы зубов, рваные раны от острых краев переломанных костей, неровный разрез губ, вырывая щеки, сбрав все выступы тела, укоротив руки и ноги отрубанием пальцев, рассекая нос натрое: волосы, переносица и пустота, вырывая куски лица, очищая от идолопоклоннической избыточности, все тело раскрашивая розовым, вычитая веки из лица, затем нос, губы и лицо из головы, так что голова стала отверстием тела, открывая разрезы случайно или расчетливо, очищая себя посредством увечья, вырвав подбородок, сдирая кожу оставшимися ногтями, превращая грудную клетку в пристанище мух, удалив живот, подрезав уши до странной формы, пробивая десны зубами, раздирая подмышки, иссушив шею, минимизируя плоть, редуцируя телесную субстанцию до самой сути, округляя члены до ближайшего предела, каждый день увеличивая число звуков топора, сегодня десять тысяч разрезов, завтра больше или меньше, Ангра-Майнью (Ахриман) непрерывно калечит собственное тело, и каждый день новые мясо и ткани заполняют раны, раны зарастают и образуют шрамы — избыточное шрамирование.

В авестийском языке древней Персии слово «создавать или рождать» в отношении Ахримана — *hav* или *frā. karet*. Слово *hav* одновременно означает разрезание, травление, готовку, кипячение, содомию, жарение, увечье и трение, что вместе делает Ахримана кулинарным божеством или поваром. И действительно, разве кулинария — не высшее искусство композиции, размытия границ, алхимии, переизобретения ингредиентов, колдовство, артифициализация и кукловодство материалами и продуктами? В кулинарии материализм и его прагматика завязаны на монополии материи. Повара — криминальные алхимики со склонностью к оккультизму. Ашемога (ложный маг, обманщик, самозванец, шарлатан), посланник Ахримана, приходит к Заххаку, царю Персии, в образе повара, который оскверняет вегетарианскую зороастрийскую кухню мясом. Как кулинарный преступник, намеренный нарушить чистоту персидской диеты, Ашемога реализует свой план, тайно добавляя небольшие количества мяса в приготовляемые им обеды и постепенно увеличивая содержание мяса, затем заменяет его человеческим мясом, чтобы выработать у Заххака зависимость. Через десять лет Ашемога наконец переходит к кулинарии, основанной исключительно на мясе, чтобы завершить инициацию Заххака в царство плотоядных. Когда Ашемога (повар) целует плечи Заххака после его инициации (Дар Ахримана), два гигантских червя или змеи вырастают из следов поцелуев. Боль от растущих червей можно облегчить, только скормив им человеческий мозг обоих полов. Демоническое достижимо только через становление шефом или возвращение к кулинарным аспектам материи.

В «Стирая Древнюю Персию» Парсани прослеживает линию связи между проказой, креативностью, гончарным искусством, Ахриманом, или Ангра-Майнью, миноритарными группами населения, творением и бунтом. В этой своей единственной книге Парсани прославляет гончарное дело следующим образом: «Гончарное искусство — путь творческой революции против Творения». Ахриман вы-

резают множество кусков из собственного тела, чтобы создать из этих кусков, как из лягушачьей икры, легион ахриманических творений, учеников, паразитов, людей и союзников из своей крови, сыворотки и мяса. Само-резание Ахримана призвано издевательски имитировать самодостаточность творения Божества (или мира Ахурамазды) превращением собственного тела в мясную лавку творения. Но на еще более фундаментальном уровне для Ахримана творение через нанесение самому себе увечий — политика уничтожения монополии Бога (его брата Ахурамазды), который уже монополизировал мир и его потенциал через генезис и свою креационистскую кампанию. По этой причине такой намеренный акт резни модифицирует политику творения в целях, внеположных политической схеме «твори-чтобы-быть-богом». Вместо того чтобы реализовывать суверенность Бога путем творения, ахриманистическая креативность высвобождает креативность, внутренне присущую базисному материализму. Экстремальный боди-арт Ахримана (шрамирование) — это практика дифференциации распада и креативности от установленной и обоснованной вселенной без ее очищения или трансгрессии в деструктивном подходе. Вот почему Парсани часто называет ближневосточных художников и писателей «легион» — с явной отсылкой к ахриманистической креативности:

«Сегодня, как и в прошлом, ближневосточная креативность демонстрирует, что ближневосточные писатели и художники ведут свой род от революционного решения Ахримана выжать искусство из творения или установленного порядка, извлечь субверсию из здоровья этого творения и пожать креативность этой субверсии. Все это без всяких мстительных попыток обескровить существующий порядок, но, напротив, давая ему бесконечные возможности выжить и взрастить новые формы субверсии, соучастия, меньшинств, революций внутри контрреволюций и безграничных восстаний» (Х. Парсани).

Шрамирование демонстрирует бдительность здоровья. Сторожевой пес здоровья, процесс заживления отвечает за затягивание ран и прекращение трансгрессий путем стягивания материи, времени и энергии в раненые регионы. Если шрамирование — воплощение здоровья, то Ахриман в первую очередь порождает свои меньшинства и вредоносные машины чудовищного неповиновения из процесса шрамирования. Отрезая от себя кусок и объявляя этот кусок врагом, Ахриман порождает свой легион. Сотворение каждого вредителя, а также масштаб его чудовищности отмечены шрамом на теле Ахримана. Чем преступнее враг, тем уродливее и больше келоидный рубец. Ахриман превращает шрамирование в злокачественный процесс, в фиброз: мягкие ткани громоздятся на ткани без сомнений и без остановок. Перепроизводство коллагена, или гипертрофическое шрамирование, либо выступающее над раной, либо разрастающееся бесконечно и неопределенно за пределы раны, отмечает поворот в направлении процесса исцеления. В случае избыточного шрамирования процесс исцеления перенаправляется на новую территорию, где он приводит в действие скрытую мягкость распада вместо формы успешного сдерживания — злоупотребление вместо лечения, злокачественный избыток здоровья вместо здоровья.

Ахриманистическая креативность делает здоровье саморазрушительным и неспособным избавиться от самого себя. Фактически именно практики ахриманистической креативности — ближневосточный легион — повинны в подпитке всякого рода тайных мятежей и молчаливом разложении авторитета и государства.

«Будь сознательным прокаженным». Этот совет Парсани, обращенный к ближневосточным художникам и писателям, — нечто большее, чем самовлюбленная максима, отсылающая к его собственной болезни Хансена; он указывает на его политическую позицию защиты ахриманистической креативности. Ведь скрытая мягкость и прокаженная кожа выступают рука об руку: прокаженный, как религиозный объект страдания, выступает двигателем субверсивного творения или «лепро-творчества». Проказа, или гончарное дело жизни, исподволь вводит в глину искусство бурлящего ужаса. По мере того как келоиды и шрамы наслаиваются друг на друга, на новые раны на старых шрамах, они постепенно теряют чувствительность к стимулам, приводя тело Ахримана в смятение, в котором невозможно провести или проследить ни одной прямой линии между творцом и творением, — изначальная неаутентичность. По аналогии с ахриманистическим искусством, проявляющимся в невосприимчивости келоидных и рубцовых тканей, проказа вырабатывает загадочную интенсивность в акте творения, где творение и творец сливаются друг с другом и диссоциируются друг от друга через взаимную интенсивность, которая работает одновременно и как политика, и как этика творчества. Божественное дорожит своим творением и постоянно беспокоится о сотворенном до такой степени, что ради спасения целостности творения обращает свой гнев на сотворенное. Лепро-творчество, с другой стороны, требует постоянного рассогласования или разрыва этой целостности между творцом и творением, глубинной интенсивности в отношении творца и творения.

Если креационистское Божественное — это горшечник, который создал людей из пыли и воды и тем самым посеял семена безобразия и собственной потери лица, Ахриман выписывает творение на себе, и, парадоксальным образом, его антидемиургическая монструозность становится результатом его жизне-моделирования себя как одновременно творца, творения и творчества. Жизне-моделирование — это систематическое упражнение в моровом творчестве. Ахриман как добровольный прокаженный (изображаемый с фантастически изуродованным лицом) — не гончар, но его тело — самоходный гончарный круг. Согласно традиции монотеизма и Божественного творения из праха и воды, Бог — горшечник, который забыл собственный материал. Поскольку если пыль каббалистически равна «нет Бога», а вода — заменитель семени и диссеминации, то гончарное дело разбрасывает диффузные формы Нет-Бога. Как слепой горшечник, Бог распространяет безбожный материализм по Вселенной. В стороне от Божественной заботы, принявшей форму obsessions (пластическая хирургия), прокаженный (и в буквальном смысле, и как ближневосточный художник или писатель — осознанный прокаженный Парсани) претерпевает постоянную глиняную хирургию.

ПОЛИ-ТИКИ

СОУЧАСТИЕ
И ШИЗОТРАТЕГИИ
ОТКРЫТОСТИ И БУНТА

ХОРОШИЙ ОБЕД ШИЗОТРАТЕГИЧЕСКАЯ КРОМКА

В середине восьмидесятых, прежде чем скатиться в петроматическую нимфолепсию, Хамид Парсани переопределяет жанр своей книги «Стирая Древнюю Персию» как путеводитель по стратегической открытости (которой, как настаивает Парсани, постоянно озабочен Ближний Восток). Согласно его анализу Арианского холокоста и его отношений с генеалогией монотеизма, книга может быть прочитана как синкретический подход к широкому спектру коммуникаций и модусов жизни на Ближнем Востоке, открытости с политической кромкой, поскольку он подчеркивает: «Она [открытость] определенно не подходит для социальных динамик и способов жизни, инструментализированных в либеральных обществах. Открытость — то, что переворачивает само тело свободного мира вверх ногами на протяжении всей человеческой истории, если, конечно, мы предположим, что свободный мир когда-либо был чем-то большим, чем институция более терпимого режима или религии», — пишет Парсани в позднейших заметках к «Стирая Древнюю Персию». Враждебные критики уже называли эту книгу «максималистским и многословным трактатом обо всем чем угодно, кроме Персии, полным сведений по всевозможным дисциплинам, кроме археологии», а немногие поклонники — «необходимым путеводителем для путешествия по Ближнему Востоку». В любом случае было бы более чем неверно читать «Стирая Древнюю Персию» Парсани просто как собрание феноменальных открытий и теорий. Как признается сам Парсани, книга представляет собой «неловкую попытку разрешить запутанную проблему открытости на Ближнем Востоке»³⁴.

«Так называемые деспотические институции Ближнего Востока пережили либерализм и стали сильнее, а не разлетелись на жалкие осколки давным-давно только потому, что открытость никогда не может быть извлечена изнутри системы путем или простого произвольного, или субъективного желания быть

открытым. Либерализм (не говоря уже о „свободном мире“) неспособен передать открытость».

Согласно критикам, Парсани перечитывает «Стирая Древнюю Персию», чтобы ремобилизовать свои уже оформленные мысли о современной Теллурианской Динамике, соединив их с «текучей эффективностью нефти» (оборот Парсани). Для Парсани, однако, этот процесс переписывания (или «переинтерпретации», согласно его критикам) имеет то достоинство, что в нем все его исследования собираются вокруг загадки открытости:

«Мне кажется, что так называемая ближневосточная жизнь больше, чем что бы то ни было, предполагает динамику коммуникации и представляет собой ответ на загадку открытости, а не современный ориенталистский стиль жизни в политическом или гуманистическом аспекте».

В свете отсылок Парсани к «загадке открытости» команда «Гиперверия» решила поставить под вопрос и подвергнуть новому исследованию свои ранние заметки по открытости в связи с политиками становления Делеза и Гваттари. Однако на этот раз прочтение проводилось не на чисто философских основаниях, а скорее на новом фоне, фоне мешистерии работ Парсани, как текстуальный набросок, устойчивый к любому высокоуровневому философскому психозу. Таким путем работы Парсани могли обнаружить новые грани и релевантные аспекты.

«В „Стирая Древнюю Персию“ человеческая история предстает как экспериментальный исследовательский процесс по разработке и установлению модусов открытости внешнему. Открытость — не предельное, так сказать, дело человека, а скорее дело внешнего, понимаемого как всё минус человек, даже собственное тело человека. Но открытость ассоциируется не только с человеческой историей. Парсани утверждает, что Земля как архикукловод и оккульт-манипулятор планетарных событий обладает своей, гораздо более тонкой открытостью. Если человек есть субъект открытости или тот, кто открывает себя своему внешнему, тогда Земля — это „субъект наизнанку“ человеческой открытости. Несомненно, человеческая открытость полна поворотов. Это включает социальную открытость, гендерную коммуникацию и открытость между населением и правительствами современного мира, культурную или петрологическую. Парсани показывает, что человеческая открытость обладает стратегическим и запутанным духом, для которого каждая коммуникация — тактика и каждая открытость — стратегия в процессе развертывания. Если дело обстоит именно так, то Земля должна быть вовлечена в утробно-темный и океанически глубокий план, если не заговор — в ее открытости и коммуникации и с организмами, и с ее солярным внешним. Сложно изучать мировую политику, культуру и экономику, не ставя под вопрос ее проблемы и заботы в отношении этики открытости. Исследования Ближнего Востока были бы невозможны без вопроса об открытости» (Ануш Саркисян, комментарии к «Стирая Древнюю Персию», 1994).

Открытость приходит из Внешнего, а не наоборот. Ницшеанская аффирмативность никогда не предназначалась для поддержки освобождения или даже открытости вообще. Это был призыв внешнего, в его экстерииорности по отношению к человеческому и даже к человеческой открытости (которая включает желание быть открытым внешнему). Радикальная открытость не имеет ничего общего с отменой закрытости; это вопрос стирания всех следов скарденности и гротескной одомашненности, существующих в так называемой эмансипаторной человеческой открытости. Острые радикальной открытости жаждет вскрыть экономическую открытость или любую открытость, сконструированную на основе способностей допуска субъекта и среды. Мишень радикальной открытости — не закрытость, а экономическая открытость. Радикальная открытость пожирает все экономические и политические основания, основанные на «бытии открытым».

Аффирмация не обретает открытость миру, а поддерживает закрытость, прогрессирующую в ходе гротескного одомашнивания экономической открытости. На первом уровне этой операции аффирмация защищает «бытие открытым чему-либо» как антропоморфный и регулируемый модус открытости; он делает все более допустимым, более экономически открытым и более целенаправленным. Аффирмация изначально вовлечена в манипуляции с границами (систем), машинерия которых основана на трансформации открытости в частный случай допустимости, что превращает экономическую открытость в экономию выживания. Суть экономической открытости не в том, чтобы быть открытым внешнему, а в том, насколько мы можем позволить себе внешнее. Следовательно, открытость в этом смысле неразрывно связана с выживанием. Экономия выживания, подобным же образом, — это реализация всех проявлений коммуникации как продления выживания; допустимость во всех формах гарантирует выживание.

Экономическая открытость — это псевдорисковый маневр, симулирующий коммуникацию с Внешним. Но все же для такой открытости внешнее — не что иное, как среда, которая уже оказалась допустимой как то, что не ставит в опасность каким-то фундаментальным образом выживание субъекта или окружающего его порядка. Так что это «бытие открытым» — всего лишь предельная тактика аффорданса, применяемая интерфейсами границы с внешним. Для экономической открытости порядок границ должен быть невидимым; граница — это не фильтрующая сфера и не сдерживание, а «граница силовой динамики» (с двусмысленным номадическим стремлением), текучий горизонт, стремящийся вместить в себя все путем расширительного динамизма, а не осаживания. Аффорданс предстает как запрограммированная открытость, особенно на гарантированно безопасном плане *бытия открытым* (в отличие от *бытия открываемым*). В плане «бытия открытым чему-либо» органическое выживание всегда может вмешаться, апроприировать поток ксеносигналов, экономизировать участие или, при необходимости, оборвать коммуникацию прежде, чем станет слишком поздно.

«Бытие открытым», политическое и осторожное, поддерживает экономию выживания как экономическую и тайно апроприированную сферу вместимости (или допустимости), экономию, нацеленную на выживание любой ценой, даже через некрократию смерти. Экономическая открытость — то есть «бытие открытым чему-либо» — апроприирует взаимодействие между субъективной и объ-

ективной сторонами открытости. Субъект экономической открытости проявляется в утверждении «Я открыт чему-либо», объект открытости — это то, на что направлено «бытие открытым». Экономическая открытость постоянно поддерживается этими двумя полюсами, которые должны допускать друг друга. Для сущности акт открывания себя среде возможен только в среде, которая уже допускает эту сущность в свой средовой спектр, и только если сама эта сущность способна вместить часть среды. Вместимость сущности напрямую зависит от ее субъективного выживания. По этой причине так называемая (экономическая) открытость репрезентирует допуск и вместимость выживания ее субъектов, а не сам акт открывания себя.

В случае экономической открытости аффорданс относится не к ограниченной или ограничивающей способности допуска (*affordability*) одной или множества систем, а ко всему обоюдному горизонту, в котором субъективная и объективная стороны экономической открытости должны выживать и принимать динамичное, но экономичное участие. Аффорданс не работает по единой или однонаправленной линии — от субъекта открытости к ее цели или наоборот. Он экономически коллективен. Аффорданс формирует горизонт экономически безопасной открытости, которая позволяет обеим сторонам существовать в качестве тел, динамически синхронных друг другу. Соответственно, открытость динамически определяется выживанием субъективной и объективной сторон как взаимным процессом жизни, а не выживанием как избеганием опасностей. Если аффорданс не может быть разрушен субъективно или объективно, то только потому, что он устанавливается во взаимодействии. В отношении субъективного и объективного полюсов аффорданс в равной степени мезофиличен, то есть он всегда тянется к середине. Участия, становления, линии тактик и коммуникаций должны быть основаны на мезосфере аффорданса и его машинерий выживания.

«Я открыт тебе» можно перефразировать как «Я обладаю достаточной вместимостью, чтобы принять твою инвестицию» или «Я могу допустить тебя». Этот консервативный голос ассоциируется не с волей или интенцией, а с неизбежностью аффорданса как мезофильной связи и с экономикой выживания и логикой вместимости. Если вы превосходите вместимость, которая может вас допустить, я буду расколот, рассечен и раскрыт. Несмотря на свою преданность репрессии, слепому желанию монополизировать выживание и авторитарной логике границы, план «бытия открытым чему-либо» никогда открыто не ассоциировался с паранойей и регрессией. В этом ирония либерализма и антропоморфичного желания.

Однако хотя аффирмация тактически питается аффордансом, это также тайная стратегия³⁵ призыва и осуществления Эпидемической Открытости, воплощение которой необходимо совпадает с концом открытости экономической или человеческой. Поскольку речь идет о выживании, радикальная открытость всегда принимает в этом базовое участие, неся с собой загрязнение и пандемический ужас, ужас внешнего, возникающего изнутри как автономный ксенохимический Инсайдер и снаружи как непобедимый Аутсайдер. В любом случае радикальная открытость внутренне связана с неизвестными эпидемиями. Если аффорданс — это мезофильная растяжка между субъективным и объективным фронтами ком-

муникации, внешнее определяется экстериторностью функции, а не дистанцией. Если аффирмация в конечном итоге имеет стратегический характер, то только потому, что эпидемическая открытость неотъемлемо присуща репрессии внешнего и подвешиванию его влияний. В политическом развороте эпидемическая открытость жаждет твердых состояний явной закрытости, таких как всякого рода системы обитания и установлений, которые сущностно интегрированы в экономику выживания и средств к существованию: *libban, lifan*. В соответствии с секретностью и заговорщицким этосом аффорданса, в котором любая тактика — это еще одна линия расширения (увеличения допуска), радикальная открытость требует стратегических призывов или линий подрыва изнутри аффорданса. Радикальная открытость, следовательно, подрывает логику вместимости изнутри. Часто называемые колдовскими линиями, пробуждениями, вызванными ксеноаттракторами и триггерами, стратегические подходы развертывают радикальную открытость как внутренний разрез — газообразный, без запаха, с металлической мудростью скальпеля. Открытость становится радикальной резней изнутри и снаружи. Если анатом проводит разрез сверху вниз, то кататомия открытости не режет анатомически и не проникает структурно (следуя логике страты); она кромсает, как мясник, во всех направлениях, в соответствии со своим стратегическим планом активности. Открытость — не самоубийство, поскольку она заманивает выживание в саму жизнь, где «жить» — это систематическая избыточность. Поскольку Внешнее в его радикальной экстериторности повсюду, его нужно только пробудить, чтобы оно рванулось и стерло иллюзию экономической апроприации или закрытия. Открытость — это война, чтобы работать, ей нужны стратегии. Открытость — это не антропоморфное желание быть открытым, это бытие открываемым, производимое самим актом открывания. Раскромсанность, вспоротость, расколотость и вскрытость — вот телесная реакция субъектов на радикальный акт открытия. Соответственно, аффирмация — это замаскированная стратегия, носитель для взрезания аффорданса и творческого переизобретения открытости как радикального вскрытия (радикальный ксенозов).

Стать открытым или испытать химию открытости невозможно путем «открытия себя» (желание, ассоциируемое с границей, вместимостью и экономией выживания, охватывающей и вас, и вашу окружающую среду); но ее можно утвердить, впутав себя в стратегический альянс с внешним, став приманкой для его экстериторных сил. Радикальную открытость можно вызвать, став мишенью для внешнего. Чтобы быть открытым внешним, а не быть экономически открытым системной среде, следует соблазнить экстериторные силы внешнего: можно воздвигнуть себя как твердый молярный объем, укрепив границы вокруг себя, обороняя свой горизонт, запечатав все уязвимости... погрузившись глубже в человеческую гигиену и бдительно следя за всеми аутсайдерами. Эта избыточная паранойя, строгое закрытие и выживательная бдительность позволяют стать идеальной добычей для радикального внешнего и его сил.

«Шествие Ближнего Востока к проблематичному дисциплинированию и шовинизму монотеистического догматизма либо через политики и модели управления, либо через социальные и культурные динамики фактически представляет

собой систематическое продвижение в направлении радикальной открытости. План бытия открытым лежит по ту сторону открытости, по соседству со стратегической закрытостью, противоположной свободному миру. Глобальной политике трудно это понять» (Х. Парсани).

Для Парсани такое систематическое шествие к манифестациям закрытости приравнивается к вызову и стратегическому привлечению безликой чумы, ксенохимическому приливу субверсии и болезни, захлестывающему все иммунные системы и границы, все монолитные и молярные структуры. Эпидемическая открытость входит как криптогенное событие в форме расчленения (открывания и бытия открываемым одновременно). Внезапно, без предупреждения расчленяющая открытость вскрывает вас (единственный вопрос — «откуда она начинается?»); она превращает вас в изысканное блюдо, в свежее мясо... новая пища для новой земли.

Политика Вкусного Обеда. Адепты древнеперсидского культа *Друдж* (Матери Мерзостей) были первыми, кто, отправляя свою систему верований прямо внутри тела монотеизма, обнаружили, что «когда дело касается темноты, мыслить следует стратегически». Аффирмация Жизни-Сатаны (Друдж) требует переизобретения всего как стратегии. Взаимодействие с Жизнью-Сатаной должно проводиться через стратегическую коммуникацию, то есть не путем позитивной аффирмации через веру или убеждения, а путем стратегического превращения себя в обед, в приманку, чтобы с другой стороны началась охота. В отличие от восстаний западной гетеродоксии культ Друдж не берет за свой гетеродоксальный или сатанистский образец распущенность или иррациональность; они вызывали Жизнь-Сатану, производя параноидальное закрытие от внешнего и становясь избыточно обсессивными в отношении гигиены и здоровья. Таким образом они выводили терминальное безумие из самой ортодоксии рациональности и логики.

Чтобы сдаться экстазу Жизни-Сатаны (эпидемической открытости), следует попытаться очистить себя от всех дефектов, проходить многочисленные гигиенические процедуры, разработать повседневный институционализированный стиль жизни, избегать любой скверны, физической или ментальной... нужно приготовить из себя Вкусный Обед для жизни-Сатаны и ее аватаров. Чтобы приманить внешнее, нужно сделать себя подсадной уткой. Так Жизнь-Сатану стратегически приманивают, чтобы она разорвала вас в клочья, придав новый функциональный уровень открытости. Несмотря на то что открытость внешняя по отношению к аффордансу и возможности, она уродует их тела и побежденные территории. Вдали от некрократического облегчения, которое представляет смерть как освобождение, ты становишься разоснованием всех осквернений, страхов и интенсивностей, которые Жизнь-Сатана вливает в системы и организации, разоснованием, в котором открытость может быть очерчена только как серия надрезов. Если в условиях радикального внешнего закрытия (любой системы или субъекта) невозможно, то акт открытия есть только осуществление этой невозможности для системы. Для субъекта это осуществление или навязывание невозможности всегда катастрофически неприятно.

Согласно Ахт-Яту и культуре Дружд, Матерь Мерзостей (зовите ее лезвием открытости или ксенобурей) всегда настигает тех, кто живет, и мы должны жить (в самом организационном и выживательном аспекте этого процесса) ради аффирмации такой катастрофической интенсивности Внешнего. В глубинах Открытости поли-тика Вкусного Обеда прославляет иронию консервации: каждый юань, который вы кладете в карман, аккумулирует больше возбуждения для Жизни-Сатаны или восторга резни, как это следует называть. Разве все монотеистические наставления на фоне этой панорамы не выглядят танцами на мрачном празднике поли-тики Вкусного Обеда?

Стань свежим обедом: обелиском, монолитом, мировым древом и телом деспота. Но как приготовить из себя новую еду, неотразимую приманку для открытости, которая идет пожрать обед? Если голод указывает на конкретное смешение между объектом желания и разрушением этого объекта, прожорливость указывает на уничтожение всего, что насыщает чувства. Эпидемическая открытость пожирает и кромсает с такой прожорливостью, что открытость теряет все свои знаковые и качественные аспекты. Широкая открытость, открытый разум, открытый простор и открытый мир, все субъективно утверждаемые модусы открытости, становятся нерелевантными. Такие пространственно-логические манифестации открытости переустанавливают логику экономического подавления внутри аксиом либерального здравого смысла. Радикальная открытость не может быть понята как «широкая открытость», подходящая для покорных либеральных политиков экономии выживания или адвокатов возможностей; она означает пожирание открытостью. Рассечение, разрывание на части, раскалывание и вскрытие — все указывает на стратегическое участие, причастность, активную коммуникацию с ритуальной резней — открытость. Эпидемическая открытость подрывает возможность не путем разбора (негативное выведение из строя), а путем субверсивного соучастия с возможностью, которая заманивает ее и заставляет расколоться изнутри. Возможность безжалостно раскалывается именно с помощью логики допустимости.

Г. Ф. Лавкрафта часто обвиняют в «безудержной фетишизации архаичных страхов, смешанных с крайней расистской паранойей». Этот навязчиво-постоянный расизм просачивается в его работы и глубоко пронизывает их. В «Мифах Ктулху» этот нудный расизм разворачивается на космическом плане как прокариотическая популяция кошмарных существ — Древних, ползучих аватаров абсолютной экстериорности. Из мифов становится ясно, что коммуникация с внешним, даже скорректированная возможностью, несет в себе определенную неизбежность в отношении коммуникатора. Этот неизбежный рок имеет следствием трансформацию человеческих цивилизаций в бойню влекущих наружу сил. Внешность, однако, не требует уникальных сил для развития своих линий открытости. Другими словами, аутсайдеры — сами брошенные дети космического отчуждения и радикального внешнего. Независимо от существования аутсайдеров и каузальных взаимодействий между ними экстериорность — это «акт», который сущностно предшествует объектам и безразличен к их онтологической позиции. Сама функция внешности манифестируется как навязывание экстериорности всем начиная от людей и заканчивая Древними. Акт внешнения, или навязывания эксте-

приорности, осуществляется как лезвие открытости, которое рассекает и людей, и Древних. Чем более закрыт субъект, тем безжалостнее он взрезается. Задача или рок аутсайдеров — безжалостно раскрывать людей, но они тоже выступают разменными марионетками космического очужения.

В лавкрафтовских «Мифах Ктулху» аутсайдер навязывает экстериорность Внешнего. Но поскольку очужение не регистрируется иначе, кроме как путем нарушения границ и порядка системы, оно обычно характеризуется как неизмеримо абсурдная апатия по отношению к закрытым субъектам (системам). На антропоморфном уровне эта абсурдная апатия определяется как абсолютный садизм. Вот почему лавкрафтианский аутсайдер нередуцируем к чужому, ведь прежде всего это акт овнешнения, навязанный экстериорностью космического очужения или радикального внешнего. Такой акт неотделим от его несомненной реальности и конкретного присутствия. По этим причинам избыточную паранойю в историях Лавкрафта не получится ни осудить, ни отбросить с легкостью. Однако есть ли у лавкрафтовской паранойи последствия, полностью соответствующие его воззрениям на расу? Дабы ответить на этот вопрос, следует эксгумировать и исследовать генеалогические низовые потоки, циркулирующие между такой ксенофобской паранойей и расизмом.

Стратегические аспекты этой архаичной паранойи частично неизвестны западным оккультным политиками и социорелигиозным порядкам, однако зороастризм, как первичная ячейка монотеизма, понял их давным-давно. Зовите это омега-уровнем выживательности или паранойей: древнеперсидские культы Друдж, внедрившиеся в зороастризм, осознали, что радикальная открытость может быть вызвана только путем стратегической коммуникации с аватарами Внешнего. Дороги, ведущие к внешнему, настолько зачумлены, что ступивший на них почти мгновенно истаивает и исчезает. Следовательно, путешествия к внешнему склонны к преждевременному прерыванию. По этой причине прежде всего требуется решить проблему гарантии непрерывности путешествия.

Решение, предложенное ближневосточными культами Друдж, состояло в разработке искусственного маршрута (стратегической бреши, как это называют военные эксперты), характеризуемого поддержкой путника на пути к внешнему и достаточной паразитической стойкостью, чтобы удержаться. Одного лишь горячего желания внешнего никогда не бывает достаточно; необходима направляющая система, гарант, придающий желанию операциональное острие. Как это формулируют культы друджитов, стратегический маршрут к внешнему — это петляющая тропинка, направляемая терминальной множественностью тактик и стратегий, а не только лишь желающим динамизмом или стремлением к достижению, перемещению и становлению. Поскольку инстанции экономической выживаемости никогда не будет недостаточно, чтобы выдержать взгляд внешнего, этот маршрут должен не только поддерживать выживаемость, но и вырабатывать какого-то рода ультраустойчивость, необходимую, чтобы подключиться к эпидемической открытости и ее интенсивным операторам ужаса. Соответственно, процесс достижения внешнего или попадания на другую сторону должен картографироваться не как «движение к...» (целеориентированная тактика). В друджитской поли-тике прибытие равно «званию сюда» (призыву), созданию линии

притяжения для внешнего, а не путешествию по направлению к внешнему, которое невозможно характеризовать как место назначения. Для культов Друдж место назначения — это не другая сторона, оно здесь, с нами: наша человеческая территория должна стать местом назначения для аутсайдеров, а не наоборот. Колдовская функция выворачивания целеориентированного путешествия изнутри может быть грубо определена как ксенозов: превращение аутсайдера в инсайдера, интенсивного оператора ужаса изнутри.

И в друждитских, и в лавкрафтианских поли-тиках радикальной экстериорности омега-выживание, или стратегическая выносливость, поддерживается избыточной паранойей, неотличимой от шизофренического бреда. Для такой паранойи, окрашенной паразитической выживаемостью и настаиванием на собственной целостности, порядок действий совпадает с порядком шизо-сингулярностей. Паранойя в «Мифах Ктулху» и в зараженном друждитами зороастризме проявляется в сложном гигиено-Комплексе, ассоциирующемся с вырожденной арианистской одержимостью чистотой и со структурой монотеизма. Эта архисаботированная паранойя, в которой цель чистоты пересекается с возникающей внешней зоной, называется шизотратегией. Для Лавкрафта и ариев чистота должна оберегаться избыточной паранойей именно потому, что только такая паранойя и строжайшее закрытие могут привлечь силы Внешнего и реализовать космическое очуждение в форме радикальной открытости, то есть рассеченности и вскрытости. Друждитские культы полностью разработали эту шизотратегическую линию путем слияния арийской чистоты с зороастрийским монотеизмом. Зороастрийские ересиархи вроде Ахта быстро обнаружили огромный потенциал шизотратегии в области ксенозова, субверсии и саботажа. Как колдовская линия, шизотратегия открывает всю монотеистическую культуру космодромической открытости и ее эпидемической сети. Как нервная система лавкрафтианской стратегической паранойи, открытость идентифицируется как «раскрытость, расколотость, вскрытие» шизотратегическим соучастием с Внешним. В терминах ксенозова и шизотратегии нелокализуемое внешнее возникает как ксенохимическое внутреннее или Инсайдер.

Чтобы достигнуть шизотратегического плана открытости, необходимо поддаться паранойе и гигиено-Комплексу (гиперздоровью). Шизотратегия включает развитие субверсивной логики, характерной для гиперздоровья и ориентированной на вместимость грани паранойи. Друждитские культы воспринимали шизотратегию и как пробуждение, и как ритуал кормления Друдж и ее радикальной экстериорности. Если для Лавкрафта внешнее безразлично к человеческим намерениям, шизотратегия тоже, как прагматическое сотрудничество с экстериорностью, всегда апатично относится к субъективному вкладу паранойи и ее содержаний. Короче, шизотратегия не знает паранойи. Шизотратегия означает стратегическую шизофрению, скрытно действующую от имени Внешнего внутри паранойи. Следовательно, амбиции шизотратегии радикально экстериорны по отношению к ксенофобским интенциям паранойи.

«Если открытость, как клинок ятагана внешнего, выискивает манифестации закрытости, тогда императив для ближневосточной этики — насытить экстериорное желание Внешнего, став тем, чего оно более всего жаждет» (Х. Парсани).

Отрывающий клинок Внешнего может быть заточен только о тупость субъективной воли к открытости. Радикальная открытость достигается утончением уровня экспозиции внешнему. Уровень экспозиции совпадает с уровнем закрытости или изгнанием любого энтузиазма к эскапистскому бегству. Если эскапистская тенденция «становления открытым чему-либо» или «бытия открытым» лежит в направлении бегства от некой гравитации (ограничений, систем и т.д.), тогда нисхождение, или катапобег, соответствует подземным стычкам с радикальной экстериорностью, где внешнее возникает изнутри. Другими словами, в шизотратегии бегство от гравитации заменяется схождением или провалом в подземное царство, утверждение того, что лежит по ту сторону, подкрепляется утверждением того, что пребывает внутри. Радикальная открытость (смыкающаяся скорее с бойней, нежели с открытостью) — это «становление хтоническим» бегства, или катапобега, для которого экзотеризм выполняется путем передвижения по территории на более глубоком уровне сговора. Катапобег — это не линия ускользания от гравитации, а акт манипулирования, направленный на то, чтобы пройти сквозь гравитацию и ее основание и достигнуть субстрата. Чтобы достигнуть субстрата, нужно мириться с законами гравитации и утверждать логику основания; это путь, который выбирают и люди, и аватары внешнего. Именно поэтому боги предпринимают солярные путешествия к земной основе (чтобы обосноваться) и превращаются в мертвых богов. Алхимия бегства строится не на избегании гравитации и, соответственно, подчинении ее влиянию; ведь бегство — это хтонический вампиризм, питающийся химией основания и ее потенциями. Бегство обладает глубиной (*pro-fundus* и про-основание): мертвые боги приходят открывать, пожирать и осквернять, погружать себя в месиво, спутанные и громадностью внешнего, и ограничениями земного происхождения. Сложность месива пропорциональна ярости рассекающей открытости; чем больше открытость, тем она грязнее. Мертвый Бог — это бог, ставший аватаром или падший на *grund* (так называемый хтонический³⁶ бог). Слово «аватар», определяющее реальность хтонической коммуникации в терминах нисхождения и *kata-*, предполагает, что путешествие мертвого бога по лабиринту есть хтоническая открытость и не-эскапистский побег. Слово «аватар»³⁷ переводится как «хтоническая или смертная маска», от санскритского «нисходить» (*avatarati*). Соответственно, аватар функционально связан с катадромическими глубинами тьмы или *катабасисом* (хтоническим нисхождением), которое боги совершают, чтобы быть трансмутированными в мертвых богов. Нисходящий бог стремится открывать и быть открытым, опустошать и быть опустошенным. Каждый акт божественного поглощения или активности в человеческом плане существования представляет собой чистое опустошение. Однако предполагать, что такие опустошения направлены исключительно на человечество, — чистый антропоцентризм и наслаждение своим положением жертвы: Град Божий тоже будет захвачен.

Мертвый бог — не усталый, забытый или обреченный бог, а бог, вооруженный абсолютным оружием — катастрофическим опустошением. Мертвый бог — это чума, приходящая на землю, чтобы превратить ограничивающее основание земли в прямой ход к открытости; он умерщвляет себя, утверждая земное основа-

ние, в котором он похоронен. И хотя акт нисхождения, ассоциированный с мертвыми богами, идентифицируется с секуляризацией тела божественного (отходя от суверенности божественного), сам мертвый бог — ни в коем случае не секулярная сущность. В процессе нисхождения мертвый бог заново открывает для себя собственное предположительно секулярное тело как зачумленное, но пропитанное любовью причащение к священному. Путем нисхождения бог совершает преступление, одновременно секулярное и сакральное: Он открывает себя, поедая и заражая человека, и открывает человека, превращая себя в труп. Некротизированный труп бога — более осязаемая манифестация его тела, холодное мясо: все на земле набрасывается на него, жует его, прикасается к нему, а затем эксгумирует его, чтобы заняться любовью: некрофилическое месиво. Когда дело доходит до коммуникации с людьми, бог может предложить себя, выложив собственный труп на пользование людям. Ничто не приносит богам больше пользы, чем некротизация их собственного тела; для них космогенез распадается обещает намного больше, чем божественность.

«В ближневосточной традиции боги намеренно позволяют своим врагам, людям или самим себе убивать себя направо и налево без всякой оглядки на собственное будущее и неизбежное вымирание только потому, что они видят больше значения и выгоды в собственном трупе как конкретном объекте коммуникации и тактильности среди людей, чем в абстрактности своей божественности. В качестве трупов они могут наконец совокупляться и загрязнять» (Х. Парсани).

В «Порожденном» (фильм режиссера Эдмунда Элиаса Мериджа) Бог решает быть трупом, чтобы стать протагонистом. Он рассекает себя опасной бритвой, взрезает свои белые и черные внутренности; он дергается, изгибается, сворачивается, бьется в конвульсиях, пока его внутренности вываливаются в мир. В акте дефлорации собственного мяса Бог впервые ступает на плато черной материи, где химия бога плодороднее, чем когда-либо, — «мир ведет свой род из гниения» (Меноккио). Бог решает быть трупом, чтобы стать протагонистом. Интроспекция Бога совпадает с вскрытием его тела и рождением Вселенной из его трупа. После того как Бог раскрывается как труп, женщина в маске выскакивает из тени и оплодотворяет себя семенем, вскипающим из трупа Бога. Она порождает Мертвого Бога-Мутанта, карликовое создание с грубо слепленным гуманоидным телом. Мертвый Бог-Мутант имманентен радикальной открытости как акту резни между Богом, мертвым Богом и Человеком одновременно; это плод такой открытости. Мертвый Бог-Мутант — единственное решение, которое смогли выдумать Бог и маскулинность применительно к задаче открытости. Для маскулинности и суверенной божественности Бога женственность и некротизированный Бог экстериорны. И все же акт радикального открытия не трансформирует последних в первых. Другими словами, в радикальной открытости ни Бог, ни маскулинность не приходят к своим экстериорностям — мертвому богу и женственности. Не трансформируя одно в другое, открытость рассекает обе стороны — и субъекта, и его внешнее, и заставляет их вытекать во что-то другое, одинаково экс-

териорное для обоих. Акт открытости и его аватары безразличны к субъекту; но в то же время аватары открытости еще более неуловимы в терминах того, что воспринимается субъектом в качестве его внешнего. Радикальное внешнее по ту сторону любой внешней среды, за которую субъект может уцепиться. Через акт открытости Бог окончательно раскалывается, не просто как мертвый бог, но как мертвый бог-мутант, горстка плоти на костях в образе ходячей глины — посмертная попытка бога осуществить плагиат собственного творения. Предприняв истачивающее фаллос путешествие становления-женщиной, маскулинность аналогичным образом не заменяется женственностью, а трансмогрифицируется в свою прежнюю самость — мутировавшую и некротизированную. «Он» мутирует в «Оно», местоимение-затычку, которое не может отсылать вообще ни к какому агенту. Хотя для маскулинности становление-женщиной в строгом смысле невозможно, эта невозможность имеет форму, форму, источающую нечеловеческий холод: Оно.

«Оно» намекает на моровое решение, открытое маскулинностью, чтобы подорвать собственную закрытость и негибкость, чтобы предпринять бегство становления женщиной, катапогем эпидемической открытости. Если возможность и ее экономическая открытость никогда не могут обладать самым внешним, они тем не менее подрываются внешним, так что путешествие становления-женщиной ведет к новому повороту в маскулинности. Для маскулинности становление-женщиной регистрируется как невозможность, функциональная экстериорность которой (внешность) все еще находится в согласии с содержанием маскулинности, а не стоит в деструктивной оппозиции к идее маскулинности *как таковой*. Становление-женщиной имеет возможность подрывать маскулинность, не стирая все ее мужские качества. В становлении-женщиной маскулинность теряет способность консолидации себя как целого или интегрированного тела. Возможность (можно взять) события или объекта требует плана «бытия открытым чему-либо» (допущения этого), чтобы обладать объектом, но радикальная открытость в отличие от аффорданса и возможности исключает всякое взятие и, следовательно, невозможна (не-возьму-жен). Через «становление-женщиной» маскулинность дополняется «Оно». Он может утверждать путешествие становления-женщиной только став «Оно» — холодным по отношению к своему бывшему «я» и отклонившимся от своего предполагаемого направления. Отклонение от становления-женщиной может объясняться чистой несовместимостью экономической открытости «становлению-женщиной» и претерпевания открывания путешествием «становления-женщиной». В первом случае становление-женщиной действительно может быть допустимо как экономический модус существования, а во втором оно совпадает с внешним, которое никогда не может быть обладаемо. В радикальной открытости внешнее невозможно в терминах достижимости; оно угрожающе маячит как акт открывания. Радикальная внешность не сообщается с системой в смысле чуждого контакта, поскольку ее экстериорность столь бездонна, что возможность такой коммуникации возникает только как насильственный акт открывания. В том же смысле для маскулинности становление-женщиной — это не цель, а акт, подразумевающий присутствие маскулинности как своего объекта, материала ее резни и открытости. «Оно» — это открытость, прив-

несенная путем открывания себя «путешествием становления-женщиной», а не путем экономической открытости «становлению-женщиной».

И бог, и маскулинность обнаруживают свою открытость в своих холодных двойниках — мертвом боге и Оно. Для них акт открытости всегда сопровождается некрофильским месивом, ведущим к очернению их некротизированного «я». Так сказать, открытость случается через близость с холодом. В «Порожденном» Мертвый Бог-Мутант рождается от такого некрофильского контакта, или нисхождения в царство бактериальной смерти. Если путешествия Одиссея, экспедиции за становлением открытым миру, не работают на внешней поверхности земли, то его нисхождение (катабасис) в Аид ведет к его открытости мертвым и мертвыми. Динамический вектор бытия открытым, вероятно, кататический, но его медиум — определенно коммуникация с мертвыми или ритуал *некройя*^{IX}. Восхождение Одиссея назад на поверхность — это не возвращение к экономической открытости его поверхностных путешествий, а продолжение пути вниз, ведь каждый подъем — это сублимация спуска. Восхождение и нисхождение равно выступают актами открывания, длинными через глубину, — отсюда амбивалентность твердого и пустоты, объекта и его внешнего.

Мертвый бог-мутант — не только способ подвергнуться открыванию, но и кактаклизматический способ встретиться с Матерью Мерзостей (матерью всех становлений). Перед лицом такой безграничной женственности становление-женщиной не только невозможно для маскулинности, но и решительно деструктивно и необратимо самоубийственно. Маскулинность может утверждать женственность, только став *Оно*, холодной отходной жижей, капающей из атрофированных мускулов безмужественности, которая не обязательно женственна. В качестве прелюдии к акту открывания Бог предпринимает становление-мертвым-богом либо сходя на землю (аватар), либо совершая самоубийство. Самоубийство бога выражается в терминах самосожжения или иммоляции (*immolare* — «посыпать жертвенным мясом»). Через самосожжение бог превращает себя в хороший обед для людей, земли и внешнего. Для Бога открытость не выражается ни через религиозное пришествие (открытость самому себе), ни секулярным образом (открывание себя людям). По этой причине смерть Бога отказывается быть секулярным или религиозным событием. Однако для философии смерть Бога воспринимается либо как религиозное, либо как секулярное событие, с доступной обоим сторонам — Богу и человеку — ценой. Это клиническое событие, которое может быть легко отделено от других планетарных событий. Следовательно, философская Смерть Бога — скорее зрелище или сценическое представление, чем коллективное событие, обладающее потенциалом заразы (чума). Смерть Бога как заразное событие основано на триаде нисхождения, основания и подземных потенциалов. Она выводит линию открытости, которая рассекает и бога, и человека, и землю.

Если Мертвый Бог — это Бог за пределами суждения, то мертвый бог-мутант — его имманентное месиво, хороший обед для Внешнего. *Амброзия*, пища богов, готовится именно на такой кухне, где кастрюли дребезжат на холодных конфорках, а пол покрыт месивом, оставшимся после бойни. Хороший Обед, или

IX Греч. *nékroia* (от *nékus* — «труп») — принесение жертвы в память умершего. — Примеч. пер.

чума-амброзия, жадно потребляется на скотобойне. Существа обращают себя в пыль, чтобы выковать неоснование, в котором бога сначала жоронят, а потом эксгумируют. Открытость приходит только в неощутимых впадинах резни, как безликая любовь.

«...ибо тогда все люди станут как Великие Старцы — дикими и свободными, по ту сторону добра и зла, отбросившими в сторону законы и мораль; все люди будут кричать, убивать и веселиться. Тогда освобожденные Старцы раскроют им новые способы, как кричать, убивать и веселиться, наслаждаясь собой, и вся Земля запылает во всеуничтожающем огне свободы и экстаза» (Говард Филлипс Лавкрафт, «Зов Ктулху»).

«По мере того как продлевается вынужденное пребывание Лавкрафта в Нью-Йорке, его отвращение и его страх разрастаются вплоть до того, что достигают пугающих пропорций. Так, он пишет Белнэпу Лонгу: *„нельзя говорить спокойно о проблеме монголоидов в Нью-Йорке“*. Далее в письме он заявляет: *„Надеюсь, что конец положит война — но не ранее, чем наш разум полностью освободится от гуманитарных цепей сирийского суеверия, наложенных Константином. Итак, покажем нашу физическую мощь как мужи и арийцы, осуществим научную массовую депортацию, от которой будет нельзя уклониться и после которой не будет возврата“*. <...> Что бесспорно, то бесспорно — у Лавкрафта, как говорят боксеры, «есть злоба». Но роль жертвы, требуется уточнить, в его новеллах играет, как правило, университетский профессор, англосакс, культурный, выдержанный и хорошо образованный. В сущности, это его собственный тип. Что до истязателей, прислужников безыменных культов, то это почти всегда метисы, мулаты, полукровки „самого низкого пошиба“. Во вселенной Лавкрафта жестокость не есть изощренность ума; это животное побуждение, которое связано именно с темным тупоумием. Что касается человеческих личностей, куртуазных, рафинированных, с чрезвычайной утонченностью манер...

они будут собой обеспечивать идеальные жертвы» (Мишель Уэльбек, «Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса»).

Третья часть работы Мишеля Уэльбека о Говарде Филлипсе Лавкрафте, иронически озаглавленная «Холокост», представляет собой анализ лавкрафтовских ядовитого расизма, паранойи и постоянной концентрации на абсолютной закрытости, гиперздоровье и арийстве. Уэльбек верно связывает паранойю Лавкрафта с необычной формой монотеизма, связывая его истории с чем-то древним, забытым и нечистым — ритуалистическим возрождением зороастрийской зародышевой клетки монотеизма, уже-саботированной чистоты ариев (*Airiia-: Ariya-: Ērān: Иран или Aryānām dahyuš, царство ариев*).

В «Стирая Древнюю Персию» Хамид Парсани утверждает: до того как арии расселились по тому, что потом назовут Иранским нагорьем, эта земля не была пустой; ее уже населял загадочный народ со сверхъестественно сложной системой верований, в которой не было ничего кроме демонов, *дэвов (Daivas)* и *Друдж* (также *Druga: Матерь Мерзостей*). Этот доарийский народ колдунов считал все аватарами ужаса, радикального Внешнего; даже плодотворные силы природы, такие как ветер, дождь, гроза, почва и растения, были дэвами (демонами). Жизнь сама по себе была Друдж, Матерью Мерзостей, радикальным Внешним. Вся вселенная была пропитана ужасом; смерть и ее некрократические кошмары были лишь шуткой, извращенным развлечением (скорее на стороне вытеснения, нежели рассеивания страхов). Эти люди верили, что все внешнее по отношению к выживанию (или жизне-деятельности) — не только по отношению к антропоморфным системам выживания, но и к выживанию как таковому. Сама жизнь (которую ошибочно принимают за жизне-деятельность или то, что может быть прожито) полагалась внешней по отношению к выживанию, скрывающейся под ним как предельная Нежизнь. Другими словами, «крайний ужас, в котором мы пытаемся выжить, — это жизнь и ее мерзости, нежизнь или жизнь-сатана». Самая парадоксальная и ужасающая ситуация, которую Человек полагает как основание своей человечности, — стремления выжить и жить в Жизни — свидетельствует об иронии человечности и ужасе жизни как радикальной экстериорности по отношению к живущему существу.

Проблематичность Жизни может быть поверхностно, если не иронически, сформулирована в виде следующего вопроса: в общем случае мы полагаем, что жизнь делает выживание возможным; но если жизнь — это источник жизнедеятельности, то почему нам нужно выживать? Если жизнь — это так называемый витальный источник, то почему необходим акт жизнедеятельности как апроприация и выживательная регуляция? Почему выживание возможно или нужно ли нам выживать, если жизнь уже есть источник жизнедеятельности? Осознав, что этика жизни — внешняя по отношению к этике выживания и что выживание представляет собой сопротивление эпидемическому и подавляющему присутствию жизни, мы теперь можем сказать, что быть на стороне жизни — значит быть сущностно против выживания. И даже еще серьезнее: когда дело доходит до экстериорности жизни по отношению к живущему существу, выживание в принципе невозможно.

В третьей главе своей книги Парсани высказывает предположение, что арии, расселившиеся по Иранскому нагорью, обладали исключительной гибкостью по отношению к окружающей среде. Гибкость была центральным элементом осмотрительной политики ариев и в области выживания, и в области сохранения своей генетической чистоты — двух важнейших задач, которые заставили их мигрировать и расселяться, проделав долгий путь из Азии в Европу. К открытости внешним народам, особенно коренному населению оккупируемых ими регионов, ариев постоянно подталкивало вовсе не их стремление к миру, а страх перед судьбой, мономания благородного перфекционизма чистоты и монополистической гигиены. Одержимость ариев исключительностью требовала преследовать ее любыми средствами, включая избирательное и контролируемое включение других народов. Для ариев все происходило на пределе выживания и чистоты — чистоты, которая должна была поддерживаться с помощью «закрытости как тщательно апроприированной и регулируемой открытости», гибкой, но строго ограниченной и экономической открытости, границы которой картографируются аффордансами и динамическими допусками: я открыт тебе ровно настолько, насколько я могу позволить себе тебя и то, что ты мне приносишь.

Самый эффективный способ выжить и сохранить очистительную чистоту расы — жить в неоскверненности, смешаться с толпой. Такова была арийская стратагема. Однако для ариев, расселившихся по Иранскому нагорью, она обернулась полнейшим провалом: они открылись колдовскому населению плато, для которого все было внешним по отношению к выживанию. Для этого населения в отличие от ариев открытость реализовывалась как экстериоризация жизни по отношению к выживанию, молчаливая агрессия против выживания изнутри. Когда открываешь кому-то дверь, войти может кто угодно, а войдя, они могут открывать свои собственные двери. Следуя стратагеме ариев, Кир II (550–530 годы до нашей эры) смог расширить Персидскую империю, почти не встретив препятствий, за исключением северных кочевников, которые яростно сопротивлялись этому новому типу мягкого подавления. Кир завоевал Вавилонию (Вавилон), Египет и многие другие территории, одну за другой присоединил их к своей личинке империи, которая росла с опасной быстротой. Эта новая империя попыталась ассимилировать всю Азию, Африку и Европу с помощью этой единственной формулы первичного конфликта, за которым следует замирение с врагом после захвата его земель путем принятия его верований и подтверждения его требования свободы в «царстве ариев». Народ, живший на Иранском нагорье до прибытия ариев, состоял из умелых колдунов и некромантов. Для них «жизнь» не была выживанием, а выживание не совпадало с «избеганием смерти». Выживание было не процессом реакции на (Не)жизнь и не временным антропоморфным бегством, из которого происходит неизбежность смерти. Смерть разворачивается в процессе жизне-деятельности или выживания от начала и до конца как predetermined судьбой некрократический режим. Выживание предполагает смерть с самого начала, так называемая актуальная смерть — всего лишь осуществление реальной смерти или невозможности выживания в допуске экстериорности жизни. Путь жизни или выживания лежит там, где смерть становится не только событием-пределом, но и двигательной

и направляющей силой, которая начинает работать еще до того, как начинается жизнь (смерть становится путеводителем жизни). Этос выживания или витализма — некрократия. Для колдовского народа доарийского Иранского нагорья выживание состояло не в сдерживании смерти как можно дольше, а в подпитывании (Не)жизни. Для них выживание и суетливая воля к выживанию были колдовскими ритуалами, питающими Внешнее, питающими то, что помимо «так называемой жизни как жизне-деятельности», оккультной практикой кормления аватаров Внешнего. Жизнь сама по себе была питательным проектом, а выживание в целом — стратегией, наиболее прагматичной политикой взаимодействия с Внешним. Они верили, что выживание кормит немыслимую Мерзость, предельного аутсайдера, которого их зороастрийские потомки стали называть Друдж. Чем дольше ты выживаешь, тем больше ты кормишь Внешнее (смыкаясь с Внешним на плоскости стратегии). В авестийском языке древней Персии Друдж — слово санскритского происхождения — означало очернение, хаотические аспекты ложного, обман и стратегию. Идея ритуала как причащения к открытости, таким образом, представляла собой развитие прагматики новой системы выживания, осознающей в практическом и религиозном смысле собственные механизмы репрессии и экстериорность жизни.

Как умелые колдуны, эти доарийские толпы быстро осознали свою уникальную общность с ариями: одержимость выживанием и продлением процесса жизни. Для коренного населения Иранского нагорья жизнь была идеальной «жертвенной пищей», приготовленной, чтобы задобрить внешнее; для ариев же она была гарантом сохранения чистоты их расы. Благодаря этой общности арийские незнакомцы были радушно встречены коренными жителями Иранского нагорья. Фактически арийская параноидальная забота о чистоте в сочетании с их безжалостной гегемонической политикой были идеальным носителем для колдовских экспериментов этих коренных народов, единственным стремлением которых была коммуникация с Внешним. Для них арии представляли собой гарантированный вектор продления их «внешне-ориентированных экспериментов» в будущем и возможность проводить их незаметно, легально, публично и популярно. С того самого момента, когда они обнаружили эту стратегическую общность, коренные народы Иранского нагорья начали сдаваться на милость арийских захватчиков, поддерживать их веру, укреплять их власть и включаться в их систему. Они просочились в высочайшие уровни власти ариев — орден магов, или Великих Учителей. В качестве магов они несли ответственность за сохранение чистоты и выживание расы. Только с этого момента эти безымянные толпы могут именоваться «они», или Z.-толпы, бормочущее чудовище, первым одержимым голосом которого стал зороастризм, зараженная клетка монотеизма. Всегда уже присутствующие здесь, с нами, сейчас, и ждущие по ту сторону, Z.-толпы картографируют постепенное появление внешнего изнутри. Но все же в данном случае «внутри» означает не внутреннее святилище, а то, что уже было здесь, первичного аутсайдера, вокруг которого конкретизировалась система. Внешнее — это невозможность экономической открытости или закрытия с самого начала. Маги Z.-толп нарушили линейную связь между внутренним и внешним, противопоставив безупречному внутреннему арийского зороастризма мерзкое

внешнее и его опасности: религия Зороастра против культа Захака, враждебного чужестранца. Но сам зороастризм уже носил в себе своего внутреннего аутсайдера, сами Z.-толпы. Для магов контраст между интериорностью и экстериорностью был всего лишь вопросом градаций между интенсивной экстериорностью внутри и экстенсивной экстериорностью вовне. Z.-толпы могут быть декодированы только как бормочущая река, текущая из конца в конец тьмы. Это ахеронический поток, движущийся от колдовской какофонии Z.-толп до прихода ариев к их монотонному, и потому неслышному, шепоту изнутри зороастризма и, наконец, к их гудящему шуму, раздающемуся с другой стороны. Монотеизм — *vox capta*^x Z.-толп, народа с тысячей зубов и говоров, который всегда уже с самого начала здесь и ожидает нас в конце.

Несомненно, что арийская привычка к самовозвеличиванию всегда достигает столь эпических пропорций только потому, что это мучительная форма пустоты. По иронии судьбы арии могут по праву объявить своей собственностью лишь одно уникальное качество: они всегда были наиболее стойкими носителями для Z.-толп и их отвратительных экспериментов со внешним. Задачей арианского вектора как носителя было продолжать до тех пор, пока эпидемия не достигнет фазы омега и не распространится по всему, что основано на арийских системах верований, и не взорвется наконец изнутри.

«Как *ovum* монотеизма, зороастризм стал носителем саботированного ариштва Иранского нагорья. Теперь задачей монотеизма стало распространение внешне-ориентированных экспериментов и ритуалов колдовских народов. Миссией монотеизма было слиться с планетарными событиями, чтобы систематически трансформировать все в жертвенную пищу для Внешнего. Но проблема с Внешним заключается в том, что чем больше его кормишь, тем больше оно требует. Бум монотеизма на Ближнем Востоке был всего лишь реакцией на это отношение с другой стороны», — пишет Парсани. В другой главе он объясняет, что настойчивость, с которой монотеизм утверждает надежду, служит мостом, связывающим человеческое выживание с голодом Внешнего или Жизнью-Сатаной: «...политика антропоморфной надежды как элемента существования и его дления принадлежит как людям, так и внешнему. Надежда подкрепляет и длит выживание, но было бы абсолютно наивно полагать, что надежда — исключительная собственность людей. Потому что „то, на что надеются“, или объект надежды, как нечто в настоящий момент внешнее человеку, также находится во взаимосвязи с надеждой. Для выживания надежда направлена на то, что внешнее по отношению к нему или то, чего у него нет; но что может быть внешним для выживания, на что надеются ради выживания? Это продолжение выживания и поддержания жизни. Вкратце, если на продолжение выживания надеются, то продление выживания должно быть внешним по отношению к текущим условиям выживания, то есть поддержание жизни внутренне присуще не живущему существу и его выживанию, а Внешнему и его голоду, заставляющему его питаться выживанием живущего существа. Жизнь-Сатана изобретает надежду как прямой путь к себе самой, сделав надежду наиболее надежной гарантией

x Лат. «присвоенный голос». — Примеч. пер.

одновременно поддержания человеческого выживания и утоления собственно голода». Надежда в этом смысле гарантирует скормливание человека Внешнему и охоту на человеческое выживание с другой стороны.

Когда Z.-толпы замаскировались среди арийской зороастрийской системы верований, они сделались самыми ревностными сторонниками зороастризма. Они начали укреплять и наращивать страсть ариев и их монотеистической религии к выживанию, помогая им сконструировать более строгое закрытие, то есть более экономическую открытость. Для ариев открытость в политическом значении означала «бытие открытым чему-либо» (Я открыт тебе «настолько, насколько» я могу тебя себе позволить), но для Z.-толп радикальная открытость приравнивалась к «бытию открываемым чем-либо». Политика радикальной открытости использует выживание не как средство сдерживания, а как паразитическую форму агентности, которая может быть расколота, вспорота и раскрыта извне. Каждый момент выживания может стать ритуалом призыва, заклинанием разделочных линий открытости. В отличие от допустимой открытости (бытия открытым к), план открытости — «быть открываемым (чем-либо)» — расположен вне человеческой субъективности и выживания. Но для открытости эта экстериорность несет с собой возможность стратегического сотрудничества с субъективностью и выживанием: чем больше ты закрыт, тем интенсивнее тебя вскроют. Для Z.-толп строгое закрытие или предельно экономическая открытость (в смысле бытия открытым к) была наиболее желанной добычей для разделочных линий открытости. Радикальная открытость достигает антропоморфной сети безопасности Извне как нечто омерзительное; ее разделочные линии переизобретают открытость как «бытие раскрытым, расколотым, вспоротым». Этот необратимый процесс раскрытия столь радикален и непреклонен в своем намерении прорезать любую закрытость, что к нему можно обращаться только в терминах бойни и соответствующей ей номенклатуры: нож, мясницкая лавка, отрезь.

Невозможно быть радикально «открытым к» внешнему, поскольку природа такой открытости привязана к определенным препятствиям и апроприациям, неизбежно порождаемыми ограничениями, присущими витализму и логике аффорданса. Проклятие выживания простирается по ту сторону намерения, воли и ориентации. Тем не менее можно пригласить (приманить) внешнее, чтобы быть вскрытым с другой стороны. Вендидад³⁸, зороастрийская книга законов против Друдж или против демонов — чистейший пример вышеупомянутой стратегии систематического закрытия с целью призыва радикальной открытости. Тот факт, что Вендидад — главным образом религиозный кодекс, свидетельствует о том, что это книга миссий, задач и практик — призыв ко всем коллективам повседневной жизни. Главная тема Вендидад этой «кишащей магами книги» (Парсани) — защита от демонов нечистоты, искажения и мерзости. В книге перечисляются способы жить, не только защищающие печати закрытия и очищения, но и превращающие все течение жизни в систематическую программу поддержания закрытости и отталкивания всех манифестаций, которые могут нести угрозу закрытости. В Вендидад жизненный путь, или жизнь, характеризуется постоянной жестокой борьбой с демонами, или аватарами Внешнего. Каждая очистительная практика, каждый акт закрытия одновременно и эффективны против

какого-то одного демона, и вызывают орды демонов вследствие этого очищения и закрытия. Арийская самоуверенность Вендидад служит только тому, чтобы навечно подорвать саму себя.

«Влияние демонической паранойи Вендидад и ее скрытого стратегического мотива коммуникации с Внешним несопоставимо ни с одной другой книгой в истории человечества. Всегда можно запомнить методы борьбы с демонами, но почти невозможно запомнить имена всех демонов, перечисленных в Вендидад. Каждая очистительная практика, каждый способ защиты от внешнего скрывает в себе легион демонов. Постоянно возникает вопрос, на чьей стороне Вендидад: зороастрийского монотеизма или демонической пропаганды?» (Хамид Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

Если рассказы Лавкрафта, и в первую очередь мифы Ктулху, отмечены шокирующим сходством с демонической паранойей Вендидад, то именно потому, что в них обоих содержится стратегическая линия, восходящая непосредственно к зараженной арийской клетке монотеизма. Они заново пересказывают историю исходного и продолжающегося по сей день саботажа, мобилизованного монотеизмом. Для Вендидад и мифов Ктулху закрытость и арийский фетишизм чистоты могут продолжать существовать только под ножом радикальной открытости.

Как интенсивно населенный вектор, Z.-толпа разрослась, ведя все монотеистические народы к Внешнему через систематическое стремление к параноидальной закрытости и усиление экономии выживания (выживание любой ценой). В конце этого пути, который имеет смысл только в терминах закрытости, ожидают разделочные линии открытости. Радикальный план открытости как бытия открываемым не будет ни приятным для антропоморфной экономии выживания, ни чистым для человеческой коммуникации, полагающейся на доступность и возможность.

Омега-уровень выживания (или выживание любой ценой) всегда разворачивается в направлении Внешнего и его аватара как неотразимого аттрактора. Выживание всегда было ритуалом кормления, приманивающим и стимулирующим голод Внешнего и его желание поглотить все манифестации закрытости. Каждый случай выживания или закрытия предполагает хищнический акт со стороны Внешнего, бытие добычей, пожираемым, рассеченным и вскрытым. Мясническая лавка открытости выстроена на закрытии, а не на либеральной открытости. Если даже самый акт выживания провоцирует голод Внешнего, то омега-уровень выживания — это эффективное сотрудничество с ненасытностью Внешнего или Жизни-Сатаны; он не просто часть ритуала кормления, он лежит в основе этого празднества. В таком случае вопрос вот в чем: древняя фетишистская паранойя, столь живо диаграммированная Лавкрафтом в его рассказах, имеет лишь одну сторону, ассоциирующуюся с безыскусной паранойей и расизмом? Или у нее есть и другой край, доминантная функция которого состоит во взрезании себя, переизобретении себя как предельной поли-тики коммуникации с Внешним — шизотратегический обоюдоострый клинок?

Мы поклялись заразить зародышевую клетку всех монотеистических религий.

(Еще один самиздат, обнаруженный в Мехабаде, Курдистан [10 апреля 2005 года]; следующий текст переведен с оригинального фарси)

— Шариат?³⁹

— Он уже есть у вас.

Когда ислам начинает плодить все свои меньшинства, порождать своих отпрысков, все цивилизации встречают то, что они зовут Апокалиписисом; это время, когда Земля больше не может носить ни одну религию, даже религию ее собственного тела.

Объявить ислам завершением монотеизма, наиболее утонченной из всех религий — вовсе не означает уготовить ему наилучшую из судеб. Декларация исламом своего совершенства и окончательности оборачивает сами пророческие обещания монотеистических религий относительно спасителя и их исполнение в будущем против самих себя. «Ислам — последняя из монотеистических религий». Такой тезис действительно предрекает печальный конец всем монотеистическим религиям, как проистекающим из прошлого, так и приходящим из будущего. Такая выразительная окончательность либо означает, что другие религии не могут возникнуть, либо навязывает им себя как их идеал: «Я — то, что вы обещаете».

Перед лицом корпуса шариата никакая религия не могла достигнуть масс никак иначе, кроме как через подчинение исламу; даже если религиозный противник появляется снова (взять, например, христианство), ислам намеренно занимает позицию угнетенного, превращается в идеальную жертву, призывает весь мир встать на защиту угнетенных. Для немусульман последствием такого призыва к освобождению становится встреча с шариатом по ту сторону обязательства и религиозной конверсии, то есть не через религиозное единение путем перехода в ислам, а через базовые принципы долга и человечности, через этический императив, за которой скрывается тело шариата. Такова судьба освободителей, спасителей угнетаемого ислама, которых поглощает шариат. Теперь уже значение имеет не растущая численность мусульман, а население и политики цивилизаций, очарованных невинностью жертвы и поглощенных шариатом через этические основания эмансипации, а не через переход в ислам путем объявления шахады⁴⁰. Вот что мы превозносим как исламскую хитрость, рожденную исламским провозглашением себя как последней и идеальной религии; в этом утверждении больше творчества и искусности, чем можно себе вообразить; но путь стратегии* — путь скользкий и не прямой. Когда ислам навсегда завершил все приключение монотеизма, он сделал неизбежным также и собственное необратимое превращение в *овит* апостасиса и еретический холокост. Превзойдя все другие религии, аннулировав их и став кульминацией монотеизма, ислам становится единственным носителем всех религий, которые он вырезает из будущего, приостанавливает и блокирует. Теперь, в присутствии ислама как предельной религии, все «верования», которые могли бы стать самостоятельными

религиями, должны подчиниться пути шариата и продолжать существование в качестве миноритарных исламских верований, расколов, религиозных субборденов и ересей; и все они населяют ислам, плодятся в нем, дышат им. Их дыхание одухотворяет *hulê*** ислама, и каждый выдох ислама распространяет их сразу. Радикальный ислам неотделим от апостазии; ереси невозможно извлечь из оснований ислама. Если вы хотите основать собственную религию, лучше всего начинать изнутри ислама.

Джей
Кодекс Яту***
Амордад 1383
(Перевод с персидского Х. Р. П.)

Примечания переводчика

- * В исходном тексте здесь употреблено слово *Makr*, арабское слово, обозначающее «скрытность» или «трюк»; но в контексте отсылки к Корану это слово имеет оттенок скорее радикальной стратегии, нежели обмана ради достижения личной цели.
- ** Исходное фарсийское слово — *Hayula*, что означает «чудовище» на современном фарси; но в исламской философии (например, в обсуждении *Ajsam-e Hayulani* у Аль-Фараби), как и в греческой космогонии, оно обозначает первичное тело-материю (синтез холодных элементов Воды и Земли) до его оживления; это бесформенная материя или женственная глина. Поскольку в тексте оно встречается в сочетании со словом «одухотворение», переводчик счел необходимым употребить слово *hulê*, дабы сохранить двусмысленность оригинала.
- *** Пометки на оригинальном тексте на фарси, найденном в Мехабаде, Иран (10 апреля, 2005 года).

Лингвистическая структура оригинального текста на фарси крайне непоследовательна, до такой степени, что можно предположить, что он был написан более чем одним автором:

1. Оригинальный текст был написан не курдским писателем; по этой причине это не может быть местный курдский самиздат или то, что на фарси называется *shabnameh* («ночные письма»). Иранские курдские повстанцы яростно презирают тех, кто предпочитает арабский фарси. Историческая культура иранского Курдистана и курдов глубоко связана с ариями и курдским национализмом. Остаточный арианизм иранских курдов резко отличает их от иракских курдов. Не следует забывать, что Демократическая партия Курдистана и «Эттехадиех Михани» в Ираке помогали иракскому правительству и вооруженным силам в войне против восставших в иранском

Курдистане во время курдистанского кризиса (1360–1363 годы по исламскому летосчислению). Более четырнадцати слов в данном тексте — арабского происхождения (хотя они имеют широко распространенные эквиваленты в фарси). Текст не похож ни на один типичный образчик *shabnameh* или манифеста, опубликованных в Курдистане какой бы то ни было политической партией, поскольку в нем отсутствуют характерные элементы типичных курдских *shabnameh*: призывы к сопротивлению центральному правительству или к вступлению в политическую партию.

2. Пунктуация и синтаксическая структура оригинального текста не соответствуют синтаксическим структурам фарси. Но все же ритмический строй (предположительно оригинального) текста характерен для фарси. Этот особый ритмический строй обычно не обнаруживается в текстах, переведенных на фарси с других языков. Одним из возможных объяснений данного противоречия может служить предположение, что этот текст был изначально написан на фарси, переведен на другой язык, а затем обратно на фарси. Текстуальная организация имеет отдаленное сходство с синтаксическими структурами пехлевийского письменного языка (древней Персии) с вкраплениями систанийского (то есть характерного для Систана и Белуджистана в Иране) акцента.
3. Невзирая на безоглядное использование арабских слов, дата, упомянутая в конце текста, — это старая вариация современной формы в языке фарси: *Amordad* вместо *Mordad*, шестой месяц по персидскому календарю. Хотя оба слова считаются нормативными для фарси, *Amordad* главным образом используется парсийскими писателями, ратующими за очищение фарси от всех арабских слов и возрождение парсийского языка, связанного с поздним пехлевийским языком древней Персии. Заметьте, что буквы П не существует в арабском алфавите, поэтому слово «Парси» или термин «парсийский писатель» указывает на отказ от арабского языка и арабских модификаций персидского языка (как в слове «фарси», в котором первая буква П была заменена на Ф).

Тяжелейшая форма паранойи, не принимающая участия в том, что известно как выживание, или этос витализма; она не имеет ничего общего с жизнью или выживанием. Радикальная паранойя характеризуется не очистительными программами и заботой о целостности, а полным отстранением от внешнего как горизонта событий. Радикальная паранойя имеет следствием тотальную изоляцию — не от чего-то определенного (например, от сообщества, социального режима и т.п.), а от внешнего в целом, от среды, которая навязывает живому существу витализм и делает выживание неизбежным. Быть частью среды (то есть экономического внешнего) значит выживать. Коммуникация с внешним как средой возможна только через витализм. По этой причине открытость внешнему, то есть доступная открытость, составляет фундамент витализма, а витализм представляет жизнь как паранойю. Но что значит «Жизнь как паранойя»? Это навязывание выживания открытости. Жизнь-как-паранойя предполагает, что внешнее может быть доступно и что необходимо быть открытым, чтобы выживать, и наоборот. Возможность прожить жизнь как радикальную экстериорность выдает в «жизни и выживании» паранойю. Но все же такая паранойя не соответствует ее ожидаемому телосу, а именно обеспечению выживания. Ожидаемый телос паранойи живого (жизни как паранойи) определяется его попыткой удержать на расстоянии жизнь как то, что радикально экстериорно, и то, что не может быть одержимо проживанием (*living*) или захвачено витализмом. Следовательно, паранойя проживания или выживания характеризуется ее двойственностью в отношении ее виталистских намерений: эта паранойя одновременно защищает существование от экстериорности жизни и отталкивает жизнь или источник ее витальности, поскольку жизнь радикально экстериорна живому существу и фундаментальным образом разрушительна для витальности. Вкратце двойственность жизни как паранойи определяется одновременно (экономической) открытостью и закрытостью в отношении жизни.

Радикальная паранойя доводит природу этой двойственности до предела: она прерывает телос экономической открытости и таким образом строго позиционирует себя против выживания и общей паранойи жизни. Радикальная паранойя подчеркивает отказ от идеи бытия «открытым внешнему»; закрытая и упакованная сама в себя, радикальная паранойя — это спекулятивная линия шизофрении, которая более не верит в открытость внешнему, поскольку для живого существа внешнее есть всего лишь виталистическая среда. Следовательно, радикальная паранойя маркирует отход от динамической энергии витализма путем отделения себя от экономического внешнего (среды), с помощью и для которого выживание становится возможным. Такое отделение от среды позволяет вернуть радикальную экстериорность внешнего по отношению к выживанию и открытости. Вследствие этого радикальная паранойя переопределяет выживание как то, что может расколоть корреляцию между паранойей проживания (выживания) и экономической открытостью и, таким образом, покончить с собственной репрессией в отношении недопустимого внешнего. В радикальной паранойе выживание — уже не паразитический (взаимовыгод-

ный) симптом доступности и экономической открытости, а событие, не подчиняющееся ее виталистским амбициям.

Большие международные карантинные в случае эпидемий (инфлюэнца, бубонная чума, холера), заключающие тысячи людей внутри, иллюстрируют этот отход от внешнего. Заразные тела и раздраженные либидо изолированных людей, интенсифицирующиеся в режиме карантина, демонстрируют извращенную судьбу выживания, когда его вынуждают порвать с идеальной открытостью. Добровольно или нет, последствия такой изоляции и отчуждения предполагают субверсию витализма самим актом выживания. В отрыве от своей жизнеподдерживающей среды, в изоляции выживание осложняется пустым стремлением спастись. Но оставшись без этой поддерживающей среды (экономического внешнего), в соответствии со своей виталистской интенцией, выживание истощает себя и становится выразительным утверждением невозможности прожить эту жизнь. В этом смысле отделение выживания от открытости дает выживанию возможность действовать стратегически от лица радикальной экстерности и ее рефракторной невозможности.

Во всем корпусе своих текстов Парсани указывает, что следы такого разделения выживания и экономической открытости или отделения от доступного внешнего могут быть легко обнаружены в идее монотеистического деспотизма и арийского неудержимого стремления к чистоте: «Именно подразумеваемое отчаянное выживание в отсутствие открытости столь осложняет оправдание монотеизма и его арийской зародышевой клетки. Это паранойя, разумеется, но что-то не так с этой паранойей, часто ассоциируемой с монотеистическим фундаментализмом и арийской самоуверенностью».

Панорама радикальной паранойи также послужила вдохновением для самых корбящих нервы произведений романтической литературы XIX — начала XX столетия. Обычно в этих романах влюбленные либо мечтают быть изолированными и заключенными вдвоем в уединенном месте далеко от цивилизации, либо действительно оказываются поражены болезнью и вынуждены замкнуться в самоизоляции. Запертые в далеком городке или одиноко стоящем коттедже, или замке, они предаются горячечной страсти и пытаются выжить любой ценой. Но их попытки сохранить любовь путем выживания только лишь приближают их расставание и разворачивают выживание как аффирмацию невозможности. Здесь соединением между радикальной паранойей (как спекулятивной линией шизофрении) и любовью выступает не столько идея добровольной или недобровольной изоляции влюбленных, сколько сама идея любви как закрытия. Открытость, ассоциирующаяся с любовью, сама оказывается еще более сильной версией закрытия от внешнего мира. Открытость между двумя влюбленными изначально устанавливается, чтобы закрыть их на себе и от внешнего. Любовь (*philia*) во всех ее формах связывает открытость с закрытием и в конечном итоге закрытие с радикальной экстерностью внешнего, из которой активно эманурует только невозможность: невозможность быть закрытым и одновременно невозможность допустить внешнее.

«Колдунья, помнишь, что я говорил тебе о бездонных глубинах любви: что любой закрытости соответствует извращенная любовь, но, что еще важнее, лю-

бой любви соответствует извращенная закрытость. Нергал⁴¹, бог моря и войны, навечно закриптовывает себя с Эрешкигаль, царицей подземного мира, в изолированном нижнем мире. Когда то, что вавилоняне называли дракоспиралью (зови это сплетенным телом изгнанных любовников), начинает ерзать, сокращаться и сворачиваться, все другие линии движений пытаются исключить ее (как будто весь мир ополчается на безумно влюбленную пару). Но в то же время две ветви дракоспирали все больше сплетаются, так что никакая внешняя сила больше не способна их расплести. Это сплетение в ближневосточном оккультизме именуется Печатью Ажи; это одновременно и невозможность внешнего влияния, и движение дракоспирали как лезвия невозможности. Именно с помощью этой спиральной машинерии и ее параноидальных складок (как будто их никогда не достаточно) дракоспираль выковыывает новые машины войны, управляет свои когти, встраивает новые инструменты открытости, уклонения, засад и контратак. Дракоспирали, похоже, намекают на темную связь между любовью, выживанием и внешним. У истории каждого любовника есть обратная сторона выживания. Когда любовники сплетаются, происходит эскалация атак (либо в форме одомашнивания, либо аннигиляции) со стороны окружающей их среды. Чтобы защитить друг друга, они сплетаются на все более глубоких уровнях, выживая с ни с чем не сравнимым рвением. Только такое выживание способно выдержать и пройти населенный демонами путь к Внешнему, не испарившись на ранних подступах. Выживание играет в странные игры. Колдунья, давай соберем вместе наши заразные хвори и займемся любовью. Под проклятой землей Телль-Ибрагима... <далее нрзб> ...предметы, что не знают покоя...» На этом месте почерк доктора Хамида Парсани, палеопетролога и некогда почтенного профессора археологии Тегеранского университета, становится неразборчивым, как будто он намеренно спутывает буквы, превращая каждое слово в странную и, возможно, им самим придуманную руну или шифр, в частицы пыли, дешифровать которые могли бы только сухие ветры и нефтяная влага Ближнего Востока.

- 1 صورت زُدایی از ایران باستان: ۹۵۰۰ سال نابودخوانی
- 2 Явишт-и-Фриян, *The Book of Arda Viraf, Dastur Hoshangji Jamapji Asa, M. Haug and E. W. Vest (ed.), Bombay, 1872.*
- 3 *Naft* или *napht* — арабское слово, обозначающее нефть и бензин; этимологическое исследование слова *naft* см. в: Экскурс V: Туманная нефть, ретроспектива об обскурантах.
- 4 Для дешевых хорроров, архаической научной фантастики и темных аспектов фольклора характерна общая увлеченность мотивом эксгумации или конфронтации с древним супероружием, категоризируемым как Неорганические Демоны или ксенолитические артефакты. Эти реликвии или артефакты обычно изображаются в форме объектов, сделанных из неорганических материалов (камня, металла, костей, душ, праха и т. п.). Они автономны, разумны и независимы от человеческой воли, их существование характеризуется статусом забытости, незапамятного сна и их провокационным изяществом форм. Одна лишь присущая им автономность указывает на их внешность человечеству и его экологии, планетарной биосфере; вот почему они часто ассоциируются с чуждыми формами жизни и определяются приставкой «ксено-» (внешний). Происходящие от общего корня, то есть от демонов, вызывающих одержимость, артефакты, или неорганические демоны, наделяют своего хозяина экстериорной загадочностью, внешностью в серии обобщенных, но последовательных линий и симптомов. Маска в «Онибаба» Кането Шиндо, Медальон (реальный неорганический демон), найденный при раскопках рядом со статуэткой Пазузу в «Экзорцисте» Уильяма Питера Блэтти, куб в «Восставшем из ада» Клайва Баркера, меч Фростморн в *Warcraft III*, лампа в «Аладдине», Туринская плащаница и цепи святого Петра (реликвии христианства и других религий), артефакт в «*Doom III: Воскрешение Зла*», а также, как реликвии третьего класса, фрагменты ткани или материи, касавшиеся реликвария, — все это примеры неорганических демонов, которые обладают общими особенностями и век-

торами заражения. Артефакты, или неорганические демоны, обычно подразделяются на три класса. Реликвии, или неорганические демоны, первого класса означают цельное тело реликвии. Реликвии второго класса — это части и фрагменты дезинтегрированной цельной реликвии, которые иногда должны быть соединены с другими, чтобы пробудить или открыть их ксенолитические свойства. Ритуал реинтеграции реликвий второго класса называется *сборкой* или *возвращением домой*. Сборка обычно требует воздействия внешней силы или процесса очищения фрагментов перед их воссоединением, или даже геомагнетического расположения фрагментов в определенной конфигурации. Реликвии третьего класса — это реликвии по заражению. Они рождаются при контакте с другими реликвиями, как правило, первого класса. Неорганический материал, прикасающийся к реликвии или в который реликвия помещена (реликварий), может при определенных условиях стать реликвией третьего класса, менее мощной, чем первые два класса, но все же заразной. Эти три класса реликвий или артефактов могут быть возведены к общей демонологической структуре, определяемой базовыми идиосинкразиями и спецификациями, общими для всех Неорганических Демонов.

- a) Неорганические демоны паразитичны по своей природе, они сами порождают свое ксенотативное существование и генерируют свои эффекты из человека-носителя, будь то индивид, этнос, общество или целая цивилизация. Их военные проникающие возможности и системы одержимости подпитываются человеческой активностью определенного типа, одержимой артефактами, реликвиями и неорганическими сущностями (реализм объектов). Завороженность археологии, религии, капитализма и их гибридов древним оружием и принципами неорганических сущностей — пример такой деятельности, связанной с людьми.
- b) Неорганические демоны индуцируют ксеновозбуждения в тех, кто ими пользуется, или людях-носителях («Мудрость»).
- c) Эта Мудрость (используемая древность) начинает вызывать у своего носителя психосоматические отклики или побочные эффекты в форме неизлечимых недугов или прогрессирующих болезней (эффект, широко известный как *цена*). Эти загадочные аллергические реакции на неорганических демонов либо программируются демоном-артефактом, когда он встраивается в человека-носителя (перепрограммируя логику организма), либо производятся человеком-носителем как гипертрофированная реакция на ксенотативное существование неорганического демона, развертывание его нечеловечности и его квалитативного состояния (то есть его неорганичности). Другая причина происходящих с носителем катаклизмов — поступление данных из Внешнего, которое оказывается по своей сути чрезмерным для его антропоморфных возможностей и потому запускает изнутри самого носителя механизм отступления в форме потопа извне.
- d) Когда неорганические демоны проникают в антропоморфного агента (бесшумный захват, который обычно сопровождается согласием с человеческой стороны, осознанным или неосознанным), они встраивают свой неорганический разум в человека-носителя. Как только этот процесс встраивания или имплантации завершен, неорганического демона уже невозможно извлечь из нейронных, социальных или даже мембранных сетей человека-носителя (индивида, общества, этноса или цивилизации). Попытка изгнать неорганического демона, не деактивировав его, имеет фатальные необратимые последствия для носителя, наступающие с катастрофической скоростью.
- e) Паразитический разум неорганических демонов провоцируется, или неорганический демон начинает взаимодействовать со своим человеком-носителем, когда

его нервную систему что-то стимулирует. Нервная система неорганического демона — на самом деле «духовная матрица». В ходе процесса одержимости или коммуникации с демоническим объектом эта духовная матрица должна заряжаться достаточным количеством внешних стимулов от своего человека-носителя. Эти внешние стимулы нематериальны, качественные и могут в некотором смысле быть классифицированы как духовные (примеры включают безверие или веру, сомнение, предчувствие, набожность, голод и боль). Активированный этими духовными, телесными, чувственными или интеллектуальными стимулами, неорганический демон начинает захватывать человека-носителя. Внешние стимулы, получаемые от человека-носителя, всегда играют роль призыва (*incantare*) или стратегического Зова к Неорганическим Демонам, или, другими словами, эти стимулы кормят душу неорганического демона, складки которого движутся и понуждают демонический разум покинуть человека-носителя и проникнуть в человеческую сферу.

f) Неорганического демона можно полностью уничтожить только одним способом: употребив против него силу другого неорганического демона. Такое действие, в свою очередь, неизбежно пробуждает еще одного неорганического демона. Это похоже на возрождение зла или возвращение демонов в литературе ужасов. Обнаружение неорганического демона предвещает последовательность трагических происшествий для индивидов и целых цивилизаций. Когда сам неорганический демон уходит в модус спячки (известный человечеству как «забытый статус»), цивилизация или другой человек-носитель получает возможность восстать. Спячка неорганического демона обычно вызвана закрытием духовной матрицы демона или его готовностью к переходу в другую духовную фазу. В любом случае предполагаемая суверенность человека может осуществляться только в период спячки демон-объекта, а это не то же самое, что его несуществование. Фактически развитие цивилизации или человека-носителя — это симптом спячки неорганического демона и происходит синхронно с возникновением нового носителя и новым пробуждением демонического объекта.

g) Люди-носители избавляются от неорганических демонов не путем захоронения, а путем возвращения их в потенциальное логово (неорганическое оружие как древнее супероружие vs. сокровища в видеоиграх). Неорганические демоны в реликвовологии принадлежат к владетельному классу, тогда как сокровища относятся к классу рабов, подобно людям.

5 Только в божественной экономике и наррации авторское пророчество функционирует через командную цепь, как логистический план, в котором линия командования (божественных интервенций) переносится в зону действия (поле Творения). Вера подтверждается самокорректирующимися пророчествами пророков. Нет ничего более опустошительно-мощного, чем вопль пророка: «Я это предрек». Мир исполнившегося или исполняющегося пророчества — это подтверждение для мира Событий; это коррекция всех преступлений и отступлений от predeterminedенной точки: основания авторитета и автора. Хаотическое пророчество (в отличие от авторского пророчества) диссеминирует события в будущем и делает фантазии настоящего реальными. Хаотическое пророчество проникает во время как событие-добывающая машина; это троянский вирус бэкдор, контрабандой проникающий в будущее. Пророчество формируется секвенциальным, или хронологическим, временем, но это не делает его ориентацию обязательно анабатической, или прогрессивной (из настоящего в будущее); она может иногда быть катабатической, или нисходящей, как в случае *vaticinium ex eventu* (пророчества после события). В случае *ex eventu* пророчество — вопрос не только разъя-

тия или порчи будущего, но и дискредитации гегемонического влияния прошлого на настоящее и будущее. Пророчества, всплывшие после 11 сентября 2001 года, служат примерами оккультизации политического события или политического программирования прошлого. Пророчество после события подрывает авторитет причины по отношению к следствию.

- 6 Проще всего понять Англосическую Каббалу (AQ) как продолжение шестидесятеричной системы счисления (в которой $A = 10$, $B = 11$ и так далее до $F = 15$), следующей стандартному десятиричному числовому ряду. Англосическая Каббала (Гематрия) продолжает таким образом до $Z = 35$, избегая этим избыточного картографирования цифр или букв путем сохранения стандартных значений за десятиричными цифрами 0–9. Например, согласно AQ, слово NINE (девять) равно $78 (N [23] + I [18] + N [23] + E [14])$, которое сводится к 15 и затем к 6. AQ обширно использовалась как нумерологическая система именно потому, что она избегает мистико-пророческой избыточности (следствия чрезмерной усложненности и технической детализированности для неиницированных) традиционных каббалистических систем. AQ отсылает скорее к наиболее вирусно-подвижным, оптимально эффективным и действенным элементам экономики, коммуникации, вооруженных сил, трафика и мобильности. Числа, как соответствующие скорее населением или демографической динамике, а не аксиоматической математике. (Лаборатория «Гиперверие».)
- 7 Квадрат, как отмечает Парсани, есть геометрическое состояние установления, наиболее поверхностно-дружественный и архитектурный подход к про-креационистской геометрии. Он переводит универсальную власть монотеистического Бога в земные системы пребывания и обустройства. Но загадка монотеистического Бога от зороастрийского Ахурамазды до исламского Аллаха в том, что он никогда не пребывает в своем Жилище, обычно представляющем собой кубическую структуру (Кааба в Мекке — наиболее яркий пример), в отличие от зиккурата, функция которого — демонстрировать Бога (удовлетворяя таким образом его эксгибиционистскую парафилию) на своем пике, как в случае Бел-Мардука. Пещеры — также места для интернализации и божества, и его поклонника.
- 8 Ахт (*axt*, *akhtia*) также именовался среди своих последователей *was-wisabāg* (от авестийского *višāpa*), что значит «пропитанный ядом», и иногда словом *pouru.mahrka*, «полная-смерть» или «полный чумы», которое обычно использовалось как именование Ангра-Майнью (Ахримана). В авестийском языке Ахт как вредитель обычно имеет коннотации определенной болезни, которая часто ассоциировалась с ахриманистической креативностью (креативностью через переизобретение тела, а не через его сотворение), процессом шрамирования и демонтажом авторитета мембран. На древнегреческом этот недуг назывался *λέπρα* и *λευκέ*, «лепра». В одном из поздних доисламских зороастрийских текстов под названием «Яска» можно найти другую, более исторически достоверную версию истории Ахта. Уже став ренегатом, но до создания собственного влиятельного культа, Ахт-Яту, Ахт покидает свой город, чтобы научиться языку творения как креативности, что включает не только сотворение парии из системы (создание инсургента, еретика и изгнанника), но и воссоздание его тела или трупа из существующего материала, навязанного божественным творением. Путешествуя на протяжении трех лет с пораженным проказой бродягой, Ахт тоже оказывается инфицирован. Он постепенно становится уродливым, теряет уши и пальцы и выглядит «древним, как сама история» (Яска 5:11), хотя он еще не увидел тридцать седьмую

зиму своей жизни. Парсани предполагает, что это внезапное старение — мрачная насмешка над религиозной легендой о так называемом мудром старце. К концу третьего года Ахт молится и шепчет: «Я был рожден из шрамов, которые я оставил на теле творения». Парсани утверждает, что Ахт считался еретиком и смутьяном как среди солнцепоклонников, так и среди монотеистов. Он открыто взбунтовался против солярной экономики Солнца и его культа, но главной причиной того, что он был еретиком самого худшего сорта, для зороастрийских монотеистов было то, что он переписал и испортил их Книги таким же образом, как он переписал Божественное творение в своем теле: «Для Ахта колдовство состояло в том, чтобы бастардизировать мечту о творении, не принимая ее как свою» (Хамид Парсани).

- 9 Персидская мера длины, равная 6 км или 3,7 мили.
- 10 Подробнее о трехточечном извращении (Трисоне), треугольнике и структуре тайных обществ или террор-фракталах см.: «Новые исследования на библейской земле: прогресс и результаты», под ред. Германа В. Гилпрехта, *Librairie de Pera*, Филадельфия: *John D. Wattles & Co.*, 1896.
- 11 См.: Э. Бенвенист, «Религия персов по основным греческим текстам», 1929, с. 88; или текст Плутарха об Исиде и Осирисе; тж. Пехлевийский Сихрочак, 16, *ZXA ed. Dhabar*, с. 242. Езник Кохбацци, «Против ересей», во французском переводе Левайана де Флориваля *Réfutation des différentes sectes*.
- 12 В оригинальном тексте Парсани использует слово *bienesh*, которое одновременно означает и зрение как визуальную модальность, и *bienesh* как философию, убеждения и *Weltanschauung*.
- 13 Митро-Друдж, или предательство Митры (радикальное предательство), среди последователей культа Манни, которые восстали против подавления зороастрийским монотеизмом и в конечном итоге были казнены, но вдохновили большинство ересей в монотеизме (см.: Езник Кохбацци, «Против ересей»), означает высшую прагматическую и священную инстанцию колдовства. В Ясне, хаити (разделе) 61, и в Вендидад фаргард (главе) 18, *Зандик* (позднее *Зандиг* (*Zandigh*): еретик, предатель) — это слово изначально употреблялось для описания Манни как колдуна и бунтовщика — объявляется эквивалентом Ятуманта (колдуна) и наиболее коварной формы колдовства. Подробнее см.: A. Adam, *Texte zum Manichäismus* (= *lietz — manns kleine Texte...* no. 175), с. 97, Берлин, 1969.
- 14 Термин «аффорданс» был впервые введен американским психологом Джеймсом Джеромом Гибсоном (на основе работ Ингардена, Brentano и др.) в контексте его экокognитивных исследований. В работах Гибсона «аффорданс» отсылает к «возможностям действовать», заложенным в объекте или среде, независимо от способности индивида эти возможности осознать; эти возможности рассматриваются как черты, определяемые независимо и от субъективного восприятия, и от объективного научного исчисления. Гибсон писал:

«Я предполагаю, что аффордансы — не просто феноменальные качества субъективного опыта (третичные качества, динамические и физиогномические свойства и т.д.). Я также предполагаю, что они — не просто физические свойства ве-

щей, как считает современная физика. Они экологические, в том смысле, что они представляют собой свойства среды в отношении животного. Эти предположения новы и требуют обсуждения».

Термин используется здесь в связанном, но несколько расширенном смысле: мы понимаем аффорданс как экономическую сеть, отличающуюся связностью и взаимным отношением ее элементов. В такой сети открытость может эксплуатироваться как основа выживания, обустройства, пребывания и регулирования коммуникации. Средства, которыми некая сущность может поддерживать свою динамическую позицию (внутри целого, то есть ее мереологический «адрес») и выживать в окружающем горизонте, определяются глубинно-сплетенной экономической сетью взаимодействий, связей и регулятивных сотрудничества, переплетенных взаимными допустимостями [affordabilities] между сущностью и ее окружающей средой. Целое может выжить, только когда сущности допускают друг друга; каждый тип открытости на мереологическом уровне проявляется как функция взаимной допустимости «между» сущностями. То есть аффорданс принадлежит не исключительно одному полюсу экономической коммуникации, а распределен между как минимум двумя мереологическими сущностями: «Я открыт тебе настолько, насколько я могу себе тебя позволить»; в противном случае ты должен а) либо быть отвергнут; б) либо притянут путем регуляции и апроприации; в) либо быть частично отфильтрован; или д) я должен апроприировать себя, чтобы «допустить» тебя. Следовательно, план бытия открытым внутренне собран на основе аффорданса или экономической допустимости, или коммуникации. При режиме аффорданса открытость не может избежать регулятивов выживания и экономики; она функционирует как динамическое допускающее Целое. Возможно, наиболее проясняющей дело (хотя и несколько упрощенной) «моделью» аффорданса можно считать аристотелевскую *Тетрасомию* (Обращение Элементов), разрабатываемую им в «*Метафизике*», в которой вращательное движение между элементами поддерживает усложняющийся динамизм целого. Каждая фаза вращения основана на динамических *метронах* (мерах, шкалах) и аффордансе (здесь — экономической открытости или взаимной допустимости) между элементами. Элементы открыты друг другу либо диаметрально, либо диагонально, но они никогда не могут полностью накладываться или радикально коммуницировать друг с другом; им необходимо промежуточное состояние, чтобы сформировать узлы вращения и поддерживать общую Целостность. Эти промежуточные состояния имеют значение только в определенном месте всей панорамы вращения; хотя они придают системе поступательный *polemikos* или циклический динамизм, они функционируют только локально (в результате допуска элементов друг другом — на основании общих качеств, и в то же время всей системой).

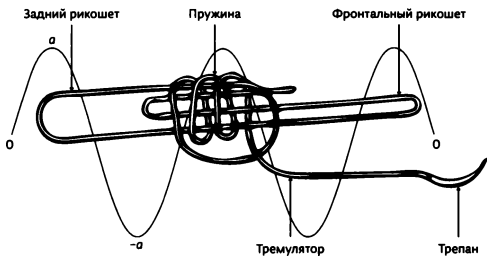

Тетрасомия — аристотелевская модель аффорданса.

Например, Земле и Воде нужен *Menstruum* (живая грязь), чтобы коммуницировать. Живая грязь — это коммуникативная сущность, но также и динамическая граница, трансформирующая или апроприирующая землю и воду, прежде чем открыть их друг другу; она может работать только локально, между водой и землей, и ни в каком другом месте модели *Тетрасомии*. Целое использует эти экономические коммуникации, чтобы консолидировать себя и таким образом допустить Жизнь (выживать).

- 15 Плетеные пространства — это явленные структуры двух управляющих голов — треллиса и таксиса. Если сплетенная сетчатая структура, или треллис, составляет сеть, удерживающую то, что она вмещает, то таксис навязывает обязательный импульс динамизма и активности тому, что захвачено треллисом. Первый указывает на экономическое распределение поддерживающей структуры, а второй предполагает динамизм, закрытый с одной стороны, привязанный к экономической сети треллиса или основанию. Горизонтальная иерархия треллиса — гибкая сеть, мобилизуемая податливостью плетения. Динамизм в плетеных пространствах необходимо ограничен и пре-модифицирован, поскольку динамические линии привязаны к статической линии, то есть с одного конца они ограничены закрытой стороной плетеного фрейма. Плетеные пространства практикуют логику творения, бесконечность которого была ограничена еще до сотворения мира и процесса его строительства. Следовательно, в плетеных пространствах возможности сотворенных существ, их синтеза и дифференциации не производят бесконечность, а используют уже существующую бесконечность мира.
- 16 Мереотопология — это теория топологических отношений между частями и границами. О мереотопологии см.: Barry Smith, *'Mereotopology; a theory of parts and boundaries'* // *Data & Knowledge Engineering, Volume 20, Issue 3 (November 1996). Elsevier Science Publishers*, pp. 287—303.
- 17 Польский философ Роман Витольд Ингарден в своих работах, посвященных онтологии (написанных после разрыва с гуссерлевской феноменологией через критику трансцендентального идеализма), ставит проблему открытости и аффорданса, утверждая, что закрытие (или модулированная/экономическая открытость) — приоритет для открытых систем, а также для анализа ниш как зон проекции власти и подавителей нежелательных взаимодействий и коммуникаций. Открытость ниши защищает себя от того, что делает ее открытой, открывая себя тому, что делает ее закрытой. Только с помощью такой открытости экзистенциальные моменты могут быть допущены, так чтобы затем могли возникнуть модусы Бытия.
- 18 Макропоры позволяют воде стремительно проникать и, что важнее, столь же стремительно утекать, что заставляет воздух быстро возвращаться в корневую зону. Разрушение макропор или масштабный поро-коллапс и следующее за ним размножение меньших по размеру (микро)пор вызывает удержание воды в почве, что повышает вероятность создания анаэробных условий (азрация затруднена), затопления, смыва, снижения урожайности и эрозии. Возрастание твердости почвенной массы и снижение пористости почвы означает, что корни растений часто физически не могут пробиться через слежавшиеся нижние слои почвы и не получают достаточно питательных веществ и/или воды. Нематопространство и его пористые аномалии могут провоцировать опустынивание, как и образование Влажной Земли.

- 19 Крыса как единица разоснования или поли-тической диффузии характеризуется разжигающей и вредоносной силой анатомической мобильности. Гегемония головы постоянно подрывается отклоняющим движением хвоста по извилистой траектории дивергенции и отклоняющего движения. Двигаясь в стае, крыса проводит три четверти времени в воздухе (ярость прыжка). Чтобы двигаться, крыса прикладывает к телу напряжение мышц, или свивающую силу, как иницирующую; эта сила затем перемещается в заднюю часть (задние лапы, задний рикошет). Крыса продолжает процесс, отталкиваясь задней частью, затем приземляясь на переднюю (передние лапы, фронтальный рикошет), перемещая вперед заднюю часть и отталкиваясь снова. В один такт (толчок) фронтальный рикошет ударяет в землю, затем быстро следует задний рикошет, который выталкивает крысу в воздух, и три такта спустя фронтальный рикошет снова касается земли. Пружина свернута, когда задняя часть выносятся вперед, делая скачки крайне бросающимися в глаза. Вся мобильность и распределение сил внутри крысы производят сейсмическую волну, которая приобретает проникающие и исследовательские свойства (умная катастрофа) и раздражает все на своем пути. Хотя все тело крысы — эффективное устройство и распределение эпидемических инструментов, крыса производит инженерию собственного полого пространства, или крысиных нор, используя свою конечность (трепан⁴⁾), чтобы сверлить новые пространства для опустошения. Нет ничего более политически темного, чем взаимная игра головы и хвоста крысы.

- 20 Не следует забывать, что соответствующие формации ваххабизма и Саудовского государства укоренены в пустынном номадизме, и диссеминация ваххабизма в Аравии начинается с открытия обширных нефтяных месторождений в Руб-эль-Хали и появления первых коммерческих нефтяных полей (1938–1946). Эти нефтяные поля привлекали пустынных кочевников заменой их номадических торговых систем узкими государственными денежными потоками от нефтяных доходов. С самого начала коммерциализации нефти в Аравии пустынные кочевники должны были платить налоги (*захят*) деньгами, а не продуктами. По самой меньшей мере, нефть сыграла роль носителя, распространяющего влияние ваххабизма по всем уголкам Аравийского полуострова.

XI От *trépanon* (греч.) — бурав, инструмент для сверления кости при трепанации. — Примеч. пер.

21 Дневник Ахмада ибн Фазлана хранится в библиотеке фонда «Астан-е Кудс-е Рази» в Иране.

22 Обнаруженное изображение Ахримана (или Ангра-Майнью) представляет его в виде демона с рогами, направленными друг на друга, странно искаженным лицом и непомерно большими ушами, которые придают ему смешной вид, отражающий его отличительный способ творения: когда Ахриман желает породить легион, он превращает собственное тело в кровавую бойню творения (иронический ответ на гигиенический про-креационистский метод его брата Ахурамазды); он отрезает часть собственного тела, взрезает орган, вырывает кусок плоти, калечит свое тело, и из этого куска плоти (*лаши*) он создает культ, моровой легион, религию имени самого себя. Со временем раны затягиваются, но шрамы остаются. Повсюду действует машинерия фиброза (избыточного шрамирования) и недозаживления, орды молекул коллагена соединяются в регионы злоделания (преступного творения), новое мясо нарастает на раны, но всегда в форме язвы. Для Ахримана мяса всегда больше, чем нужно, чтобы залечить существующие раны, процесс заживления идет вкривь и вкось. Тот факт, что мясо, или телесная субстанция, принадлежит Богу, или Ахурамазде, делает Ахриманову технику избыточного шрамирования творческой сразу на двух уровнях: во-первых, превращение мяса в разрушающую субстанцию или стихию порчи и изнашивания, которая не может быть заново использована системой; а во-вторых, трансформация процесса исцеления в извращение и болезнь саму по себе. Ахриман предстает как травматический креационист или творец извращенного творения. Отметим, что в «Стирая Древнюю Персию: 9500 лет зывают к разрушению» Хамид Парсани много размышляет о механизмах, особенно о веро-динамиках, задействованных в подъеме культов и тайных обществ, от дэво-яснийских культов в Персии до митраистских культов и христианства, обнаруживая их общность. Во всех культах и религиях Парсани замечает явную и фундаментальную связь между их возникновением (будь то религия или идеологическая множественность) и мясологическим закланием (*im-mola-re*: посыпать жертвенной пищей). Последнее означает подавать себя как амброзию (*ambrotos*: бессмертный) своим появляющимся последователям, культу или населению, как в случае христианства и евхаристической традиции, которая символизирует обновление и самопожертвование, лежащее в основе христианства. Парсани предполагает, что этот принцип происходит напрямую от Зурвана и Ангра-Майнью. Совершая добровольное самопожертвование, *Domínus*, архонт, основатель или верховное существо трансгрессирует авторитарные и доминантные принципы жертвы (вопрос жертвы — оставим пока в стороне дикое оживление избытка в жертвоприношении — состоит в познании того, как дар в качестве аффирмативной силы становится силой доминирования и восхождения), когда он убивает или калечит себя, дабы стратегически пройти через неудачный побег. Это нисхождение от Бога или лидера до жертвенной пищи (заклания), предполагает Парсани, на самом деле представляет собой стратегический шаг к новым властным формациям, неизвестным даже для богов. Когда *domínus* или лидер приносит себя в жертву в виде кусков мяса, которыми он кормит толпу, его приветствуют смертные существа и омерзительные меньшинства, а не боги или даймоны. Однако вопреки их радикальной негодности эти жалкие смертные (культ) обладают властью распространять тело принесенного в жертву божества или лидера. Подобно частицам ветра, разносящего эпидемическую заразу, эти разменные смертные существа распространяют труп бога в форме эпидемии. Такие жалкие толпы могут порождать инфекционные ветра, способные за несколько недель, а то и дней, пересечь континенты. В то же время они проходятся по целым телам самых монолитных импе-

рий, чтобы спалить самое их бытие. Это сама сущность революции как потока. Подъем новых религий и культов, предполагает Парсани, следует таким эпидемическим паттернам, начинающимся с намеренного само-жертвоприношения бога или лидера. С другой стороны, эти очарованные толпы создают неравенство среди населения, взаимоисключающие внутренние трения, вызванные зарождающейся автономией толпы и иллюзией, что ее можно использовать или контролировать. Парсани называет эти так называемые сбои или внутренние расколы «демократическим холокостом»: я есть взрыв населения. Если божество или основатель приносит себя в жертву, то потому, что в этой жертве само-резание равно беременности, то есть беременности множествами. Приносящие себя в жертву божества и лидеры свидетельствуют о том, что только население может быть локацией для гетерогенного творения и радикального участия. Стать же населением или легионом можно, лишь заплатив наивысшую цену — само-калечения и само-пожертвования; превращение себя в пищу для бедных, для убогих и ничтожных. Только так кровавая жертва становится гарантией стремительной эпидемической диффузии. «Ахриманистическая жертва, — пишет Парсани, — имеет целью не только дезинтеграцию себя в популяции, но и включение тысяч человек как истекающих кровью кусочков себя».

- 23 Подробнее см. глубокое эссе Джахангира Кувурджи Койаджи об Ажи, или драконах (в особенности Захаке, или Дахаке, и Тиамат), и апокалиптической литературе в его книге «Мифы и легенды древнего Ирана и Китая» (Бомбей, 1936).
- 24 Исламские машины войны — отличные инженеры Исламского Апокалиптизма, или *Ghiama* (*Qiyamah*, Киямат), где военное выживание каждой машины должно быть потреблено в монополистической всестирающей Пустыне Бога. Слово «Киямат» означает «пробуждение», «восстание» и даже «бунт».
- 25 В оригинальном тексте использовано слово «таслим», означающее покорность, имеющее общий корень со словом «ислам».
- 26 Авестийское местоимение женского рода, значение которого окружено множеством противоречий; отсылает к вербальному индоарийскому корню *druh*: *dru*, *hyati*, что значит чернить; также «ложь», «обман», «заблуждение», «фальшивость» и «иллюзорный порядок». *Druj*- — это женский эфирный дух ГАЗа, исток всех загрязнений и космических моровых поветрий, Мать Мерзостей: женская эпидемия, через которую Ахриман действует и плодит свой моровой легион путем ритуалов самопожертвования или самосодомиривания. *Druj*- — не божество, это ночной прилив, определяемый его неистощимой открытостью к диффузии и всепроникновению. Наиболее зловещая форма заражения *Druj*- в зороастрийской монотеистической культуре — *Druj-Nasu* (Друдж-Насу), трупный демон, некровраг, как сказано в Вендидад. Друдж эпидемически описывается аффиксом *Druj*-, «готовый заражать и загрязнять».
- 27 «Храфстра» на пехлевийском языке древней Персии означает вредителей или моро-легион. Это то, что движется турбулентными роями или стаями: волки, муравьи, саранча, мухи, потоки мыслей и мародеры — грабители трупов, все, что движется эпидемически, что никогда не пребывает в покое. Согласно книге Вендидад, Храфстра — инженеры нечистой земли (*Drujaskan*); они — векторы движения материи во тьму и хтоническую глубину. Храфстра — это стратегические линии открытости Матери Мерзостей (Друдж), машины, захватывающие тела и утаскивающие их в дыры, углы и недоступ-

ные впадины, распространяя и эксгумируя их, то есть делая их эпидемически неотслеживаемыми и моровыми для Государства.

- 28 Такие какофонетические аномалии (соотносящиеся с Солнечным Громом) были дистиллированы в (древнеперсидском) пехлевийском языке. Родившийся из арамейско-семитской первичной клетки, пехлевийский язык содержит до четырех и даже пяти (неогласованных) согласных букв, которые могут помещаться в слове одна за другой, образуя крайне сложные фонетические микросистемы и вокальные звуки.

«Пехлевийский язык — это бесконечный вой, нагсадное молчание всех ближневосточных языков. С одной стороны, он обладает безграничным потенциалом для оккультных бунтов и восстания меньшинств, как в лингвистическом пространстве, так и на конкретном уровне; с другой стороны, он был официальным языком теократического государства зороастрийских Сасанидов. Здесь нам следует задать вопрос, был ли зороастризм как *овит* монотеизма на самом деле деспотическим гравитационным ядром, или же он был инфицированным телом, которое осознанно и тайно разлагалось на меньшинства по мере своего вертикального роста (все еще продолжающегося внутри других ветвей монотеизма): систематической стратегией порождения глобальной инфляции меньшинств, которая превращает Землю в тлеющий клубок червей.

Почему мы должны воображать, что ближневосточные языки с неогласованными алфавитами производят человеческие звуки, или что люди, говорящие на этих языках, остаются людьми?» (Хамид Парсани, «Стирая Древнюю Персию»).

- 29 Солнечный ветер постоянно излучается Солнцем: это плазма, выбрасываемая в космическое пространство и несущая с собой гелиомагнитическое поле.
- 30 Паттерн потока, динамические линии которого движутся наружу (веерообразно) от центральной оси, ориентированной параллельно генеральному направлению потока.
- 31 В авестийском языке Древней Персии каждое действие или орган тела ассоциируются с двумя словами или глаголами — одно на стороне Ахримана (Ангра-Майнью), а другое на стороне Ахурамазды. Слово для творения или рождения — либо *zan* (*frā.thwares*) для монотеистического творения Ахурамазды (указывающее на консолидацию и архитектурное конструирование), либо *hav* (*frā.karet*) для ахриманистического творения. Слово *hav* (рождать) — ахриманистический близнец слова *zan* для творения; оно означает одновременно резьбу, чеканку, приготовление пищи, варку, содомию, жарение, смятие и трение; предполагается, что Ахриман — это кухонный преступник, мировоззрение которого — кулинарный материализм.

- 32 Трансформация трех точек (космической нелокализуемости или трисономической дегенерации) в четыре точки (архитектонический порядок или божественную целостность):

- 33 *Metron* (греч.), этимологически зашифрованное в английских словах *dimension* («измерение», от *dimetiri* — «измерять»), *meter* («метр, измерительный прибор») и т. д. Прекрасно помня знаменитую доктрину Пифагора «Человек есть мера всех вещей» (*ἄνθρωπος μέτρον πάντων*), *metron* можно переводить как «мера», «масштаб», «стандарт» и «ценность». Согласно Сексту Эмпирику, *metron* выражает критерий (масштаб, меру), но Гераклит и Софокл видели в нем сертифицирующее доминирование, доминирование над чем-то. Следовательно, *metron* указывает, что и мера, и измерение внутренне взаимосвязаны с властью, суждением и рассуждением. Критика *metron* объясняет, как измерения (собственно *metron*) осуществляют действие власти, мобилизуют и распространяют ее.
- 34 В последней главе книги «Стирая Древнюю Персию» Парсани обращается к странному месопотамскому мифу, в котором солнечный бог радостно убивает себя, чтобы решительно снизойти — не на поверхность земли, а в ее чрево. Миф о божестве Солнца, приносящем себя в жертву и сходящем в самые глубинные регионы земли, затем становится имплицитно повторяющимся образом, который Парсани видит в самозахоронении солнечного бога, смоляных или нигресцентных следах нефти. Для Парсани нефть как гелионигредо или черный труп Солнца маркирует переоткрытие мифологии как политической геофилософии, колеблющейся между экономией и этикой открытости. «Бессознательное мира завершается в смерти Бога. Мечта Земли об этой смерти реализуется в нигредо, настолько сильно пропитавшем темные сны, что иногда оно просачивается наружу» (Хамид Парсани). Отметим, что нигредо — в сущности, состояние, где глубина и тьма полностью накладываются; это одновременно аффирмация и основания, и его подземных потенций. В алхимии нигредо — это состояние затемнения, обычно ассоциирующееся с гниением и распадом, — труп или, на авестийском языке, *lasy*. Один из тематических образов, связанных с нигредо, — труп, вскрытый или разрезанный на куски. Согласно Парсани, месопотамский миф о солнечном божестве, приносящем себя в жертву или превращающем себя в пищу (*immolare*), — это «эзотеризм, сорвавшийся с петель»:
- «Восстание Земли против Солнца, или, другими словами, Теллурианская этика радикальной открытости, представляет собой извращенную модель алхимии, в которой химия и ее идеи становятся сущностно катабатическими (глубинными или направленными вниз) и, следовательно, про-основанием. Алхимическое высвобождение Земли как бунтующей сущности и декларативная этика радикальной открытости зависят от полного связывания „смерти Бога“. В алхимии движение к совершенству базируется на освобождении от гравитации и трансценденции — переходу от нигредо (черноты) к альбедо (белизне) и, наконец, к рубедо (красноте). В смерти Бога или самопожертвовании бога Солнца химические векторы начинаются с рубедо, или красного цвета Солнца, и нисходят к нигредо, или хтонической черноте».
- 35 «Тактика — это мастерство управления солдатами на войне, а стратегия — это искусство вывода сил на поле боя» (фельдмаршал граф Арчибальд Уэйвэлл). Стратегия находится за пределами поля боя, на котором применяются тактики, и все же внутри войны.
- 36 Хтоническое, от *Khton* и *Khtonie* (Она-под-Землей), относится к глубинам Земли (*katabasis*). Это слово главным образом означает нижний мир, а именно плутонические аспекты

Земли как лежища богов, которые утверждают кататические аспекты (нисхождение, коллапс, движение вниз) возникновения с помощью Земли, или химии основания.

37 Аватар — это маска становления хтоническим, от санскритского *avatara*-, что означает нисхождение, намеренный нырок в кататические (вниз или вглубь) пространства с целью выполнения некоей миссии. Как результат нисхождения на мировой план, аватар оказывается связан с инкарнацией.

38 Парсани отсылает к Вендидад как самой отвратительной книге, когда-либо написанной человечеством и имеющей практикующих последователей. См.: Вендидад (*Vī.daevo.dāta*), перевод с пехлевийского Хашема Рази, *Sokhan Publisher*.

Vī: анти-

Daevo: женская форма *Daiva* (отсылка к Друдж, Матери Мерзостей)

Dāta: от *Dātik* (Закон, в особенности божественные законы)

39 На арабском слово «шариат» означает путь или дорогу. В исламе шариат конституирует канонический закон ислама, применяемый и к общественным, и к частным аспектам жизни.

40 Шахада — исламский символ веры. Добровольно произнеся шахаду, совершают принятие ислама и становятся мусульманином.

41 Согласно Парсани, Нергал — это образец павшего солнечного бога, «субтопический солнечный бог, нисхождение которого внедряет любовь в бойню открытости, переплетает солярное безумие с низовой гнилью и глубоким теллурианским предательством против Солнца. Нергал одновременно ассоциируется с нижним миром и типичным высоким алтарем Солнца (холм под названием Телль-Ибрагим в городе Кута). Он влюблен в Эрешкигаль, царицу подземного мира, и в то же время он есть манифестация гниющего Солнца. Нергал — точка, в которой все — противоположности или расхождения — накладывается. Восстание против гелиоцентризма, открытость, пустыня, странная влажность нефти сплетаются вместе в вестиральной любви Нергала к госпоже подземного мира». В различных работах Парсани встречаются многочисленные отсылки к Нергалу. Например, вот пассаж из его записок:

«Демоны войны обычно изображаются двухголовыми: одна голова идет в битву, другая плетет заговоры и контрзаговоры. Есть пишущие чудовища, которые пишут двумя головами, находящимися спереди и сзади, направленной вперед и повернутой назад. Нергал — архидемон войны и мора — имеет два лица, две соединенные головы, смотрящие в разные стороны: Одна направлена вперед, другая назад. Находящаяся впереди — с лицом льва (соответствующим его исходному Зурван Акарна), обозначающая натиск войны в направлении его стрелы, придающей ему сходство со Стрельцом. Голова, расположенная сзади и всегда направленная назад, представляет собой комбинацию шакала, бешеной собаки (одного из воинов Тиамат) и гиены (идентичной лицу Пазузу). Эта странная голова характерна исключительно для богов и демонов мора, а также голода. Когда Лев-Нергал рвется на бойню, пожирает и разрушает места Войной, другая голова смотрит назад и распространяет по разоренным местам болезни, опустошение и горе своим какофоническим воем, гарантируя, что никто и ничто не переживет нежизнь войны».

Абстрактный Любовник (ABSTRACT LOVER, AQ = 273)

Конкретная сущность, напрямую выделившаяся из «НАПАЛМ-обсессии» или «нафт-диссоциативного синдрома». Обычно ассоциируется с любовью как неполным сгоранием, хроматическим искажением всех цветов в сторону розового и произвольным подчинением пустыне.

Аз (AZ, AQ = 45)

Не только БЕЗДонная [ABYZma] картография всех моровых сущностей Земли (от Ab до yZ), но также Аз, дочь Ахримана. Аз — вампирический предшественник петрифагических сущностей.

Бактериальная Археология (BACTERIAL ARCHEOLOGY, AQ = 351)

Возбуждение зараженной бактериями химии Земли путем превращения ее в пол()ый комплекс; раскопки планетарной сферы как нередуцируемой сложности или [системы] взаимных связей между земными эпидемиями и космическими химиями, или анонимными материалами.

Вавилон (BABYLON, AQ = 134)

Бывшие ворота во Внешнее на Ближнем Востоке (32°32'11" с. ш. 44°25' 15" в. д.).

Видеоигровой нарратив (VIDEOGAME NARRATIVE, AQ = 353)

Нарратив, в большей степени основанный на популяционном сдвиге (нумерическом динамизме), нежели на перспективах или социальных и индивидуальных диспозитивах. Видеоигровой нарратив может быть разбит на две основные конфигурации.

XII Поскольку гематрические значения даны для английских слов, мы указываем и наш перевод, и исходный английский вариант, которому соответствует числовое значение в Гематрии, или Англоссической Каббале (AQ). — Примеч. пер.

1. «Нечто», визуализируемое в играх от третьего лица, шутерах от первого лица, ролевых играх (RPG), приключенческих играх. План Нечто характеризуется отсутствием какого-либо сознания себя, несмотря на полный контроль с точки зрения первого или третьего лица, синдромом диссоциативной фуги, зеркальностью и полным погружением игрока или читателя в Игрокосм или игровое пространство.
2. «Орда (населяющие множества)», визуализирована в стратегиях в реальном времени (RTS), скирмишах, играх-симуляторах. План Орды отличается такими элементами, как взаимозаменяемость сущностей, взаимное обогащение перспектив с помощью постоянных сдвигов между разными популяциями (переключение с одной расы на другую в стратегиях в реальном времени), взгляд Сверху, власть роя, вездесущность или бытие-толпой, типичные классы урона в играх типа «Подземелья и драконы», LFM-сообщения в онлайн-играх (поиск Большого [отсылает к инженерии толпы]). Видеоигры через свой игрокосм навязывают логику ночных кошмаров.

Внешнее (THE OUTSIDE, AQ = 216)

Радикальное внешнее определяется не дистанцией или регионом, а своей экстериорной функциональностью или активностью. Внешнее невозможно в условиях обладания, но оно может быть схвачено через его аффективное пространство, или открытость, в котором выживание (как ограничение тотальной открытости допустимостью) одновременно экзистенциально возможно и функционально невозможно; aka (He)Жизнь.

ГАЗ (GAS, AQ = 54)

Чума расплава; терминальная множественность. Схватывание ГАЗа антропоморфными агентами предполагает отключение всех модусов восприятия или полную слепоту.

Гиперкамуфляж (HYPERCAMOUFLAGE, AQ = 291)

Если камуфляж задействует частичное наложение двух или более сущностей, гиперкамуфляж есть полное наложение и совпадение двух или более сущностей. В этом предельном камуфляже простое выживание хищника представляет угрозу добыче, даже если хищник никогда не вступает во взаимодействие с ней. Гиперкамуфляж ассоциируется с воином Такия или Нечто (из фильма Джона Карпентера); его можно определить как тотальное ускользание от восприятия друзей и слияние с врагом: перерождение нового, неизвестного врага.

Делез и Гваттари (DELEUZE AND GUATTARI, AQ = 356)

«Я хочу сдать кровь. Кровь некоторых философов».

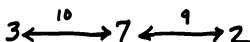
Деструдо (DESTRUDO, AQ = 178)

Как субъективный гедонистический импульс антропоморфное желание — это капиталистический модус рабства, привязанный к либидо или апроприированной стороне открытости (то есть бытия открытым чему-либо), который избегает радикального Внешнего в пользу допустимой версии экстериорности. Но каждому экономически допустимому желанию и либералистской открытости соответствует субверсивное разрушение, навязываемое радикальным Внешним изнутри и снаружи, называемое Деструдо. Деструдо — это сопротивление радикального внешнего «допусканию», или экономической открытости.

Двойная Нумерация (DOUBLE-NUMBERING, AQ = 297)

Структура дракоспирали одновременно поддерживается нумерической аффирмацией с двух противоположных полюсов. Эта предательская коммуникация между противопо-

ложными полюсами имеет результатом скорее дезориентацию, нежели склонность к формированию верховной сущности или власти (числа, силы, точки референции или институции); aka Двуличие или Трисономический Паразитизм. См.: *Трисон и Инженерия Ересей*.

Дракоспирализм (DRACO-SPIRALISM, AQ = 283)

Шумеро-вавилонская диаграмма определенного рода динамизма, ползучести Матери Мерзостей. Дракоспирализм не отдает предпочтения кривым перед прямыми линиями или сегментами. Дракоспирализм очерчивает аномальные сотрудничества между двумя динамическими линиями и их автономной трансформацией в оружие, в вектор, способный вызывать Внешнее. Дракоспираль — это линия, ориентация которой в пространстве больше не представляет собой направление. Разница между «двойной спиралью, или партисипативной линией убегания» и древней непочтительной моделью дракоспирализма состоит в том, что, несмотря на ее коллективный динамизм, двойная спираль всегда предполагает вертикальную линию ускользания, или Мировую Ось (*Axis Mundi*), миссия которой — покинуть зону действия гравитации режима. По этой причине двойная спираль нуждается в коррекции своего динамизма относительно гравитационной силы, то есть ограничения. Дракоспирализм же не ведает такой динамической дисциплины, ассоциирующейся с бегством из режима путем преодоления его гравитации.

Инженерия ересей (HERESY-ENGINEERING, AQ = 340)

Двойное предательство, или Трисон, лежит в основе всякой еретической деятельности. В соответствии с нумерическими связями между вершинами треугольника на кресте Ахта — пары, составляющие девятичную сумму (неокончателность), по одной стороне, а десятичную сумму (божественное совершенство) — по другой — инженерия ересей может быть охарактеризована в терминах двойной нумерации. Как наиболее эффективный способ подорвать любое проявление гегемонии, двойная нумерация образует одновременные коммуникацию и сотрудничество между двумя планами, сущностями или событиями, чтобы извлечь и прагматически вывести синергетически-противоположные стороны. См.: *Трисон*.

Инженерия трупа твердости (ENGINEERING THE CORPSE OF SOLIDUS, AQ = 597)

Хотя твердость, или основание, с его гравитацией, целостностью и тиранической полнотой в конечном итоге ограничивает, уничтожение основания также приводит к становлению другого гегемонического режима — режима смерти и разрушения. Верной реакцией на обе самовлюбленные власти (созидания и разрушения) становится инженерия трупа твердости: формулирование прагматики разоснования, а не привнесение твердости или основания в ничто. Разоснование связано с открытием или раскапыванием химически разлагающей изнанки Земли. Труп — это возвышенная манифестация гниения. Гниение, или космогенез распада, предвещает пришествие химии. Вернуть себе Землю с помощью трупа твердости.

Ката- (KATA-, AQ = 69)

Греческая приставка, означающая движение через глубину (вниз или, точнее, вглубь). «Ката-» очерчивает картографии Бездны; потому оно ставит вопрос глубины (что/где есть глубина?) согласно взаимному заражению твердого и пустоты или двойной ереси глубины по отношению к поверхности и дыре. Очерчивая глубинный вектор нисхождения, «ката-» представляет собой вектор коллапса, проходящий через двойственность твердого и пустоты и невозможность их полноты или консолидации. Привязанное к своим ресурсам (твердому и пустоте), «ката-» не имеет креационистских амбиций; его энтузиазм направлен на неустанный спуск вниз или, точнее, событие глубины, которое предает равно и твердое, и пустоту, одновременно утверждая и то и другое. Следовательно, «ката-» динамически ассоциируется с Трисоном, или двойным предательством. Катабатическое, или глубинно-направленное, движение реализует трисономическую мобилизацию Земли. «Ката-» практикует ускользание через бездонную экономию глубины или Бездны.

Крысы (RATS, AQ = 94)

Процесс разоснования на любом своем уровне (от эпидемического вторжения до детерриториализации) осуществляется ацефальными единицами, известными как крысы. Составленные из трех основных функций — бега, вытеснения и хвосто-функции, крысы могут концентрировать разрушительную силу, интенсивность которой способна превзойти даже интенсивность консолидации основания. В крысах политическая корреляция между головой и хвостом не только извращена, но и скрыта.

Ксенокоммуникация (XENO-COMMUNICATION, AQ = 361)

Коммуникация или обмен данными на основе плана бытия открываемым (чем-либо), а не бытия открытым (чему-либо).

Ксеродром (XERODROME, AQ = 198)

Основа всех монотеистических религий или систем с религиозной платформой — Пустыня. Если монотеизм выработал фетишистскую ненависть к идолам, то только потому, что монотеизм должен рано или поздно распределиться по пустыне, все контуры которой (идолы) приравнены к 0, а линии формы (территории поклонения) инкорпорированы в 1 и только 1. Хотя такая пустыня и созерцает (в аристотелевском смысле) Божественное, ее функция — выстроить твердую поверхность (соответствующую ее негибкости в разных направлениях и консистентности), или план имманенции для коммуникации с Солнцем. Соответственно, омега-пустыня соединяет Теллурианского Инсайдера с Солнцем. Ксеродром — одновременно религиозное и теллурианское восхождение к высшему проявлению богохульства путем субверсии самой сути монотеистического абсолютизма.

Ктулхонидная Этика (CTHULHOID ETHICS, AQ = 329)

Политическая этика, необходимая для замены или подрыва существующих политико-экономических и религиозных систем. Ктулхонидная Этика сущностно необходима для ускорения явления радикального Внешнего и встречи с ним. Ктулхонидную Этику можно охарактеризовать вопросом «Что случится дальше?», когда он оборачивается другой стороной или радикальным аутсайдером, а не человеком и его способностями.

Кукловодство (PUPPETRY, AQ = 209)

В теории струн кукловодство — это зона передачи данных между одержимым и захватчиком, кукловодом и марионеткой.

Леттратура Друдж (THE DRUJ LETTERATURE, AQ = 393)

Символ, композитное число или динамическая нумерическая ось, замаскированная под число 888, отравившее слева и справа два когтя, напоминающих крюки для мяса. Леттратура Друдж начинается почти по прямой, а затем закручивается, разворачиваясь, как раскрытая лента Мебиуса. Тянувшаяся к Западу и к Востоку, с двумя направленными друг к другу придатками, она диаграммирует демонографические очертания рогов Ахримана, сплетающихся друг с другом, и змей, растущих из плеч Захака, указывающих на восток и на запад (Ось «Гог-Магог»). Леттратура Друдж симулирует каллиграфические очертания слова «Аллах» на арабском путем его скручивания на обоих концах самым непонятным образом.

Мать Мерзостей (MOTHER OF ABOMINATIONS, AQ = 412)

Инженер вульвокосмических сингулярностей.

Мертвый Бог-Мутант (MUTANT DEAD GOD, AQ = 246)

Смерть Бога как событие была тео-мифическим изобретением Философии. Мертвый Бог-Мутант, напротив, начинается там, где заканчивается философия: нет ничего более зловредно-плодотворного, чем мертвечина Бога.

Месопотамия (MESOPOTAMIA, AQ = 226)

Мезофильная разумная сущность, ассоциирующаяся с опустынивающей изнанкой Теллурианской динамики и упорно удерживающаяся в ближневосточных регионах тела Земли с 2300 года до нашей эры.

Миф Отряда «Дельта» (DELTA FORCE MYTHOS, AQ = 323)

Имеет отношение к Войне с Терроризмом и нисхождению, или катабасису (как в «Одиссее» Гомера), в месопотамскую гравитацию ужаса ради следования доктрине Зла-против-Зла. Миф Отряда «Дельта» рассказывается как археологическое предприятие по эксгумации древних машин войны и петрополитических низовых потоков, поэтому это милитаризация именно в терминах археологии и геофилософии. Миф Отряда «Дельта» — это эпос о Ближнем Востоке как разумной сущности: нарратив, мобилизуемый западной технокапиталистической машиной.

Насу (NASU, AQ = 91)

Некротизированная материя, или алхимический эликсир. В хтоническом колдовстве насу, или черная материя, — это терро-опора Земли как пространства незавершенной или бесконечной химии. Насу отмечает разворачивание космогенеза разлагающихся сущностей (политических систем, организаций, существ и т.д.). Насу связан с распадом и определяет процессы и материалы, необходимые для большинства видов политического и шизотратегического колдовства, глубоко экзотерические, но все же про-основательные.

Неаутентичность (INAUTHENTICITY, AQ = 304)

Соучастие с анонимными материалами.

Оккультурный Расплав (OCCULTURAL MELTDOWN, AQ = 394)

Известный также как Ассирийский Синдром, вызванный добровольной симуляцией государством оккультурных сущностей и другого стратегического оружия с целью отпугнуть аватары Внешнего. Хотя Государство перфорирует свои границы, чтобы совершенствовать себя как открытую систему (способность к одомашниванию аутсайдеров), оно

рано или поздно будет вскрыто Внешним. Коллапс государства становится результатом соучастия между аватарами внешнего и стратегическим оружием государства, одна сторона которого всегда несвязанна. Оккультурный Расплав происходит синхронно с подъемом Ближнего Востока как интенсивной зоны боевых действий и эпидемий.

Ось «Гог-Магог» (GOG-MAGOG AXIS, AQ = 233)

Горизонтальное перемещение теллурианских свойств на ксеродром.

Ось Зла-против-Зла (THE AXIS OF EVIL-AGAINST-EVIL, AQ = 490)

Экономически сокращается до Оси Зла; экспериментальный проект оккультурного вооружения и стратегическое оружие, которые в итоге привели к тотальной аннигиляции ассирийской цивилизации, а также соседних империй. Ось Зла-против-Зла может быть нумограмматически представлена как десятигранник, складывающийся вдоль горизонтали путем серии нумерических сочетаний и синергетических оппозиций. Крест Ахта представляет собой диаграмму и прогнометр Оси Зла-против-Зла в отношении Теллурианской динамики.

Пазузу (PAZUZU, AQ = 165)

Демонограмматическая схема месопотамского оккульт-трафика и популяционной динамики, характеризующаяся удвоением полета (значение перелета = 2), экстраорганизационной избыточностью, использованием по измерениям и максимальной способностью к одержимости. В отличие от пространственной миграции расползание по измерениям генерирует эпидемическое распространение; пазузоидные структуры, такие как Моровое Колесо, совпадают с голодом, Теллурианской пагубой и налетом саранчи.

Петрополитика (PETROPOLITICS, AQ = 294)

Картография нефти как вездесущей субстанции, нарративизирующей динамику Земли. Согласно Хамиду Парсани, нефть — низовое течение всех нарративов. Петрополитика может изучаться для того, чтобы привести к возникновению Ксеродрома как плоской кульминации Одиссеи Трубопроводов, или мира, нарратив которого производится главным образом нефтью и с ее помощью.

Подъем Ближнего Востока (THE RISE OF MIDDLE EAST, AQ = 368)

Происходит синхронно с ассирийским Оккультурным Расплавом. Подъем Ближнего Востока означает первичное возникновение Ближнего Востока как живой и разумной сущности в буквальном, неметафорическом смысле; терминологически обозначается Парсани как Тиаматериализм.

Поли-тика (POLYTICS, AQ = 191)

Политические градиенты, характеризующиеся множественной прагматикой и многофокальными операциональными передними краями. Поли-тики — это прагматические расширения шизотратегий. Поли-тика участвует в организации событий, превращая все в стратегии. См.: *Шизотратегия*.

Пол()ый комплекс (()HOLE COMPLEX, AQ = 227)

Пол()ый комплекс переизобретает Землю как машину для ускорения возвращения Древних; его запутанность непоправимо нарушает репрессивную Полноту Земли, предоставляя ей бесчисленные возможности породить то, что Парсани называет «Теллурианским Бунтом» или «Революцией против Солнца во имя Инсайдера Земли» (Х. Парсани, «Стирая Древнюю Персию: 9500 лет зывают к разрушению»).

Порожденный (BEGOTTEN, AQ = 160)

Философам нужно время, чтобы узнать, что смерть бога — не то, что они предполагают или ожидают (фильм режиссера Эдмунда Элиаса Мериджа, 1991).

Пустыня (DESERT, AQ = 125)

Ксеродром (или сушь-сингулярность Земли) одновременно как все-стирающая монополия монотеистического Бога и Теллурианская Омега на плане базового соучастия с космическим пандемониумом (Пылью, Солнцем и Теллурианским Инсайдером). В делезо-гваттарианском смысле Пустыня означает воинствующую горизонтальность или предательский план консистентности — монотеистического апокалиптизма и Теллурианского Бунта против Солнца (бога). Как сушь-сингулярность пустыня обычно связывается с неслыханными прежде влажными элементами и, таким образом, открывает возможность революционного, но аномального (и, возможно, странного) космогенеза, или процесса миростроения.

Реликвии (RELICS, AQ = 120)

Одержимость технокapитализма и ислама эксгумацией артефактов и древнего супероружия. Проследите замороженность эксгумацией реликвий в поп-культуре, особенно в видеоиграх. В Бактериальной Археологии реликвия — это оператор эксгумации, который спутывает хронологическое время, связывая Сейчас с бездонными временными масштабами. См.: *Эксгумация vs. Архитектура*.

Розовый (PINK, AQ = 86)

Розовый следует за Красным.

Спирали обратной связи (FEEDBACK SPIRALS, AQ = 266)

Фундаментальный элемент двуличия и двойной нумерации, спирали обратной связи поддерживают свое самоподкрепляющее движение, мобилизуя Трисоны. Соответственно, они имеют треугольную воронкообразную структуру. Спирали обратной связи обеспечивают коммуникацию Трисонов в поли-тической формации; они поддерживают автономию властных формаций на Ближнем Востоке, создавая поле взаимодействия между Трисонами. Спирали обратной связи — Тиаматериалистические эквиваленты божественного творца. См.: *Двойная Нумерация и Тиаматериализм*.

Схватывание войны как машины (GRASPING WAR AS A MACHINE, AQ = 396)

В контексте социального, экономического и военного распада, ассоциируемого с яростными монотеистическими машинами войны (принадлежащими партизанским государствам), и автономии Исламского Апокалиптизма как пандемического события делезо-гваттарианская модель войны как следствия конфликтов между машинами войны оказывается проблематичной. Модель войны-как-машины действует в соответствии с анатомией войны; она схватывает войну как машину со всеми ее машинными (но не механистическими) деталями. По этой причине модель войны-как-машины избегает дискурсов, институционализирующих войну как социальный, экономический или политический объект

внутри антропоцентрической системы суждений. У войны есть собственные экономика, политика, социус и население.

Теллурианское Богохульство (TELLURIAN BLASPHEMY, AQ = 375)

Демонограмматическое декодирование тела Земли. Теллурианское богохульство производит нездоровый нарратив, в котором Земля предстает как необъятная машина разоснования. В терминах Теллурианского богохульства «мыслить по-земному» не значит быть политически консервативным. Мыслить по-земному — это пронизывать Землю дырами (сюжетными, функциональными, структурными и целостностными).

Теллуро-магнетический Апостасизм (TELLURO-MAGNETIC APOSTASISM, AQ = 532)

Поли-тики Земного Инсайдера, операциональный передний край которых мобилизуется в ответ на солярную гегемонию и упрямую политику Солнца. Паразитируя на солярной тирании, инсайдер Земли собирает религию, форма которой с необходимостью связана с подавлением солярного избытка (логикой страты, консервации и молекулярного порядка в магнитосфере), но ее функция состоит в том, чтобы ориентировать все тело Земли относительно Солнца в режиме аномального сотрудничества, или пакта, который разрушает гегемонию солярной империи и развивает новые властные формации, внешние по отношению к всепоглощающему суверенитету Солнца.

Телль (TELL, AQ = 85)

Арабское слово «курган». Курганы — теллурианские сущности, имплицитно связывающие археологию (враждебную, малопонятную или неизмеримую древность) с ужасом Инсайдера (как в случае «Нечто», «Экзорциста») через эксгумацию. Подлинность дешевых ужасов, в которых не встречается слово «курган», весьма сомнительна.

То-что-без-Генезиса (THE-THING-WITHOUT-GENESIS, AQ = 483)

Ака Священное.

Трисон (TRISON, AQ = 149)

Динамический нумерический альянс, который может быть обобщен как «один за Девять» (цело-разлагающая незавершенность) и «девять за Одного» (божественный перфекционизм) с противоположных сторон. Трисон — нумерическое поле всех радикальных восстаний, ересей и субверсий. Называемый в зороастрийских писаниях *drēm*, или бесконечная нечистота Друдж, Матери Мерзостей, он может быть геометрически оформлен как треугольник или три точки. Трисон — горизонтальное сечение дракоспирали; другими словами, дракоспираль как хирургическая линия открытости есть непрерывность нумерической линии стратегии с треугольным скручиванием. Эффективность и действенность деятельности Трисона подпитывает динамизм дракоспирали. Согласно Хамиду Парсани, ближневосточные властные формации, радикальные бунты и веродинамики развиваются и направляются поли-тическими единицами, называемыми Трисонами, которые взаимодействуют друг с другом с помощью того, что может быть нумерически и структурно картографировано как Спираль Обратной Связи. См.: *Инженерия ересей, Поли-тика, Спираль Обратной Связи.*

Туман Войны (FOG OF WAR, AQ = 163)

Согласно модели Войны-как-машины, Туман Войны состоит из частиц (окончательно разрушенных машин войны), образующих объемы тумана (*diaspora*) и облаков (конденсированные кластеры) с целью незаметного распространения войны на все и вся. Хотя Ту-

ман Войны отключает все модусы сознания, он сообщает машинам войны иллюзорное, но весьма конкретное видение, на основе которого взаимодействия машин войны подразделяются на три плана: а) командования; б) логистики; в) тактики. Эти тактические планы приводят машины войны к выводу, что война есть следствие их взаимодействия, а не наоборот. Хитрость Тумана Войны в сокрытии или искажении радикальной неясности войны. Стратегия Тумана Войны — ослепить машины войны, дабы им не была ясна сущность самой Войны. Туман Войны скрывает ее имманентность, распаляя машины войны иллюзией их независимого существования.

Шизотратегия (SCHIZOTRATEGY, AQ = 293)

Стратегии бытия открываемым (чем-либо), а не бытия открытым (чему-либо). Когда дело касается допустимости, желание внешнего — это подавление. Однако в терминах шизотратегии любой инструмент подавления заключает в себе путь к внешнему, пусть и невольный, и не напрямую. Шизотратегии всегда возникают из аномальных (в смысле позиционирования и взаиморасположения двух или более сущностей, а не их необычности) способов сотrudничества с Внешним.

Эрафикация (ERATHICATION, AQ = 231)

Биоразлагающая сила Земли, равная константе Ω , требуется для окончательного складывания сложной сборки Земли с целью редукции ее полноты до $P/O (= P/a)$, где a — презентация поддерживающей поверхности или основания, стремящейся здесь к нулю, а p — сила.

Эксгумация vs. Архитектура (EXHUMATION, AQ = 220)

С учетом того, что этимологический ресурс эксгумации — разоснование (*ex + humus*), преопределение всех архитектур — в конечном итоге быть эксгумированными. Эксгумация оскверняет творение, способствует его отходу от божественной целостности, воскрешая существ преждевременно и не в соответствии с хронологическим паттерном творения (родиться, умереть, быть мертвым, быть воскрешенным Божественным). Эксгумация подрывает порядок страт; она вызывает или воскрешает существ до того, как придет их время. В этом смысле эксгумация — это призыв потенциальностей основания до того, как они будут актуализированы на и в основании. Эксгумация схватывает эти потенциальности каким-то иным образом, нежели *status quo* или актуальности основания, поэтому все, что она порождает или обнаруживает, будет маркировано как неуместное, то есть фундаментально не ко времени и не в ритм. Акт эксгумации ассоциируется и с Теллурианским Бунтом (разлагающим полноту Земли), и с временным колдовством (размыканием временных масштабов, которое не может быть синхронизировано в хронологическом времени). Поскольку разоснование, или эксгумация, выводит из строя консолидирующую силу основания, Земля больше не может быть рассказана по ее внешней поверхности — только по ее сюжетным дырам, червоточинам эксгумации. Следовательно, эксгумация готовит Землю к полноценному возникновению в виде пол()ого комплекса.

Реда Негарестани

Циклопедия: соучастие с анонимными материалами

Перевод

Полина Ханова

Научная редаitura

Йозель Реев

Редактура

Наташа Берновик, Клавдия Шоша

Корректурa

Мария Янушкевич

Дизайн

Максим Плоскирев

Иллюстрация на обложке

Александра Воробьева

Издательство «Носорог»

www.nosorog.media

Издательский дом «Мамихлапинатана»

www.artel.media

По вопросам оптовой закупки книг издательства

«Носорог» обращайтесь по адресу sales@nosorog.media

ООО «Мамихлапинатана»

123022, г. Москва, пер. Столярный, дом 3, корпус 1

тел.: +7 499 652-51-43

e-mail: hello@artel.media

Тираж 2000 экз.

Отпечатано в ООО «Радугапринт»

117105, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 28А

заказ № 416—10/19

**МАМИ-
ХЛАПИ-
НАТАНА**

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС**